

ИДУ
НА
ГРОЗУ

Роман,
повесть

Самм

Предметы культа

Даниил Гранин

**Сочинения. Том 2.
Иду на грозу. Зубр**

«Издательство АСТ»

1962, 1987

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гранин Д. А.

Сочинения. Том 2. Иду на грозу. Зубр / Д. А. Гранин —
«Издательство АСТ», 1962, 1987 — (Предметы культа)

ISBN 978-5-17-982846-4

В двухтомнике Даниила Гранина представлены его произведения, объединенные темой науки, научных изысканий и нравственного поиска, смысла жизни. Во второй том «Иду на грозу» вошел культовый роман начала 60-х годов «Иду на грозу» и повесть «Зубр» об ученом-биологе И.В. Тимофееве-Ресовском, чье имя долго было под запретом.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982846-4

© Гранин Д. А., 1962, 1987
© Издательство АСТ, 1962, 1987

Содержание

Иду на грозу	6
Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	17
Глава пятая	21
Глава шестая	24
Глава седьмая	28
Глава восьмая	35
Глава девятая	39
Глава десятая	48
Глава одиннадцатая	56
Часть вторая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Даниил Александрович Гранин

Иду на грозу

© Д. А. Гранин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Даниил Гранин (1919–2017) – известный прозаик, публицист, участник Великой Отечественной войны с первых ее дней до победы – от ополченца до командира роты тяжелых танков. Автор более тридцати романов и документальных сочинений, «Блокадной книги» (совместно с Алесем Адамовичем). Лауреат российских и международных литературных премий, в том числе премии «Большая книга», и многих правительственных наград.

В двухтомнике Даниила Гранина представлены его произведения объединенные темой науки, научных изысканий и нравственного поиска, смысла жизни. Во второй том вошел культовый роман начала 60-х «Иду на грозу» и повесть «Зубр» об ученом-биологе Н.В. Тимофееве-Ресовском, чье имя долго было под запретом.

Самое дорогое для меня – дойти до противоречия в характере. Мне интересно добраться до непонимания человека. Если исходить из того, что человек – это тайна. Надо добраться до тайны.

Даниил Гранин

Иду на грозу

Часть первая

Глава первая

Волшебник прилетел в Москву шестого мая в восемь часов утра. Он первым сбежал по качающемуся трапу на бетонные плиты аэродрома. Взгляды встречающих устремлялись к нему и соскальзывали: никто не находил ничего особенного в этом стройном загорелом парне в модном ворсистом пиджаке.

Он прошел сквозь толпу, оставляя позади поцелуи, смех, цветы, неестественно громкие голоса, какие бывают в первые минуты после приземления, когда еще длится легкая глухота.

Весь его багаж составляла кожаная папка, где между бумаг брэнчали мыльница и зубная щетка.

Через тридцать минут такси подвезло его к центру. Утренний людской поток втянул его, понес, крутя у дверей метро, у подземных переходов, у газетных ларьков. Москва спешила на работу, заставляя ускорить шаг.

Над сверкающей стремниной машин плыли высокие, обтянутые голубым стеклом троллейбусы, похожие на аквариумы. На перекрестках бойко торговали цветами. В зеленых бачках вскипала черемуха. Сквозь нарастающий шум остро, по-детски процокал ослик с рекламой цирка. Было без десяти девять, кругом уже не шли, а бежали.

За зеркальным стеклом витрины стояла девушка, держа рулон пестрого ситца.

Казалось, что это манекен, но вдруг девушка наклонилась, и волшебник, улыбаясь, задержался перед витриной и приказал, чтобы она посмотрела на него. Девушка послушно обернулась и, оглядев его, что-то сказала. Губы ее беззвучно зашевелились, а потом она рассмеялась, рот открылся широко, как будто она хотела показать все свои зубы – и не могла: так много их было, маленьких, розоватых, похожих на бусы.

Он пошел дальше, двигаясь странными зигзагами, то замедляя, то убыстряя шаг, сворачивая в солнечные тихие переулки и вновь возвращаясь на центральные бульвары.

У Пушкинской площади он задержался перед газетным щитом.

Москва торжественно встречала победителей Олимпиады.

В Кремле состоялся прием участников астрономического конгресса.

Открылась выставка строителей.

Наградили орденом академика Лихова.

Он читал газету с особым аппетитом приезжего, которому все происходящее в Москве вдруг стало доступно: можно было побывать и на выставке, и на конгрессе.

В этот раз его прибытие в Москву пройдет незамеченным. На завтрашние газеты вряд ли стоило рассчитывать. Никто из репортеров не справлялся о нем, а ведь не так уж много волшебников приезжает в Москву. И все же где-то в будущем существовал номер газеты с его фотографией: среди букетов цветов он, улыбающийся, или нет – лучше усталый, чуть смущенный. А внизу интервью: сегодня Москва встречала Олега Тулина; «в беседе с нашим корреспондентом Олег Николаевич рассказал...».

Человеку никогда не будет дано прочесть послезавтрашний номер газеты. Но на то и существуют волшебники – совершенно явственно он видел этот влажный от непросохшего клея газетный лист со своей фотографией на последней странице.

С Каменного моста открывались золоченые купола соборов Кремля. А справа в солнечном дыму стоял высотный дом, чванливый и плоский, красный прибой крыш бился о его подножие. Повсюду, как мачты огромного флота, двигались башенные краны.

Подобно полководцу, он изучающе разглядывал город, который ему предстояло завоевать, который должен будет признать его и который еще не подозревал этого.

Грандиозность желания вызвала у него ироническую улыбку, за ней скрывалось уважение к самому себе.

Он задержался на перекрестке, выбирая направление. Нерешительность не была ему свойственна, скорее то было состояние неустойчивого равновесия, когда достаточно малейшего повода, чтобы сделать выбор.

Ветер толкнул его в бок, и он охотно последовал за ветром. Улица упиралась в парк. По аллеям шествовали процессии детских колясок. В парке еще хранилась утренняя тишина. Кое-где на скамейках сидели студенты. Они зачарованно покачивались над конспектами. У них были отрешенные лица сомнамбул. Неужели и он когда-то всерьез переживал экзамены?

Под полосатым тентом официантка расставляла стулья. Он выбрал столик у перил, над прудом. Официантка протянула ему меню.

– Несите все подряд, – сказал он. – Начинайте с первой строчки. Я скажу, когда хватит.

Официантка улынулась. У нее были милые ямочки на щеках.

Ветер трепал ему волосы. Светлые, чуть выющиеся, они разлохматились, и он не стал приглаживать их. По глазам официантки он видел, что ей так тоже нравится. Среди бледных москвичей его темный, южный загар бросался в глаза. Тулин снял пиджак, повесил на спинку стула, засучил рукава модной грубошерстной рубашки и принялся за салат, кефир, яичницу, сосиски, выпил стакан кофе, съел бутерброды с сыром, с ветчиной, с колбасой и почувствовал себя снова волшебником.

– А хвастались, – сказала официантка. – Я думала, вы только начинаете.

Он смотрел ей в глаза.

– Мужчина всегда обещает больше, чем может.

– Это верно. – Она засмеялась, не отводя взгляда.

– Я не хочу показаться обжорой, а то вы измените мнение обо мне.

– Будто вы знаете, какого я мнения о вас?

– Я все знаю. Я знаю: вам противны жующие мужчины. Целый день вы видите жующих мужчин. Вам может понравиться только мужчина, который ничего не ест.

Неутолимое желание очаровывать всех, первого встречного, словно и эту официантку необходимо было завоевать. Взглянув поверх ее головы, он сказал:

– Уберите салфетки, будет дождь.

– Прямо-таки! С чего вы взяли?

– Я же вам сказал, что знаю все.

Он шел вдоль пруда, наблюдая, как в вышине быстро вспухает сизое облако. Официантка смотрела ему вслед. Это была милая девушка, с ней приятно было бы погулять вечером в парке, но завтра он уедет, и поэтому он ничего не мог обещать ей. Он почувствовал ее огорчение и подумал о том, как трудно доставлять окружающим одну только радость, чистую радость, без привкуса сожаления.

У лодочной станции он поднялся на ступеньки беседки, обвитой плющом. Облако растекалось по голубому небу густым чернильным пятном.

В этом еще солнечном беззаботном парке он был единственным, кого всерьез занимало то, что творится в вышине. Он знал, что небо испорчено.

Темная середина облака провисала все ниже. Серебристые края его зловеще дымились. Наползали тени, ветер укрылся в деревьях, по-кошачьи перебирая мягкие листья.

Потемнело. Вместе с душной темнотой опускалась тишина, ясно слышная сквозь шум города.

Несколько тяжелых капель звучно ударили о землю. Первая пристрелка, сигнал тревоги. Лебеди на пруду быстро плыли к дощатой будке.

Тулин поднял руку.

– Давай! – негромко скомандовал он, взмахнул, и тотчас, включая грозу, вспыхнула молния. Еще. Еще – и крупный, сильный дождь наполнил парк плещущим шумом.

В беседку отовсюду сбегались люди. Отряхивались, смеялись, любуясь первой грозой. С карниза полилась, набухая, толстая, чуть поблескивающая струя. Ветвистый лиловый зигзаг молнии прорезал небо наискосок, упал где-то рядом, и холодный металлический свет проблеснул на тысячах мокрых листьев.

– Хорошо! – одобрил Тулин.

Гром взорвался над головами, сотрясая воздух. В беседке ахнули. Тулин поднял мокрое лицо навстречу грохочущим обвалам. Стихи пришли сами собой, старинный торжественный ямб свободно ложился на могучий аккомпанемент грозы. Он читал громко, не слыша себя среди нарастающей канонады:

Чья неприязненная сила,
Чья своевольная рука
Сгустила в тучу облака
И на краю небес ненастье зародила?

Внезапно сверху из беседки насмешливо спросили:

– Ну и как, удалось вам узнать?

– Представьте, удалось, – резко ответил он, не оборачиваясь.

Больше всего он боялся показаться смешным.

– Что значит поэты! Вы поэт?

Голос был женский, низкий, шершавый от сдержанного смеха.

– А почему бы нет! – сказал он.

– Как интересно! Прочтите, пожалуйста. Что у вас там дальше про грозу выясняется?

– Перестань, – остановил второй женский голос и что-то еще добавил тихо. Обе прислули, а потом та, первая, смешливая, сказала:

– Никогда не видала живого поэта. Да еще мокрого. А как вы пишете стихи?

– При помощи всяких катушечек, конденсаторов.

– Скажите, пожалуйста, и что же это за приборы?

Его расспрашивали поощрительно, как мальчика, который заврался, и тогда он ответил тем же тоном, пытаясь взять верх в этой игре:

– Как бы вам объяснить доступнее? Ну, нечто среднее между пылесосом и велосипедом.

– Ай-яй-яй, как сложно!

– Нет, он пользуется пишущей машинкой!

– Холодильником!

– Или штопором. С конденсатором! Смеясь, оба голоса перебивали друг друга.

– К вашему сведению... – запальчиво начал Тулин, но орудейный залп грома заставил его вздрогнуть. Потом он долго не мог простить себе этого.

Наверху расхохотались:

– Не бойтесь, поэт. Молния ударяет только в выдающиеся предметы.

Тогда он обернулся. В пятнистой тени беседки неразличимо белели два лица. Он поднялся на верхнюю ступеньку, перегнулся через перила.

– Какие славные эрудиточки, – сказал он. – Вы верите в чудеса?

– А вы кто – маг-волшебник?

– Смеетесь? – сказал Тулин. – Смеяться – самое немудреное занятие. Ведь эту грозу я вызвал. И все молнии мне подчиняются.

– А вы можете прекратить грозу?

– Сейчас еще трудно, – внушительно сказал он. – Через годик – пожалуйста. Приходите сюда, и я вам сделаю...

Он услышал, как та, что посерьезней, сказала: «Они все немного психи».

– Как же вы это сделаете?

– Подлечу к грозе и уничтожу. Не верите? Давайте сюда вашу руку.

К нему смело протянулась рука. Маленькая ладонь, сложенная лодочкой, была холодной и мокрой.

– Вы собираетесь гадать?

– Смотрите вверх, – приказал он.

Под сизой тяжестью низких облаков расплывались еще более тяжелые, почти черные клочья, они сталкивались, крутились, куда-то неслись.

– Пройдет год или около того, – медленно и торжественно говорил он, – и вот такая рука, как ваша, свободно станет управлять всей этой грозной стихией. Я не прошу вас верить мне, я лишь хочу, чтобы вы запомнили сегодняшнюю грозу и наш разговор.

Дождь редел. Гроза, громяхая, удалялась на запад вместе с лиловой тьмой, прохлестнутой белесыми молниями.

Раздвинув плющ, на него смотрели две девушки – одна высокая, черноволосая, с лицом строгим, диковатым, вторая – в прозрачном капюшоне, ярко-коричневые глаза ее глядели удивленно и запоминающе.

– А кто из нас давал вам руку? – внезапно спросила она.

– Вы, – сказал Тулин. – Вы, Женечка, Женя.

– Так нечестно, вы подслушали!

– Четвертый курс. Скорей бы на практику. Евтушенко – сила. Замуж и не думаю...

Под деревьями продолжало дождить, парк еще был ошеломлен, но уже остро запахло травой, и на песке робко проступали солнце и тени.

Тулин ступил в желтую пенистую лужу. Девушки засмеялись и ускорили шаг. Они торопились на лекцию.

– Я знаю, о чем вы думаете, – сказал Тулин. – Я знаю ваше желание и готов выполнить его.

– Попробуйте.

– Вы не хотите идти на лекцию, вы хотите познакомиться со мной, хотите остаться гулять в этом парке.

– Глупости, – строго сказала высокая девушка. Ее звали Катя. – Вы слишком самоуверенны.

Тулин посмотрел на Женю и быстро сказал:

– В таких случаях самое оригинальное – быть честным. Будьте оригинальны. Уступите себе, ведь потом будете жалеть, что не решились.

Женя засмеялась. Ярко-белые зубы осветили ее лицо.

Но он не улыбался, и весь этот треп обретал странную многозначительность. Большие коричневые глаза Жени смотрели серьезно.

– Ничего, мы же договорились встретиться здесь через год.

Тулин сжал ее пальцы:

– Мне почему-то кажется, что это произойдет раньше.

– Мы опаздываем, – сказала Катя.

До остановки было далеко. Тулин вышел на мостовую навстречу несущемуся троллейбусу, поднял руку. Он слегка прищурился, наслаждаясь своей щедростью чародея. Троллейбус, скрипнув тормозами, остановился перед его грудью. Водитель погрозил кулаком, но вдруг усмехнулся и открыл двери. Девушки вскочили. Тулин помахал им.

Он взглянул на часы. Оставшиеся полтора часа показались ему обременительно ненужными. Следует что-то придумать, чтобы люди могли сдавать на сохранение лишнее время, размышлял он, сдавать, как в сберкассу, а потом брать по мере надобности.

Он отряхнул пиджак и направился в институт, зная почти наверняка, что именно там ему сейчас не следовало бы появляться.

Глава вторая

Утро этого дня в лаборатории № 3 ничем не отличалось от обычного. Было душно, мужчины работали в рубашках. Бочкарев принес букетик ландышей и поставил в колбочку старшей лаборантке Зиночке.

Пеленгаторы атмосфериков отметили грозу идущую с северо-востока со скоростью двадцать километров в час. Матвеев включил регистраторы.

Утро двигалось деловито и размеренно, не готовое ни к каким происшествиям.

В половине одиннадцатого в лаборатории неожиданно появился Голицын. Опережая его, из комнаты в комнату понеслась суматоха приготовлений. Мужчины надевали пиджаки. Зиночка сунула ландыши в шкаф. Ричард запихивал под стол мотки проводов, панели, старые схемы – весь хлам, который с непостижимой быстротой скапливался вокруг него.

Голицын надвигался, размахивая огромным портфелем, полы распахнутого плаща разлетались крыльями. Не отвечая на приветствия, он отрывисто выпаливал:

– Болтология!.. Дичь!.. Совещания!.. Заседания!

Швырнув на стол Крылову портфель, он принялся яростно обмахиваться шляпой. Крылов встал, освобождая стул, но Голицын крикнул ему:

– Кто-нибудь подсчитал, сколько я просидел часов на заседаниях? Всего за последние десять лет? Хотя бы примерно?

Крылов опустил длинные руки, неловко и угрюмо задумавшись.

– ...Представляете, на этой идиотской летучке я подсчитал. Три тысячи триста часов. Из них три тысячи бесполезных. Вам-то что, вам никто не мешает.

Агатов издали осторожно улыбнулся...

– А кто вам мешает? Строите себе кривые, а вот мне осталось работать каких-нибудь шесть тысяч часов. С моим здоровьем? Не больше. Не спорьте.

Редкие седые волосы Голицына растрепались, обнажив беззащитную розовую лысину. Он свирепо оглядел стоящих вокруг него сотрудников, остановился на Крылове.

– Вас это, конечно, мало заботит, – ядовито обрадовался Голицын. – Вообще непонятно, что вас занимает. Где вы витаете?

Сонные глаза Крылова смотрели отсутствующе, безразлично.

Голицын неожиданно обернулся к Матвееву:

– Плохо! Переделать! Разве это результаты?

В такие минуты с Голицыным старались не спорить. Он мог обрушиться с любой несправедливостью, капризом. Матвеев, что-то беззвучно шепча, отступил.

– А чем плохо, – вдруг медленно сказал Крылов с тем же отрешенным видом. – На таких флюксметрах большей точности не выжать.

Маленькое скомканное лицо Матвеева расправилось, он благодарно кивнул Крылову. Голицын запыхтел:

– Кто говорит, что плохо? Вы слова не даете сказать. Вы бы лучше свои работы форсировали.

– Флюксометры я устрою, – сказал Агатов.

Таблицы, рулоны лент, фотографии, наваленные на столе, замелькали под руками Голицына. Нырнув в эту бумажную грудку, он, клюнув своим острым, с породистой горбинкой носом, безошибочно извлек тот самый график, который Крылов прятал от себя. Прищурясь, повертел его в вытянутой руке.

– Сколько вы еще намерены мыкаться?.. Агатов откашлялся за спиной.

– Аркадий Борисович, я торопил Крылова, предупреждал: мы план сорвем. – Вся его костистая фигура, белое лицо с крепкой челюстью выражали сдержанное огорчение. – А насчет летучки, Аркадий Борисович, послали бы меня, я бы отсидел. Вы сами не цените своего времени.

Голицын раздраженно отмахнулся от него графиком. Крылов смотрел на галстук Голицына...

«Конечно, она отлично понимала, что чем быстрее мы оба работаем, тем скорее расстанемся, – думал Крылов. – Просто мы старались об этом не говорить. Два идиота. Два иступленно честных идиота. У нее было сколько угодно предложений, чтобы задержать работы. Интересно, думала ли она об этом? Какого числа сняли последний график? Лед на озере трещал и гнулся под ногами. Что она сказала про лед? Приборы уже стояли в воде. И она здорово выдала про лед...»

– Разрешите, – сказал Крылов и, перегнувшись через стол, потянул к себе график. Получилось неловко, почти грубо.

– Однако... – Голицын величественно выпрямился, и всем стала видна невоспитанность Крылова. Дав это почувствовать, Голицын сгорбился и превратился во вздорного, ехидного старика. – Полюбуйтесь на него. Анахорет. Одичали вы. Так и свихнуться недолго... Нет, нет, вас силой надо оторвать от вашей фантастики.

Бочкарев и Ричард переглянулись.

– Старик хочет на нем выспаться, – шепнул Ричард. Бочкарев покачал своим огромным черепом гнома:

– Тут что-то... Подожди...

Но Ричард уже выскочил перед Голицыным:

– Почему у вас осталось шесть тысяч часов работы, Аркадий Борисович, из чего вы исходите? – Храбрая улыбка заплясала на его бледном подвижном лице. – Тогда есть смысл работать не больше часа в сутки.

– Что вы суетесь? – сказал Голицын. – Что вы знаете о старости? Стареть – это скучное занятие.

– Но пока это единственное средство долго жить, – сказал Ричард.

Бочкарев протянул Голицыну письмо какого-то изобретателя, предлагающего использовать свойства ревматических суставов для прогноза погоды. Раздался преувеличенно громкий смех. Заслоняя Крылова, Бочкарев ласково взял Голицына под руку повел показывать новую аппаратуру.

– Чего хлопчете? – сердито буркнул Голицын. – Вызволители.

Почтительная процессия проследовала за Голицыным в соседнюю комнату, к стендам.

Крылов расправил измятый график. Там стояла дата: «12 марта». Две цифры и несколько слов, написанных легким косым почерком. Он попытался вспомнить, что это был за день. Снимали счетчики на озере? Или заканчивали обходы в лесу?

Иногда Наташа задерживалась, и они работали до поздней ночи. На этот раз она тоже задержалась. Наступили сумерки, но почему-то никто из них не поднялся включить свет. Наконец совсем стемнело, так что уже нельзя было писать. Они перестали писать. Наташа сидела в кресле не шевелясь. Антоновы куда-то уехали, и они были одни в доме. Он подумал об этом, да, он совершенно ясно помнит, что подумал об этом. Он встал, подошел, и она вдруг прижалась к нему. Он даже не ожидал, что все получится так просто и хорошо. На рассвете он проснулся с тем же чувством удивления. Наташа еще спала. Она улыбалась во сне. Совершенно доверчиво. Так, как будто она уже ни в чем не сомневалась. У нее были пухлые губы и брови длинные, наведенные... Вдруг, не открывая глаз, она сказала:

– Не смотри на меня.

Когда они вышли на крыльцо, снег, румяный от восхода, казался теплым, а дом оброс длинными ледяными сосульками. Дом весь сверкал, звенел и таял, Крылов провожал ее к автобусу. Она по-прежнему смотрела на него с доверчивым восхищением, и он встревожился. Ему хотелось, чтобы все оставалось приятным случаем, и ничего серьезного. Он не был готов к серьезному, и не нужно, чтобы она придавала этому такое значение, ни ей, ни ему это не нужно.

Стоило подвернуться таблице, заполненной Наташиной рукой, как мысли его сбивались. Иногда подолгу сидел, уставясь в одну точку, вспоминая и вспоминая. Никто не подозревал, какими усилиями он заставлял себя вернуться к работе. Бывали часы, когда люди двигались вокруг него плоские, бесшумные, как в немом кино.

Голицын возвращался, сопровождаемый Ричардом и Агатовым, сзади теснились остальные.

– ...И все же философы утверждали, что теория сера, а вечно зелено дерево жизни, – говорил Ричард. Он был, пожалуй, единственным в институте, кто осмеливался спорить с Голицыным.

– Знаток, – сказал Голицын. – Между прочим, какой это философ утверждал?

– Из древних.

– Из древних! Ну да, все, что до революции, у него из древних. К вашему сведению, это Гёте. Был такой древний поэт. Была у него такая пьеса – «Фауст», и произносит эти слова Мефистофель, желая вызвать сомнения у Фауста. – Голицын оглядел Ричарда. – А Фауст был ученый, а не аспирант. Можно сказать, академик. А у вас, Ричард, еще конь не валялся. Всё рассуждаете. Так вы и останетесь вечнозеленым деревом.

Агатов засмеялся, хлопнул Ричарда по плечу.

– Точно сказано...

Он смеялся четко и внушительно, так же, как говорил. Наклоняясь к Голицыну, он начал докладывать о сдаче отчетов. Озабоченная морщинка прорезала его гладкий лоб с белесыми бровями над стальными шариками глаз. Как-то само собой получилось, что после ухода начальника лаборатории все организационные дела повел Агатов, и считалось, что ему и предстоит занять это место.

Голицын досадливо закряхтел. Он не любил заниматься канцелярщиной – отчетами, планами, заявками. У Агатова, разумеется, было положение нелегкое: Бочкарев требовал включить тему, которую не утверждали. Крылов тянул с отчетом, из-за него откладывался семинар.

– Анархия! – крикнул Голицын. – Так дальше нельзя. Крылов улыбнулся.

«Лед сам недавно был волной, – сказала Наташа, – а теперь он душит ее».

А может, она сказала не «душит», а «гасит», нет, она сказала как-то иначе, точнее. Как быстро все забывается! Желтое плюшевое кресло, в котором она любила работать, поджав ноги. Прикосновение ее плеча, всякий раз ошеломляющее, как будто ничего не было и

все только начинается. А на перроне она стояла в красном пальто и красных рукавичках, и мы говорили про крокодилов, а потом про лыжную мазь – ни о чем другом, только про лыжную мазь.

– Что тут смешного! – сказал Голицын. – Ошибаетесь, на этот раз не удастся, я вас заставлю заниматься делом.

«Хорошо бы сейчас превратиться в крокодила, – думал Крылов, – огромным крокодилом выползти из-под стола. Представляю их физиономии! Зиночка бы закричала, а старик возмутился бы: „Прекратите свои выходки, как вам не стыдно!“».

Голицын взял портфель, шляпу и без всякого перехода, тем же ворчливым голосом сказал:

– Сергей Ильич, подавайте заявление на конкурс. Крылов тупо застыл, раскрыв рот.

– Ну что вы уставились? – рассердился Голицын. – Подавайте заявление на должность начальника лаборатории.

Воцарилась оглушительная тишина. Все посмотрели на Агатова. Губы его сжались, почти исчезли. Какое-то мгновение казалось, что и сам Агатов исчез, остался только строгий темно-серый костюм.

Только Голицын делал вид, что ничего не замечает. Старчески семеня ногами, он подошел к Ричарду:

– Чтобы к понедельнику прочитали «Фауста». Небось всякими Хемингуэями упиваетесь.

– Я этого «Фауста»... я его наизусть выучу! – восторженно сказал Ричард.

– Чего радуетесь, чего радуетесь! – фыркнул Голицын. Не оборачиваясь, ткнул пальцем в сторону Крылова. – У него тоже сумбур в голове, но хоть какие-то идеи копошатся. – Он закрыл один глаз, покосился на Агатова. – Хоть и завиральные... Планы составлять научится. Бумажки, промокашки, кнопки, скрепки... А нам идеи нужны. Дефицит. Профессор Оболенский покойный на папиросных коробках всю бухгалтерию вел...

Так всегда в трудные минуты – напускал на себя стариковскую чудаковатость. Подлеповато щурился, кричал отрывисто, громко, как глухой. Поди подступись! Шестидесят девять лет, склероз.

Самое удобное было считать, что Крылов ошалел от счастья и поэтому не в силах ничего ответить. Глаза его оставались дремотно-далекими. Все видели это, и всем было стыдно перед Голицыным.

Бочкарев пихнул Крылова локтем, прошипел, как маленькому:

– Скажи спасибо.

– Ну да, – сказал Крылов, – спасибо.

Теперь, когда он вспомнил слова Наташи про лед, он понял, что ему хотелось вспомнить что-то другое, но что – он не знал. Он смотрел, как шевелились морщинистые губы Голицына, и блестела во рту золотая коронка, и шевелились толстые, сочные губы Ричарда, и накрашенные губы Зиночки, и прикрытые усиками губы Матвеева. Все шевелили губами и стояли на месте. Им можно было, как в дублированном фильме, подгонять совсем другие слова.

Голицын повел плечом, и все отошли, оставили их вдвоем.

– Что с вами, Сергей Ильич? – спросил Голицын.

«Зачем мы расстаемся? – сказала Наташа. – Я все понимаю, но что мы делаем?»

– Да, да, вы не волнуйтесь, – сказал Голицын, – все будет хорошо, все образуется.

Наивысшее удовольствие, какое мог бы Крылов себе доставить, – это собрать из всех бумаг здоровенный кляп и засунуть в рот старику.

Глава третья

Клубом служила верхняя площадка запасной лестницы. Здесь пахло табаком, стояли ведра уборщиц, щетка, старые урны – всего этого было достаточно для уюта. Ни одна лаборатория не имела такого милого местечка. В главном здании коридоры были слишком чистые и светлые, там приходилось маяться в просторной гостиной, обставленной новенькими креслами.

Они сидели на перилах, курили, и Бочкарев пытался выяснить, какая муха укусила старика, откуда это неожиданное предложение. В последнее время Голицын наконец решился выступить против академика Денисова, и тут Крылов и Бочкарев были целиком на стороне своего шефа, и, может быть, зная это, он хотел укрепить тылы. А может, он просто задумался о наследнике.

– Ты вполне подходишь для наследного принца, – говорил Бочкарев. – Кандидат, физик, подаешь надежды, молод. Чего мы будем гадать, бери и властвуй.

– А зачем мне это нужно? – спрашивал Крылов.

– Вот тебе и на. Приехали! Лабораторией должен руководить ученый. А нашей – физик. Старик чувствует.

– Ох этот старик!

Несмотря на все слабости Голицына, они почитали его. Что бы там ни говорилось, шеф по праву слыл одним из основоположников науки об атмосферном электричестве. Последний зубр, старая школа, он, как никто, знал проблему в целом – правда, скорее как метеоролог, а не как физик. Он обладал широтой, но ему не хватало глубины, которая требует узости.

– Кое-чем тебе придется пожертвовать, не без этого, – говорил Бочкарев, – но важен общий выигрыш.

Крылов сплюнул в пролет.

– Иначе что же, иначе Агатов, – сказал Бочкарев. – Ты откроешь дорогу Агатову. А что страшного? Он хороший организатор.

– Да-да, многие так считают. Но ты! Он же не творческий человек. Он бесталанен. Это опасно, как гангрена. Недаром он рвется к этой должности. Еще до Пархоменки был у нас такой завлаб Сирота, дурак дураком. Агатов спихнул его, все были рады, но я тогда уже почувствовал, что Агатов для себя старался. А прислали Пархоменко. Ну, Пархоменко – доктор, талантище, Агатову не по зубам. Вы небось полагали, что Агатов в восторге от Пархоменки. Как бы не так! Он его тоже выпихивал, только на сей раз наверх выдвигал. Бог ты мой, какие вы все слепцы!

– Любим мы преувеличивать, – сказал Крылов. – Ну, хочет быть начальником – значит, будет хорошо работать. А я не хочу. Мне со своей темой не разобраться. Чего ради я буду еще с вами возиться. Да я и не умею.

– Учись. Еще Офелия говорила: все мы знаем, кто мы такие, но мы не знаем, кем мы можем быть.

– Офелия для меня не авторитет. Ей не предлагали быть начальником лаборатории. Мне надо добывать свою тему. Не нужен мне берег турецкий.

– А всякая шушера в лаборатории тебе нужна? – рассердился Бочкарев. – Вот увидишь, что получится.

Склонный к анализу, он неумолимо выводил печальные последствия отказа Крылова.

– А почему бы тебе не пойти на эту должность? – спросил Крылов. – Ты так хорошо понимаешь необходимость самопожертвования.

Бочкарев считался лучшим специалистом по измерительной технике. Ему несколько раз предлагали защищать докторскую – он только пожимал плечами: зачем, разве он станет больше

знать оттого, что получит степень доктора? Он нисколько не рисовался, этот маленький горбун с большой яйцевидной лысой головой. Временами, наблюдая, как он, бормоча и пришептывая, колдует над схемой, Крылов понимал, что ничего более приятного для Бочкарева не существует.

«Его величество эксперимент, – поддразнивал Голицын, – нет, отклонение стрелки – это еще не наука». Бочкарев мягко соглашался, но иначе он работать не мог. Конечно, из муки можно изготовить разное, оправдывался он, но в любом случае для этого надо смолоть зерно.

Бочкарев заходил по площадке, отшвыривая ногами ведра.

– Где уж мне с такой рожей. Может, это глупо... Я однажды замещал Голицына... Пришлось заседание вести, так мне все время казалось, что все смотрят на меня и смеются. Мне на людях всегда мучительно. Я себе Квазимодой кажусь.

Большие грустные глаза его влажно блестели. Крылов давно свyksя с внешностью Бочкарева, не замечал ее, но сейчас вдруг вспомнил, что на собраниях Бочкарев забивался в дальний угол, никогда его не заставишь выступить, и на институтских вечерах он не показывался. Он воображал себя уродом, и спорить с ним было бесполезно.

– Наплюй, – сказал Крылов. – И не замыкайся. Чуть что, бей по морде интеллектом. Талант – это ж самая редкая красота. Она у тебя на физиономии написана.

Бочкарев вяло покачал головой:

– Когда-то в детстве мне сказали, что все горбуны злые. С тех пор я на всю жизнь боюсь стать злым. Мне очень легко озлиться.

В дверях показался Ричард.

– Я-то вас ищу! – обрадовался он. – Сергей Ильич, поздравляю. Каков фитиль Агатову! Ну и спектакль выдал старик! Теперь держись!

Он оглушил их проектами реконструкции лаборатории, новыми темами. Фантазия его разыгралась: он запускал спутники с телевизионными установками, управлял погодой. Он не желал и думать, что Крылова может не устраивать должность начальника лаборатории. Не умолкая ни на минуту, он приседал, разминался, подтягивался на стремянке, корчил рожи, изображая то Агатова, то Голицына. Жажда деятельности переполняла его.

– Ну вот, эгоист, слышал глас народа? – сказал Бочкарев.

– Сами вы эгоисты, – ответил Крылов. – Только вас много, поэтому вы называете себя коллективом.

Ричард поразился:

– Вы не хотите?! Сергей Ильич! – Глаза, руки, брови, все тело его выражало удивление, даже выцветшая клетчатая ковбойка удивленно уставилась беленькими пуговичками.

– Я работать хочу, – сказал Крылов. – Идите вы все!.. У меня только-только проклевывается.

– Сами требуем дорогу молодым, обновить руководство.

– А когда предлагают, то в кусты! Наперебой они наседали на него...

А на озере прозрачный лед прогибался под ногами, и видно было, как белые пузыри воздуха сплющивались там, над водой. Ветер сбивал с ног. Несколько раз они проваливались – хорошо, что было мелко и счетчики не упали в воду. Мокрые, застуженные, они еле добрались до рыбацкого поселка и долго грелись в буфете. Они ели виноград, пили водку. Из-за стойки вышел тяжелый, старый кот. Он лизнул мокрые Наташины брюки и закричал басом.

– Кот заколдован, – сказала Наташа. – Не верите? Хотите, он съест соленый огурец?

– Чепуха, – сказал Крылов, – коты не едят огурцов. Наташа бросила на пол желтый кружок огурца. Кот понюхал и захрустел...

– ...Начальник, он всегда умнее, – сказал Ричард. – Стать начальником – верный способ поумнеть.

– Агатов собирался расширять лабораторию. А мне кажется, надо ее уменьшать. Сократить договорные темы, – сказал Бочкарев.

Поставив руки на бедра, Ричард наклонялся вправо, влево, приговаривая:

– К – вопросу – о – некоторых – данных – наблюдения – гроз – Тульской – области – во – второй – половине – девятнадцатого – века...

– Агатова надо как-то нейтрализовать, он опасен.

– Заарканим, – сказал Ричард. – Неужели вы его боитесь, Сергей Ильич?

– Никого я не боюсь. Братцы, – Крылов виновато положил им руки на плечи, – отступитесь вы от меня. – И ушел.

– Что с ним творится? – спросил Ричард.

– Это с тех пор, как он вернулся с Озерной, – сказал Бочкарев.

Ушел и Ричард, стало тихо. Бочкарев походил, посмотрелся в блестящий наконечник пожарного шланга. Кривое зеркало делало его лицо почти нормальным.

Крылов шагал из комнаты в комнату, разглядывая привычные стенды, аппаратуру, своих товарищей. Внезапно он услышал тикающие, щелкающие, жужжащие звуки включенных приборов. Перья самописцев неумоимо рисовали невидимые бури, происходящие где-то в черной дали Вселенной, взрывы на Солнце, ливни космических частиц. На тонких дрожащих линиях отражалась жизнь мельчайших частиц, дыхание земного шара, его дожди, грозы – все, что творилось в этом чистом голубом небе и в этом весеннем воздухе. По мерцающему экрану атмосфера пронеслись зеленые разряды гроз, идущих над Африкой.

Его позвал Матвеев, показать монтаж следящей системы. Судя по всему, получалось надежно и просто. Матвеев всегда показывал свои работы Крылову, хотя Крылов разбирался в этих вещах хуже его. У Матвеева не было диплома, и он робел перед каждым инженером.

Матвеев поворачивал диск. Обшлага его сатиновой спецовки лохматились. Крылов вспомнил, что никогда не видел на Матвееве приличного костюма. Из-за проклятого диплома Матвеев до сих пор числился старшим лаборантом. А между тем он был отличным, самостоятельным ученым, и следовало давно уже выхлопотать ему персональный оклад, доказать начальству, что о таком человеке надо судить не по диплому, а по тому, что он есть и что он может дать.

Крылов собрался было сказать ему об этом, но вдруг сообразил, что теперь сочувствовать и возмущаться он уже не может. Наверное, надо что-то обещать. Или он должен вообще промолчать. И это непривычное чувство связанности удивило и не понравилось. Подбежала Зина, разложила осциллограмму, попросила отметить нужные пики. Она прижалась к нему грудью, шепнула:

– Смотримся позагорать на вышку? Мы все идем в обеденный.

Крылов почесал затылок.

– Ну вот, уже заважничали, – сказала Зина.

Он не нашелся что ответить. И это было глупо – еще вчера вместе со всеми он валялся на вышке, и играл в дурака, и посматривал, не идет ли пожарник, потому что на старую вышку было строго-настрого запрещено забираться.

Миновав аккумуляторную, Крылов свернул к вычислителям, но, не дойдя до них, остановился и пошел назад. В коридоре он встретил Песецкого.

– Сережа, – сказал Песецкий, – эн равно минус два. Из кармана его пиджака торчала «Юманите».

– Чего пишут? – спросил Крылов.

– Ужасы капитализма. Девушка отравила одиннадцать родственников. – сказал Песецкий. – Эн равно минус два. – убежденно повторил он и помахал перед Крыловым исписанными листками.

– Неохота мне братья за лабораторию, – сказал Крылов. – Загремит наша тема.

– Наверное, – сказал Песецкий. – А знаешь, как я вычислил?

– Не гожусь я для этого дела. Не справлюсь.

– Ничего, массы поддержат. Так вот, я вычислил подкорковыми центрами. Включил подсознание!

– Я как представил себе, – сказал Крылов, – так сразу почувствовал, что не могу быть самим собою. Боюсь не то сделать, не так сказать.

– Тогда откажись, делов палата.

Они зашли в комнату, где работали студенты. Песецкий упоенно расписывал свой метод: если какая-нибудь задача не получается, надо заняться другим и включить моторы подсознания. Так поступал великий математик Пуанкаре. Моторы срабатывают, и в один прекрасный миг решение придет само, выскочит на поверхность из темных подкорковых глубин.

– Важно дать задание своему подсознанию, – ораторствовал он, – и дальше можно не беспокоиться.

– А спинной мозг годится? – совершенно серьезно спросил Алеша Микулин.

Крылов стоял у окна, полузакрыв глаза. Потом он сердито сказал:

– Эн должно быть больше нуля. Иначе молнии будут бить с земли в облака.

– Это их дело, – сказал Песецкий, – мое дело – составить уравнение.

– Но оно лишено физического смысла.

– А какой смысл в молнии? – спросил Песецкий. – Ты можешь объяснить? Я полгода бьюсь над расчетом атмосферных помех. Какой в них смысл? Никакого смысла.

Он обнял Крылова и сказал на ухо:

– Брось ты мучиться. Все решится само собой. Всегда все решается независимо от нас.

Утешив таким образом Крылова, он с еще большим воодушевлением принялся излагать всем встречным способы эксплуатации подсознательного мира.

Глава четвертая

Он поднялся по витой железной лестнице на радиолокационную башню. Радисты уехали в поле, и в аппаратной было темно. Сквозь щель жалюзи пробивался солнечный луч, круглый, золотистый, как бамбук. Крылов протянул руку, луч уткнулся в ладонь, и ладонь прозрачно засветилась.

Казалось, этот луч пронзил его насквозь легким теплом, и от этой непривычной ласки Крылову стало жаль себя.

Все эти месяцы после возвращения из командировки он жил в оцепенении, поглощенный тупой, возрастающей тоской. И вот сейчас, когда что-то должно было круто измениться в его жизни, его охватило беспокойство. Он чувствовал, что дело здесь не в предложении Голицына, скорее всего, тут была досада на то, что ему самому предстоит как-то определить себя, видеть себя, действовать. Но и это было не главное, главное же заключалось в тревожном предчувствии и ожидании – чего? Странно, что именно об этом он и не желал думать.

Он осторожно трогал кончиками пальцев осязаемую пыльную поверхность луча. Отломать кусочек и послать вместо письма. Обломок луча в длинной коробочке. Почему она не отвечает? Он знал почему но придумывал другие объяснения.

Он подставил лицо под луч и зажмурился.

– Эх, Натаха ты, Натаха! – сказал он.

В дальнем конце аппаратной послышался смешок. Крылов вздрогнул, пошарил на стене, повернул выключатель.

– Эй! – раздался предостерегающий крик. На ящике сидел Агатов. Руки его шевелились в черном мешке для зарядки кассет. – Чуть не засветили мне пленку. Ну да теперь можно не гасить.

– Простите, – пробормотал Крылов.

Агатов довольно разглядывал его пылающую физиономию. Крылов понимал, что Агатов давно из темноты наблюдал за ним. Лучше всего было немедленно извиниться и уйти, но Крылов продолжал стоять, все более смущаясь, и чем дольше он стоял, тем невозможнее становилось уйти.

– Забыл вас поздравить. – Агатов помолчал, наслаждаясь его беспомощностью. – Как это вам удалось обработать старика?

– Понятия не имею... уверяю вас... – пробормотал Крылов, еще сильнее смущаясь.

– Ну, ну, будете утверждать, что вы ни при чем, – снисходительно сказал Агатов. – Я тут наблюдал, какие вы манипуляции от восторга выделявали.

Крылов тоскливо переступил с ноги на ногу.

– Вот так тихоня! – Агатов покачал головой. – Ловко вы всех здесь обвели. Отдаю должное. А я-то документы приготовил, копии у нотариуса снял. Смешно, верно?

– Ну что вы, что вы, – утешающе повторял Крылов. И вдруг сказал: – Я еще не решил.

Но Агатов не слушал его. Задумчиво и размеренно он продолжал:

– Заметили, как Аркадий Борисович оценил меня? Аккуратен. Исполнителен. Бумажки составляет. А своих, мол, идей Агатов не выдвигает. Вот в чем беда, оказывается. А то, что я его идеи проводил, так это ничто? Если я их полностью разделяю?

Застылая усмешка прочно держалась на его лице, сбивая Крылова с толку. Он не знал, как держать себя.

Ему страсть как хотелось выпалить: «Чего вы ко мне прицепились, ступайте к старику и выясняйте свои отношения», но стыд еще не прошел, и, кроме того, было совестно бить лежачего. Он чувствовал, что Агатов обижен, убит.

– В науке никому нельзя верить, – сказал Крылов. – Старик нас пытается лепить по своему подобию. Это у него непроизвольно. Нам нельзя поддаваться. Ради него же. Тут такая антимономия получается. Каждый должен отстаивать свои взгляды...

Агатов прервал его:

– Свою тактику принципами заслоняете? Я вас понял. Думаете, я не знаю, как вы все меня расцениваете?

Его непримиримый смешок сделал излишние Крылова нелепыми. «Какого черта я чувствую себя виноватым?» – возмутился Крылов. Из всех возможных положений он всегда умудрялся выбрать самое невыгодное. Безошибочно. Никто не умел так ловко и быстро попадать впросак, как он.

Привыкнуть к этому было невозможно. Но смеяться над этим он научился.

– Голицын обманул меня. Я знаю, ему наговорили, – сказал Агатов. – Но я это так не оставлю.

Крылов посмотрел на него с любопытством:

– Неужели вы всерьез огорчены? Ведь это всего лишь должность.

– Должность... Нет, Сергей Ильич, для меня это больше должности, – с внезапной резкостью сказал Агатов. Рука его в черном мешке перестала двигаться. – Мне важно признание. Зачем притворяться? Мы же без свидетелей. Конфиденциально. Аркадий Борисович, тот сегодня при всех проговорился. И вы это прекрасно знаете. Хотите, я могу раскрыть скобки? Хотите? – Он наклонился вперед, серые шарики его глаз твердо нацелились на Крылова. – Кое-кто считает, что я не обладаю научными способностями. Вы, например, талант, а я нет.

Что, не так? Да вы не бойтесь. Я лично к вам ничего не имею. – Выдернув руки из мешка, он помахал растопыренными пальцами. – Представьте, что я согласился бы с такой характеристикой. – Он поднялся. Губы его задергались, точно сбрасывая эту любезную усмешку. – Что ж мне тогда? Чем я виноват? Не досталось соответствующих генов от родителей, так куда ж мне прикажете? А?

Слегка прерывающийся голос его звучал просто и деловито, глаза смотрели с горечью, но ясно, как будто что-то обнажилось в этом человеке. Крылов никогда не видел такого Агатова, сейчас ему казалось, что этот Агатов и есть настоящий.

– Нет, Сергей Ильич, слишком легко вы разложили... А что как у меня другой талант? Каждому свое... – Агатов вдруг остановился, пристально глядя на Крылова. – Послушайте, вы действительно еще не решили? Зачем вам эта должность? Все равно ничего не выйдет у вас с Голицыным. Он по-своему станет гнуть, вы же сами признаете. А у вас характер, вы маневрировать не умеете. Что ж получится! И дело будет страдать, и себе голову сломаете, и никакой славы. Да, отговариваю ради вас же. Откажитесь, пока не поздно. – Он пытался сдержать свой голос и не мог. – Какой вам интерес? Научное руководство – так тут и без нас обходятся, мы-то с вами знаем. Голицын еще не понимает, ему куда легче со мной будет. И вам легче, всем легче. Он сам скоро жалеть станет.

Крылов доверчиво улыбнулся:

– Так и мне во как неохота! – Он провел рукой по горлу. Агатов заходил вокруг него большими шагами.

– Нет, я все понимаю. Начальник лаборатории – сам себе хозяин. Уходит когда хочет. Не надо ни у кого проситься. Свобода – это существенно. Но я вам гарантирую. За моей спиной вам еще свободней будет. Как мне Голицын стал поручения давать, так меня талантов лишили. Всех начальников всегда бездарными считают. Вас тоже сразу в бесталанные определяют.

Крылов устал стоять посреди комнаты и неловко, боком отошел к зашторенному окну.

– Мне кажется, тут другие интересы, Яков Иванович, – деликатно сказал он. – Согласитесь, что необходимо менять тематику. – Агатов энергично закивал. – Нас заедают ненужные мелочи. Старик напирает главным образом на статистику. Вот посадит он вас замерять заряды капель. Пожалуйста, не обижайтесь, Яков Иванович, но, боюсь, в наших лабораторных условиях ничего нового тут не выяснить. А с другой стороны, такой проблемы, как активные воздействия, мы сторонимся.

– Точно! – воскликнул Агатов. – Даже... – на мгновение он запнулся, настороженно взглянул на Крылова, – даже отмахиваемся!

– Старик избегает современной физики. Ну как вы сладите с ним?

– Постепенно, постепенно. Думаете, на него узды не найдется? – К Агатову быстро возвращалась внушительность. – Вам тут нечего беспокоиться. Можно спокойно работать. У вас будет полная самостоятельность, я обеспечу. Насчет тематики – не спорю, но все зависит, как преподнести. Подать мы себя не умеем, вот в чем беда, Сергей Ильич. Те же самые работы так можно обставить, что нас завалят средствами, оборудованием, чем хотите. Поверьте мне, коллективу куда выгоднее, если у начальника никаких своих интересов научных нет. – Он предостерегающе поднял руку. – Знаю, знаю. Знаю, что вам советуют и Бочкарев, и вся его компания. А вы не слушайте. Все они эгоисты. И между прочим, я не осуждаю. Настоящий ученый должен быть эгоистом, иначе он ничего не успеет.

Плоское лицо его влажно блестело. Он работал. Он разворачивал перед Крыловым свои планы, один заманчивее другого. У него все было давно продумано.

Он знал все, что можно было знать о дирекции, о работниках главка, хитрости их взаимоотношений, списки трудов академиков, кто чем увлекается, знал, что с Лиховым проще всего встретиться на концерте в консерватории, что дочь секретарши Денисова работает в пятой лаборатории.

Крылов стеснялся прервать его. Незаметно отодвинув штору, он смотрел вниз на залитую солнцем метеостанцию.

Студенты работали у белых будочек с приборами. Матвеев и Зиночка готовили радиозонд.

«Как бы все могло славно устроиться, – с тоской подумал Крылов. – И можно пойти с ними загорать».

Он вздохнул, откашлялся раз-другой, прежде чем Агатов обратил на него внимание.

– Простите, Яков Иванович, но как-то это все не то, – сказал он.

– То есть как? – оторопел Агатов. – Пожалуйста... У вас условия? Предлагайте...

Крылов поежился, в таких случаях он ничего не мог поделать с собой.

– Не нравится мне, что вы тут наговорили.

– Но ведь всегда можно поладить. Выкладывайте ваши наметки. Я с удовольствием...

Он стал ниже ростом, смотрел на Крылова с робкой готовностью откуда-то снизу.

– Ничего у меня нет, никаких наметок, – признался Крылов.

Агатов вопросительно смотрел на него.

– Матвееву надо бы оклад выхлопотать, – добавил Крылов.

– Я это могу в два счета... – заторопился Агатов. – Нет, вы объясните, что вас держит?

Вы против меня имеете что? Я вам никогда ничего плохого не сделал. Чем я не подхожу, чем?

Крылов виновато развел руками.

– Небось сами хотите, – вдруг сказал Агатов, убежденный смущенной улыбкой Крылова и все более уверяясь от его неловкого молчания. – Понятно, зачем же власть упускать! А я-то душу вам открывал...

Крылов опомнился:

– Поверьте, Яков Иванович, вы это с обиды. Я вам благодарен, что вы так откровенно...

Мне подумать надо...

Сгорбившись, Агатов вернулся к ящику, взял мешок с кассетами и долго там возился к стене лицом, потом пошел к двери. Обойдя Крылова, он остановился. Лицо его обрело обычную бесстрастную любезность. Опять он был собранный, подтянутый, и отглаженный костюмчик сидел без малейшей морщинки.

– Я хочу как лучше, – сказал Агатов. – Сконтактироваться. – Он сделал все, чтобы любезно улыбнуться.

Железная лестница отзвенела под его шагами.

– Вот и разберись, – озадаченно сказал Крылов, как будто кто-то мог услышать его.

Он печально посмотрел на свои недавно отпаренные брюки – на коленях уже вздулись пузыри... Погасив свет, он уселся на приступку и стал ждать. Но солнечный луч исчез, и прежнее настроение не возвращалось. Необходимость что-то решать злила его. Он не желал ничего решать. В любом случае, соглашаясь или отказываясь, он что-то терял. Но в том-то и дело, что, решая, всегда что-то теряешь.

Не хотелось спускаться вниз и сидеть сейчас рядом с Агатовым. Он словно обжегся, прикоснувшись к обнаженной душе этого человека. На какой-то миг приоткрылось самое сокровенное, в глубине расселины Крылов увидел трепещущее, еще расплавленное, готовое отлиться в любую форму... Кто знает, где и когда совершается поворот человеческой души? Что-то бурлит, соединяется у вас на глазах, достаточно одного слова, и оно вдруг застывает судьбой; Крылов думал о том, что мы сами делаем людей плохими и хорошими.

Разумеется, Бочкарев, и Ричард, и Голицын – они руководствуются самыми высокими принципами, а вот Агатову все это предстает, наоборот, величайшей несправедливостью. Природа обделила его талантом, отсюда обиды, ущемленность, зависть – все, что уродует человека. И как помочь ему? Неужели неизбежна такая несправедливость? Но и ребята правы: к руко-

водству нельзя подпускать бездарных. Но и бездарные никогда не чувствуют себя бездарными. Они не мучаются, они завидуют и злятся. А ведь каждый в чем-то бездарен...

Глава пятая

Стеллажи сверху донизу были плотно заставлены пыльными томами – научные отчеты со дня основания лаборатории.

Под самым потолком стояли тома в старинных переплетах, обклеенных мраморной бумагой с красноватыми прожилками, с тисненными золотом корешками. Затем шли переплеты из дешевого синего картона, из рыжеватых канцелярских папок – переплеты военных лет с выцветшими чернильными надписями, и последних лет – в толстом коричневом дерматине.

Вид этих стеллажей настроил Тулина иронически: «Урны с прахом обманутых надежд давно ушедших поколений... Кладбище несбывшихся мечтаний... Сколько никчемной добросовестности!»

И все эти бумаги на столе Крылова будут так же погребены в очередном томе.

Тулин придвинул к себе график суммарной напряженности поля. Через месяц-другой этот лист отпечатают, подклеят в отчет, который перелистает кто-нибудь из начальников, и папка навечно займет свое место на стеллаже.

Он ждал Крылова уже минут пятнадцать. Прищурясь, размашисто нарисовал на кривой танцующие скелеты и подписал:

Карфаген будет разрушен!

Ричард остановился за его спиной.

– Лихо! Несколько в духе Гойи. Вы художник? Тулин осмотрел свою работу.

– Тот, кто рисует, уже художник. Искусство – это не профессия, а талант.

– Ну, знаете, талант – понятие расплывчатое, – возразил Ричард. Он обожал споры на подобные темы. – Необходимо еще образование.

– А что такое образование? – спросил Тулин и, не дожидаясь ответа, провозгласил меланхолично: – Образование есть то, что остается, когда все выученное забыто.

– Неплохо. Но вы испортили Крылову график.

– Не беда. Если он даже подклеит в таком виде, это обнаружат не раньше чем в следующем столетии.

Ричард попробовал было вступить за работу Крылова – Тулин пренебрежительно отмахнулся. Покачиваясь на стуле, он рассуждал, не интересуясь возражениями:

– Поставщики архива, работаете на это кладбище во имя грызущей критики мышей.

– Сила! – восхитился Ричард.

– Это не я, это Маркс.

К ним прислушивались. Тулин повысил голос. Сохраняя мину беспечного шалопа, он с удовольствием ворошил этот муравейник. Забавно было наблюдать, как оторопели, а потом заволновались они от неслыханной в этих стенах дерзости.

Первым не выдержал Матвеев. Избегая обращаться к Тулину, он попробовал пристыдить восхищенного Ричарда: неужели ему не дорога честь коллектива?

– Фраза... – заявил Ричард. – Терпеть не могу фраз. Что такое коллектив? Что такое его честь?

– Ну, знаешь, – сказал Матвеев, – у нас большинство честных, добросовестных людей, они работают, не щадя себя. Этим нельзя бросаться.

– Науку двигают не честностью! – запальчиво сказал Ричард, но Тулин неожиданно осадил его:

– Честность тоже на земле не валяется. Я уверен, что здесь большинство честных, беда в том, что вы честно хотите одного, но так же честно делаете совсем другое, а получается третье. Везде кипение, перемены, а у вас как в зачарованном королевстве.

Теперь Матвеев уже решился возразить самому Тулину:

– К вашему сведению, лаборатория на хорошем счету: в прошлом году мы перевыполнили показатели.

Все понимающая улыбка, и Тулин стал усталым циником:

– О да, благодаря вашему энтузиазму отчет поставили на эту полку недели на две раньше срока. Освоены отпущенные средства.

Матвеев ужаснулся:

– Вам известно, что наш отдел возглавляет член-корреспондент Голицын?

– Как же, как же! – сказал Тулин. – Любимый ученик Ломоносова. А вы все еще верите в авторитеты? Увы, люди не могут без авторитетов... Нет, я о вас лучшего мнения, вы просто боитесь говорить то, что думаете. А я не боюсь. – Он подмигнул им всем разом. – Я из другого министерства.

– Вы что, академик, – сказала Зиночка, – или новатор? Тулин оценивающе скользнул глазами по ее фигуре и сказал загадочно:

– Иных можно понять, рассматривая вблизи, другие понятны лишь издали. – Он взглянул на часы. – Время, пространство, движение... Свидание не состоялось. Я оставляю вас, мученики науки.

Ричард отправился его провожать.

– Вам нравится Гойя? А неореализм? А как вы расцениваете астроботанику? – Он забрасывал незнакомца вопросами, восхищался его пренебрежительными афоризмами. – А кто вы по профессии? Давайте познакомимся, – предложил он.

– Почему у вас такое имя? – спросил Тулин.

Ричард с готовностью рассказал про отца-моряка, который побратался с английским боцманом, коммунистом Ричардом Клебом.

На повороте коридора они столкнулись с Крыловым.

– Сережа! – крикнул Тулин, расставляя руки. Рассеянно кивнув, Крылов прошел мимо. Загорелое лицо Тулина вспыхнуло, Ричард опустил глаза.

Пройдя несколько шагов, Крылов обернулся, ахнул, подбежал к Тулину, схватил за плечи:

– Олежа!

Ахали, колотили друг друга по плечам, выяснили, что Аллочка Кривцова вторично вышла замуж, что до сих пор неизвестно, кто на последней вечеринке прибил галоши к полу, что Аникеева переводят в Москву...

Тулин отметил у Крылова модные туфли, интересную бледность, совершенно несвойственную его примитивной курносой физиономии. Крылов нашел, что Тулин похож на преуспевающего футболиста из класса «Б». Неужели сотрудники могут принимать всерьез такого руководителя – стилиста и тунейдца?

Он очнулся, засиял, глаза его прояснились, он был растроган тем, что Тулин специально заехал проведать его, он не ожидал такого внимания к себе. Со студенческих лет он поклонялся Тулину, хотел быть таким, как Тулин, – веселым, общительным, талантливым. Куда б Тулин ни шел, ветер всегда дул ему в спину, такси светили зелеными огнями, девушки улыбались ему, а мужчины завидовали. Но Крылов не завидовал – он любовался и гордился им и сейчас, восхищаясь, слушал рассказ Тулина о новых работах и о том, зачем Тулин приехал в Москву.

Разумеется, Крылов читал в апрельском номере его статью. Шик! Последние исследования Тулина открывают черт-те знает какие возможности. Правда, строгих доказательств еще не хватает, и Крылов заикнулся было об этом, но Тулин высмеял его:

– Академический сухарь. Разве в этом суть?

И несколькими фразами разбил все его опасения. Замысел был, конечно, грандиозен, и Крылову казалось, что сам он давно уже думал о том же и так же.

– А я, пожалуй, побоялся бы выступить вот так, – простодушно признался он, и глаза его погрустнели. – Страшно представить! Но постой, полеты в грозу – ведь это опасно?

– А ты как думал! – Тулин рассмеялся. – Но я изобрел средство избежать опасности: не бояться ее.

– Ты уверен, что тебе разрешат? Тулин выразительно присвистнул.

– Добьюсь! Другого-то выхода у меня нет.

Он было нахмурился, но тут же подмигнул Крылову:

– Образуется. Ну, как дела?

Хорошо, что Тулин напомнил, и вообще ему просто повезло с приездом Тулина. Тулин посоветует, как быть насчет предложения Голицына, взвесит все «за» и «против», и все станет ясно.

– Значит, заведовать этим саркофагом? – сказал Тулин.

Он разочарованно оглядел Крылова: «Доволен, сияет, выбрался на поверхность! Еще немного – и его сделают благоразумным и благополучным деятелем в стиле этого заведения, где ничто не меняется».

– Старик все так же воюет за каждую цифирь и думает, что двигает науку?

– Ты зря, – сказал Крылов. – Он все же прогрессивное начало.

– Это по нынешним-то временам? Разве что он тебя выдвинул, но это еще не прогресс. Его идеи на уровне... Он за отмену крепостного права, вот он где находится, болтается где-то между Аристотелем и Ломоносовым. – Тулин был в курсе всех публикаций лаборатории. Кроме некоторых работ Бочкарева и Песецкого, все остальное – схоластика, ковыряние в мелочах. – Бродят сонные кастраты и подсчитывают... – Он не стеснялся в выражениях.

Они шли по лаборатории, и Тулин высмеивал их порядки, и продукцию, и глубокомысленный вид всех этих ихтиозавров. Когда Крылов попробовал возражать, Тулин вздохнул:

– Вот мы уже и становимся противниками! Агатов работал у своего аппарата.

– Все капаете, – приветствовал его Тулин. – Помнишь, Сережа, мы еще студентами капали на этом же приборе. Господи, сколько уже диссертаций тут накапано! – Не переставая говорить, он легонько отстранил Агатова, наклонился к объективу, повертел регулировочный винт. – Пластины-то выгоднее поставить круглые. Легче скомпенсировать. А еще лучше эллиптические, тогда наверняка можно присобачить регистратор.

Он и понятия не имел, что мимоходом выдал Агатову идею, над которой тот бился больше месяца. Агатов любезно улыбался.

– Не благодарите, не стоит, – сказал Тулин. – Авось еще на десятитысячную уточните! – И бесцеремонно расхохотался и уже оказался в другом месте, он даже не шел, он словно вертел перед собою лабораторию, как крутят детский диафильм. В дверях Крылов обернулся и увидел нацеленные им в спину глаза Агатова. Хорошо, что Тулин не видал их.

На лестнице рабочие перетаскивали ящики с приборами. Один из ящиков стоял в проходе. Тулин перепрыгнул без разбега, легко, Крылов подумал, что если бы Тулин был начальником лаборатории, то все равно бы он прыгал через ящики, носил стилижный пиджак, бегал бы с Зиночкой и ребятами загорать на вышку, и всем бы это казалось нормальным, и лаборатория бы работала весело, по-новому.

Потоптавшись, он сдвинул ящик, догнал Тулина.

– Как же мне быть, Олежка? – спросил он. Тулин помахал папкой.

– Не управлюсь, переночую у тебя. – Тулин смотрел на Крылова. – Ах ты, бедолага... Значит, хотят тебя сделать свежей струей. Молодые силы. К руководству приходит ученый, еще сам способный работать... Невиданно... Не злись. Для меня это... Ты – и вдруг начальник!

И Крылов тоже невесело ухмыльнулся.

– А впрочем, – сказал Тулин, – чем ты хуже других? Кому-то надо руководить, лучше ты, чем какой-нибудь бурбон.

Попробуй рвануть по лестнице славы, может, понравится. – Подмигнул, и все стало озорно и просто. Подумаешь, страсти!

Тулин погрозил пальцем:

– Учти, человек, который не хочет быть начальством, против начальства.

Откуда-то вынырнул Ричард:

– Так вы, оказывается, Тулин! Вот здорово. Я читал вас и полностью согласен. Вы уже уходите? А с Агатовым у вас здорово получилось. Капает, капает... – Он засмеялся от удовольствия. – Слезы, а не работа!

Крылов нахмурился:

– Что ты знаешь... Так нельзя.

– Ничего подобного. Так ему и надо. Принципиально! – закипятился Ричард. – Никакой пощады бездарям!

– Ага, у меня тут не только противники, – сказал Тулин. – Ричард, двигайте к нам. Будете бороться с настоящей грозой, а не с Агатовым.

Стоя в вестибюле, они смотрели сквозь распахнутые двери, как Тулин пересекал сквер, полный солнца и яростного гомона воробьев.

– Да-а!.. – протянул Ричард, и в этом возгласе Крылов почувствовал восторг и грусть, обращенную к тому, что осталось здесь, в институте, поблекшем и скучном после ухода Тулина.

– Хорошо, если б ему удалось добиться... – сказал Крылов. Ричард пожал плечами, хмыкнул, показывая, как глупо сомневаться в том, что Тулину может что-либо не удался.

Глава шестая

Фамилия генерала была Южин, знал о нем Тулин мало, поэтому плана разговора не составлял, целиком положившись на свою фортуна. В большой приемной быстро сменялись летчики, инженеры, и Тулин, присматриваясь к ним, решил, что держать себя надо как-то по особому непохоже на обычных просителей, которые одолевали Южина с утра до вечера.

Кабинет оказался огромный, казенно-безликий. Пустой стол, коммутатор, микрофоны, по стенам завешенные черными шторами карты.

Генерал достал из ящика докладную Тулина и начал перечитывать, шевеля губами.

Тулин вглядывался в его лицо, убеждаясь в полной беспомощности физиогномики. Мясистый нос, грубые, навсегда обветренные щеки могли принадлежать и добряку, и черствому служаке. Что означали ежик седых волос, татуировка на руке? Приветливые манеры, может, они от интеллигентности, от уважения к Тулину, а может быть, это привычка, выработанная для всех просителей.

Вспыхнул глазок коммутатора. Генерал взял трубку.

– Я занят... Минут через десять.

Он положил бумагу и придавил сверху куском оплавленного металла.

Тулин заговорил первым, опередив генерала на какую-нибудь секунду. Он вовремя почувствовал, что необходимо перехватить инициативу, всегда легче убеждать, чем разубеждать. Стоит человеку произнести «нет», все его самолюбие будет направлено к тому, чтобы держаться за это «нет».

– Вы летали и знаете, что такое гроза. Южин кивнул.

– Там, наверно, не станешь сочинять «Люблю грозу в начале мая».

Он улыбнулся, и Южин тоже улыбнулся и сказал «да»: пусть привыкает говорить «да».

Всякую аппаратуру и научную суть проблемы Тулин не стал описывать. По своему опыту он знал, какое тягостное впечатление на неспециалиста производят цифры, схемы, в которых невозможно разобраться на ходу. Автор шпарит, уверенный, что все ясно, радуясь, что ему кивают, кивают, хотя слушатель тем временем редактирует уже приготовленную формулу отказа. Тулину тоже приходилось принимать разных изобретателей, они, как глухари на току, увлекаясь, ничего не слышали, кроме себя, им казалось, что достаточно поводить пальцем в воздухе, и схема станет понятной.

Южин был человек новый в управлении, и Тулину пришлось затронуть историю вопроса. Исследования над грозой велись уже несколько лет, бывший шеф Тулина профессор Чистяков пользовался поддержкой бывшего начальника управления. Группе давали исследовательские самолеты в составе какой-нибудь экспедиции. Пристраивались, подлаживались под общую программу. Но сейчас работа подошла к такому этапу, когда группе нужны свои самолеты, специальные режимы, полная самостоятельность. Теперь изучается наиболее важное – условия управления грозой, условия разрушения грозы. Тулин произнес это без всякого нажима, словно бы между прочим, и тут же рассказал, как пришлось красть ночью баллоны со склада промартели, и еще несколько забавных эпизодов. Пока генерал смеялся, Тулин снова вернулся к проблеме: необходимо научиться находить центры грозы с тем, чтобы воздействовать на них. Рано или поздно от мышей или собак переходят к человеку.

Он заговорил медленней, давая время Южину привыкнуть к мысли о неизбежности полетов в грозу.

С честностью победителя он упомянул и горькие неудачи некоторых опытов, конфуз с первым указателем грозы. Он сам удивился, как много сделано за эти полтора года: приборы готовы, методика разработана, программа составлена, обоснована.

Ни разу он не сбился на тон просителя. Развалясь в кожаном кресле, он с милой беззаботностью перекладывал на Южина тяжесть предстоящего решения. Вот вам, товарищ начальник, наши результаты, наши приборы, вот будущий успех, перспектива, остальное зависит от вас, наше дело теперь сторона.

– Молодцы, молодцы, но... – Южин озадаченно погладил ежик, – вы же знаете, в грозу летать нельзя. Чертовски опасная штука. Вы когда-нибудь залезали в желудок этой самой грозы? А я так вляпался. Бр-р-р! – Его передернуло от воспоминания, какого страху он натерпелся. Не знал, где небо, где земля, швыряло как щепку, еле-еле дотянул до посадки.

Получилось, что он пытается отговорить Тулина, напугать его всевозможными страхами. В сущности, Южин оборонялся. Это был первый выигрыш. Инициатива была в руках Тулина, и важно было ее умело использовать.

– Честное слово, зенитки приятней, – говорил Южин. – Хоть рассчитать можно, что к чему.

Тулин сочувственно улыбнулся:

– Но зенитки вас не останавливали. Вы выполняли свои задания, несмотря ни на что.

– Вы мне базу не подводите. Война – это несчастье.

– Гроза тоже, – сказал Тулин. – Для авиации гроза – несчастье. Верно?

Южин спокойно согласился, вспомнив несколько аварий, и сделал неожиданный вывод: видите, перед грозой пасуют даже опытные летчики; как же можно разрешить идти на такое, да еще в самый центр грозы, да еще с группой научных работников, на транспортном самолете?

Он оказывался не так прост, этот генерал: одну за другой он раскритиковал схемы полета, предложенные в записке. Теперь он наступал, и Тулин понимал: стоит начать защищаться, как все пойдет прахом.

– Как же, по-вашему, бороться с грозой, если убежать от нее? – И подождал ровно столько, чтобы показать, что ответ на такой вопрос получить невозможно. – Есть только один способ узнать вкус арбуза. – Тулин сделал паузу. – Съесть его.

Южин хохотнул:

– А у нас в Сибири говорят, что если надо узнать, не протух ли окорок, не обязательно есть его целиком. Это так, поговорка. Окорока у нас мировые, год-два висят – не портятся. – Он обрадовался передышке, со вкусом принялся описывать, как коптят окорок.

«Тянет время, – сообразил Тулин, – через несколько минут посмотрит на часы, разведет руками...»

– Что ж вы предлагаете? – резко спросил Тулин. – Заняться хранением окороков?

Южин размашисто очертил на схемах зоны возможных полетов. Голос его звучал сухо. Другие экспедиции довольствуются меньшим, работают в мощных кучевых облаках при их формировании.

На это Тулин, сдерживая раздражение, заметил, что никто не ставит себе задач по управлению грозой.

– Так уж и никто? – И Южин с удовольствием сослался на опыты Денисова с зенитками и на работы других институтов, не связанные ни с каким риском, спокойные наземные работы.

«Начинается, – подумал Тулин, – лишь бы спихнуть с себя, гони зайца дальше. Зенитные снаряды – это отлично, это устраивает, неважно, что результаты сомнительные, что принципы, методы иные, зато все спокойно и никаких осложнений». С каким удовольствием он выложил бы все это Южину, но он тоже не хотел рисковать. Самое лучшее – разъяснить преимущества своего направления. Прежние методы пока что не дают никаких гарантий.

– Во всех этих методах действуют вслепую: неясно, то ли мы разрушаем грозу, то ли ускоряем ее, спускаем с цепи. Неустойчивый процесс может развиваться в любую сторону...

Здесь преимущества были на стороне Тулина, и он мог обрушить на Южина все сложности непрестанно меняющегося механизма грозы.

Однако Южин уклонился от спора. Он простодушно посмеивался:

– Видите, все вам известно, неужто с такой головой нельзя придумать что-нибудь такое, чтобы не переться в самое пекло? – И он неопределенно покрутил пальцами, расплываясь ничего не значащей улыбкой, но сквозь прищуренные веки глаза его смотрели внимательно.

Чего он добивался? Почему не сворачивал разговор к категорическому отказу? Может, ему хотелось, чтобы Тулин сам пошел на уступки, изменил характер работ, сам отказался... Значит, что-то мешает ему просто запретить...

– Вот, полюбуйте, – Южин подкинул на ладони оплавленный кусок металла, – что осталось от самолета, попавшего в грозу. – Он вытащил пачку фотографий, разложил их перед Тулиным.

Искореженные останки самолетов. Сломанные, поваленные деревья. Обезображенные трупы. Из глянцевої глубины снимков тянуло гарью еще дымящихся обломков.

Тулин почувствовал на своем лице взгляд Южина.

– Вас это останавливает, а меня воодушевляет, – сказал Тулин, принимая вызов. – Я не хочу, чтобы самолеты разбивались. Я не хочу, чтобы летчики боялись грозы. Я хочу, чтобы вы были хозяевами неба. Ради такого стоит рискнуть, не считаясь с опасностью.

– Ага, рискнуть, – воскликнул Южин, – значит, вы не уверены! Вы не гарантируете!

– Новое – это всегда риск. Кто отвергает риск, тот отвергает новое.

– Слыхали. Сейчас вы мне припишете перестраховку и всякое такое. А почему я должен вам верить? Три года вы возитесь. А где результаты? Точного прогноза грозы не можете составить! Разрушать ее беретесь, а хоть бы предсказывать научились. Сколько экспедиций. Миллионы рублей государство бухает вам. Понавертели дырок в самолетах...

Прогнозы были его больным местом, и Тулин никак не мог втолковать, что их работа никакого отношения к прогнозам не имеет. Южин не хотел ничего слушать. Ему осточертели какие-то там деятели: взялись за одну работу для авиации, охмуряли его всякими мудреными терминами, получили большие деньги и в результате разродились еще одной монографией.

Он вытащил из ящика и потряс перед Тулиным затрепанной книжкой правил эксплуатации.

– Читайте! Я не имею права нарушать. Вы же сами не можете поручиться.

– При чем тут прогнозы? – твердил Тулин.

– Вы хотите взвалить на меня ответственность.

– Ага, боитесь ответственности!..

– За ваши жизни? Да, не желаю отвечать. Чем я могу ответить за них? Чем? Выговором?

– Потому что вы не желаете разобраться в существе! Южин, не глядя на Тулина, вытер платком лоб. Оба разом замолчали. Южин аккуратно сложил платок.

– Хорошо покричали, – миролюбиво сказал он. – Редко у нас, чтобы двое кричали. Обычно кричит один, другой слушает. А вдвоем – это хорошо. Голос проверяешь. Так вот, не за что меня упрекать. Я не специалист по вашей науке. А принимать на веру – извините.

Тулин промолчал.

– Что же остается? – сказал Южин. – Запросить мнение специалистов. Согласны?

– Кого? Того, кто вас поддержит?

– Ну зачем вы так? – добродушно сказал Южин. – Кого вы считаете авторитетом? Допустим, академик Денисов?

– Денисов носится со своими генераторами и зенитками, – сказал Тулин. – Ничего другого он не признает. Он нетерпим, он монополист.

– Так. А Жильцов? Тулин пожал плечами:

– Жильцов – скептик. Он противник всего нового. Он специалист по выступлениям против.

– Другие предложения есть? – терпеливо спросил Южин. – Подскажите. Может, Лагунов?

– Вы же знаете... Лагунов – ставленник Денисова. Какой он ученый?

– Всюду противники. Кто же сторонники? «Странно, почему он не предлагает Голицына? – подумал Тулин. – Может, не надеется, что старик поддержит его?»

– Поймите меня, товарищ генерал, – сказал он, – каждая новая теория союзников завоевывает. Вначале перед ней только противники. Борьба с ними – значит убеждать их фактами. А факты там, в грозе. Я могу достать их только оттуда.

– Сложное ваше положение. Что ж вы от меня требуете? Я должен нарушить инструкции, пойти против специалистов ради дела, в котором не шибко разбираюсь, да и не очень-то верю в него. Слишком много вы от меня хотите. Небось думаете: вот сидит солдафон, и от такого зависит прогресс. Но солдафону легче всего сослаться на параграф и отказать. Я этого не делал, хотя вы меня толкаете на это.

Логика его была безупречна, молчать дальше не имело смысла, и все же Тулин медлил.

– Кто же остается? – спросил Южин. – Может, рассчитываете на Голицына?

Тулин обрадовался: получалось, что Южин его выручил, сам назвал Голицына, что Тулина ни к чему не обязывало, да и, в конце концов, выхода нет, он ничем не выдал себя. Тулин иронически улыбнулся. Страховка прежде всего.

– Ну что ж, Голицын – специалист, от него это не отнимешь. Стародум, конечно.

– Как хотите, – сказал Южин.

– А сколько времени надо ждать его заключения? – капризно спросил Тулин. «Крылов, – подумал он, – пожалуй, вывернемся!»

Южин посмотрел на часы:

– Минут сорок придется подождать.

– Как?

– Я неделю назад, как получил ваши бумаги, заказал Голицыну отзыв. – Южин заговорщицки улыбнулся, и Тулин понял, что его провели как мальчишку. Этот генерал знает свое дело.

Теперь остается одно – не сорваться. Вспылить – значит окончательно расписаться в своей глупости. Нет, такого удовольствия он не доставит. Совершенно спокойно, как бы любопытствуя, он спросил, почему Южин обратился именно к Голицыну, а не к кому другому.

– Я давно знаю Аркадия Борисовича, уважаю его. В какой-то мере наши мнения совпали? – не без лукавства осведомился Южин.

Не имело никакого смысла томиться в приемной, куда как красивей будет зайти за ответом завтра, а пока что отправиться в Госплан, в редакцию. Но он знал, что не сможет ничем заниматься, пока не получит ответа. До сих пор ему ни разу не приходило в голову: а что будет, если им откажут? И никому в группе он не позволял заикаться об этом. Улетая в Москву, он знал, что добьется своего. Как это произойдет, он понятия не имел, но иначе быть не могло. И сейчас, сидя в приемной, он не желал думать о поражении. Голицын должен поддержать его хоть частично. Нужно совсем немного: чтобы заключение было уклончиво, – остальное можно будет выжать из Южина; беседа даром не прошла, в чем-то удалось Южина поколебать.

Вдруг он сообразил, что в институт он заезжал не даром. Все время он чувствовал, подзревал, что Голицына не миновать. Стоило предупредить Крылова, и тот помог бы. Вместо этого он гусарил, выламывался, издевался над их порядками. А что, если сейчас позвонить Крылову? Поздно. Да и все равно он не сделает этого. Кого угодно просить, только не Серегу. Самолюбие? Пусть самолюбие, гордость, глупая гордость. Он не мог признаться, что нуждается в его помощи. Ни за что! Это не суеверие, но все же это значило бы, что их роли переменились.

Глава седьмая

Он увидел привычные комнаты лаборатории глазами Тулина. Действительно, зрелище унылое. А что, если попробовать? И он представил себя начальником лаборатории.

Стены податливо раздвинулись. Он поднял потолки, снес перегородки, сменил освещение, убрал надоевшую рухлядь. В светлых залах стало просторно и безлюдно. Остались наиболее способные сотрудники. Конечно, увольнять непросто: начнется морока – на каком основании, местком и всякие комиссии. Найти способных ребят трудно, но еще труднее избавиться от слабых работников. Но ведь стоит того. А чего ему бояться? Что он теряет? И вовсе это не саркофаг. Тут можно так развернуться – будь здоров! Общими усилиями с разных сторон взяться за механизм грозы, составить единый план работ вместе с институтом высоких напряжений и с лабораториями активных воздействий, с академическими институтами. Распределить силы. Придется быть в курсе каждой работы, начальнику надо уметь вникать с ходу, находить ошибки, раздавать идеи, предвидеть трудности. Важно найти свой стиль. Не обязательно быть таким, как Тулин. Каждому свое. Ему больше подойдет неторопливая вескость, ни одного лишнего слова, но уж если сказано, то намертво. При этом оставаться веселым и доступным. Мужественное и доброе лицо типа Хемингуэя и Фиделя Кастро. И потом, как все крупные ученые, не стесняться говорить «не знаю».

Хотелось немедленно действовать, совершить что-то решительное. Он велел перенести контрольные счетчики на площадку – второй месяц, как он собирался это сделать, и все было недосуг. Потом он подошел к Агатову.

- Пора бы нам наладить генератор, – сказал он. – Разве это мощность?
- У нас есть запасной, можно запараллелить, – сказал Агатов.
- Оба они барахло. Нечего с ними возиться. Агатов быстро взглянул ему в глаза:
- Да, пожалуй что так.
- И ртутник – тоже барахло, – сказал Крылов.
- Да, вы правы, – сказал Агатов.

– Вот что, Яков Иванович, сейчас научная сторона важнее: тематику придется пересмотреть. И вообще... Так что я думаю согласиться на предложение старика.

Кто-то невидимый словно резинкой стирал черты с плоского лица Агатова. И постепенно оставалась гладкая белая поверхность. Может быть, это делал сам Крылов своими словами.

– Понятно, – сказал Агатов без всякого выражения. – Это что же, Тулин вас воодушевил?

– И он, он тоже, – обрадовался Крылов. – Я надеюсь, мы вместе с вами... В деловых вопросах у вас опыт, вы, конечно, можете оказать...

Он пытался как-то смягчить, чем-то утешить Агатова. «На кой я поторопился? – подумал он. – Как будто нельзя было выбрать более удобный момент!»

– Мне жаль, что так получилось.

«Чего ради я оправдываюсь? А бог с ним! Может быть, так ему будет легче».

Агатов выключил схему, встал.

– Я всегда делал то, что мог, – сказал он. – Тулину, конечно, легко критиковать со стороны.

– Нет, нет, он во многом прав, – горячо заговорил Крылов, радуясь, что с этим покончено и можно начать о другом.

Агатов слушал внимательно, согласно кивал, но Крылов понимал, что Агатову сейчас не до него и не до его откровенных излияний. Новая должность начиналась тяжело. «Неужто и дальше придется вот так же ломать чужие надежды, – думал Крылов, – перешагивать через кого-то, решать чьи-то судьбы? Неужели без этого не обойтись? И всякий раз стараться не замечать, не думать об этом, поскольку, мол, иначе поступить нельзя».

Перед кабинетом Голицына Крылов посмотрелся в оконное стекло, почесал подбородок. Придется бриться ежедневно.

– Чего вызывает? Что за срочность? – спросил он у Ксюши.

– Вас можно поздравить? – сказала она. – Ваша жизнь вступила в новую фазу.

У нее все было крашеное: волосы, ногти, губы, ресницы, брови. На лимонно-желтой кофточке блестели большие бусы.

– А вам идет желтый цвет. – Крылов улыбнулся, довольный своей развязностью.

Ксюша подняла трубку:

– Позвоните позже, он занят. – И глазами показала Крылову на дверь кабинета.

Читая бумагу, которую ему протянул Голицын, Крылов подумал, что он был свиньей и надо как следует поблагодарить старика.

«Осуществление гипотезы, высказываемой неоднократно в последние годы, нуждается в огромном экспериментальном материале. Такой материал требует широкой, многолетней программы лабораторных исследований...»

Как бы там ни было, старик помог ему в самое трудное время, старик заставил его защитить диссертацию. Ну и времечко было!..

– Ясно? – спросил Голицын.

Крылов заставил себя сосредоточиться: «Идея остается очередным прожектом». Какая идея? «...Безответственная, ничем не обоснованная программа Тулина...»

При чем тут Тулин?

Голицын нетерпеливо постукивал ногтем по стеклу, на пальце у него блестело серебряное кольцо с печаткой.

Крылов вернулся к началу, перечел заново всю бумагу.

– Ознакомились? Прошу вас, поезжайте с нашим заключением в управление к генералу Южину, он ждет, – сказал Голицын. – Может, у него возникнут вопросы, ну, вы растолкуете.

– Подождите, как же так? – сказал Крылов.

- Привыкайте, дорогой! Ничего страшного, вам полезно повращаться.
- Да нет, не в этом же дело, – сказал Крылов. – Я про заключение. Вы ж фактически закрываете работу Тулина.
- Вот и хорошо, делом займется. Как вернетесь, заходите, мы планы обговорим. Голицын надел очки и развернул английский журнал. Крылов вышел к секретарше.
- Все в порядке? – спросила она. – Я всегда верила в вашу звезду.
- Крылов постоял перед ее столом.
- Ксюша, это невозможно, – сказал он и вернулся в кабинет Голицына.
- Я не могу, – сказал он с порога. – Это ж бездоказательно.
- Голицын удивленно вскинулся:
- Вы еще здесь? – Он отшвырнул журнал. – Как вы сказали?
- Бездоказательно, – повторил Крылов. – Простите меня, Аркадий Борисович, но я не вижу, в чем Тулин ошибается...
- Заключение и не требует подробного разбора. Вы, дорогой мой, читали статьи Тулина?
- Читал.
- Как по-вашему, у него достаточно обоснованы выводы? А? То-то!
- У него есть вещи спорные, но...
- Послушайте. – Голицын нахмурился. – Вы никак собрались меня поучать. Вы что же, хотите, чтобы я благословил Тулина на его авантюру? Не ожидал от вас.
- Это не авантюра. Пусть местами его выводы не вполне корректны, но тем более он имеет право удостовериться...
- Не имеет! – закричал Голицын. – Настоящий ученый не имеет права на такую торопливость. Накопит материал, тогда посмотрим. Пока у него одна самоуверенность.
- Сколько можно копить факты, когда-нибудь надо...
- Сто лет, тысячу лет – сколько потребуется!.. Зеленые яблоки рвать ума не надо. – Он успокоился. – Вы же знаете, Сергей Ильич, я не против любого метода активных воздействий. И его метод тоже во своевремя. Рано еще, миленький вы мой. Слишком мало мы знаем. В данном случае нужна обстоятельная подготовка, чтобы не скомпрометировать... – Собственная терпеливость настраивала его на отеческий лад. Ведь все это когда-то было и с ним самим. Упрямо сведенные брови, опущенная голова, старый осторожничающий профессор – как смешно повторяется жизнь!
- Я тоже начинал с этого, – сказал он. – И мы требовали действий, мы твердо были уверены, что именно нам удастся покорить небеса. Мы надеялись стать громовержцами. – Он прикрыл глаза, вглядываясь в прошлое. – Строптивая юность... милая, строптивая, мечтательная юность. Им все кажется просто, легко, они парят над землей, не желая задумываться над мелочами. Но это пройдет, они поймут.
- «Посыпалось! Сейчас заведет про Гриднева», – подумал Крылов.
- Тем более, – начал он, – вы можете меня...
- Старики вроде Гриднева или Оболенского казались нам... Любопытно, кем я кажусь вам сейчас? Окурочек? Старая песочница?
- Почему ж окурочек? – Крылов покраснел, и Голицын вдруг пронизательно усмехнулся:
- Понимаю и ни в чем не виню. И даже Тулина готов понять. А знаете, понять – значит наполовину оправдать. Терпеть не могу ученых, которые никогда не ошибаются. Завиральные идеи полезны, но... – он наставительно поднял палец, – до той поры, пока они не мешают главному направлению.
- Дверь приоткрылась, показалась голова Агатова. Голицын кивнул, и Агатов осторожно протиснулся, скользнул вдоль стены, прислонился к шкафу, стараясь не мешать Голицыну, который, заложив руки за спину, ходил, как на кафедре во время лекции.

– В одна тысяча сотом году Альхазен открыл рефракцию, вычислил высоту атмосферы. Увы, науке это понадобилось лишь пять столетий спустя, и тогда Торричелли пришлось открыть все заново. Научные идеи должны идти в ногу со своим временем. – История науки была его коньком, тут он мог говорить часами.

Крылов протянул заключение Агатову.

– Вы читали?

– А что ж Альхазен, – громко спросил Агатов, – так и пропали его труды?

– Вот именно, – сказал Голицын. – Их обнаружили совсем недавно.

Крылов посмотрел на Агатова, потом на Голицына.

– Аркадий Борисович, неужели вы сами составляли это заключение? – внезапно спросил он.

Голицын остановился обеспокоенный.

– А что?

– Не похоже. Тут не ваши выражения: «авантюризм» или вот «псевдонаучная аргументация».

– А-а, как бы ни браниться, лишь бы добиться – несколько смущенно запетушился Голицын.

– В научной полемике ни к чему дипломатничать, – сказал Агатов.

Голицын обернулся к нему:

– Но, Яков Иванович, мы тут посылаем это в несколько иные сферы.

Агатов твердо сказал:

– Как раз военным нужны четкие определения.

– Возможно, возможно. Нам тут соперничать с Яковом Ивановичем не резон, да и я не вижу нужды, была бы суть... Так на чем я остановился? Ах да, вот представьте, лет через сто отыщут идею Тулина, и какой-нибудь историк напишет про смелый, не понятый современниками проект. Жил-де некий Голицын, называл Тулина фантазером, не понял, не оценил. Заклеймит этот историк всех нас. Пригвоздит к столбу, – проговорил он с восторгом. – Видите, насколько я беспристрастен.

– Да, вы беспристрастны, – медленно сказал Крылов, – но к кому вы беспристрастны?

– Однако!

Голицын умел отвечать на дерзости уничижительным достоинством. В такие минуты он становился недосягаемым, под стать портретам Франклина и Ломоносова, старинному кабинету черного резного дуба, где все стояло незыблемо с тех пор, как Голицын пришел сюда.

– К вашему сведению, Сергей Ильич, у меня с Тулиным никаких личных взаимоотношений нет. И он мне не конкурент. – Крылья его носа высокомерно дернулись. – Надеюсь, это ясно? Делить мне с ним нечего. Мне пора, как говорится, о Боге думать.

– Скорее вы, Сергей Ильич, не беспристрастны, – сказал Агатов, отделяясь от шкафа.

– Я?

– Вы ж друзья с Тулиным. Он ведь вас просил похлопотать.

– Что за чепуха? – изумился Крылов. Агатов укоризненно покачал головой:

– Ну зачем же вы так, Сергей Ильич? Тулин специально за этим приезжал к вам сегодня.

– Как? – поразился Голицын. – Тулин сегодня был здесь? – И, не слушая Крылова, покрасневшего, желаящего что-то объяснить, сказал: – Так-так, за моей спиной... После этого вы еще требуете беспристрастности. А я-то, старый дурак, считал вас...

– Но Тулин про это не говорил ни слова! – в отчаянии воскликнул Крылов, понимая, что сейчас не удастся ничего объяснить старику.

– Вы чего, собственно, добиваетесь, Сергей Ильич? – спросил Агатов многозначительно и уличающе.

– То есть как?..

– Сознаете ли вы, на что вы толкаете Аркадия Борисовича? Вы требуете другого заключения. Но заключение-то будет его, не ваше. В случае чего Аркадий Борисович понесет всю ответственность. Вы этого добиваетесь?

– Не говорите глупостей, – сказал Крылов. Вдруг он вспомнил и поразился: – Погодите, Яков Иванович, но вы же сами были за подобные исследования. Только сегодня мы с вами говорили.

Агатов нисколько не смешался, он словно ждал этого.

– Лучше не стоит касаться нашего разговора, Сергей Ильич, – сказал он.

– Почему же, я не вижу тут...

– Значит, сами настаиваете? Ну что ж, Аркадий Борисович, я бы никогда не стал огорчать вас, – торжественно начал Агатов, – но мои слова искажаются, я должен...

Голицын замахал рукой:

– Пожалуйста, избавьте меня.

– Нет, разрешите. Сегодня мы с Крыловым обсуждали планы лаборатории. Сергей Ильич заявил, что мы занимаемся никому не нужной тематикой. Не буду приводить неподобающих выражений. Руководство плохое, подавляет инициативу. Правильно я излагаю, Сергей Ильич? А ваши слова были, что Аркадий Борисович избегает современной физики? Отстал, не способен и прочее. Ну а что касается этой записки, то как я могу утверждать обратное, если я сам ее готовил по просьбе Аркадия Борисовича?

– Да, да, – упавшим голосом подтвердил Голицын.

– Не мое дело судить вас, Сергей Ильич, но некрасиво все это, некрасиво.

Крылов ошеломленно молчал. С тупым любопытством отметил, что голос Агатова срывается от совершенно искреннего волнения и на бледном лице проступили большие печальные глаза.

– Лучше горькая правда, Аркадий Борисович, чем сладкая ложь. Мне противны интриги. Если бы Сергей Ильич прямо, по-честному... Я знаю, конечно, он ваш протеже и я пострадаю на этом, зато совесть моя будет чиста.

Агатов повернулся к Голицыну:

– Разрешите, Аркадий Борисович, я сам отвезу Южину наше заключение.

– Да, пожалуйста, спасибо, – сказал Голицын. – Поезжайте. Когда дверь за Агатовым прикрылась, Крылов опомнился:

– Аркадий Борисович, все это не так... Голицын молчал, брезгливо оттопырив губу.

– Черт с ним, с Агатовым... – сказал Крылов. – Тут в другом дело.

– После всего того, что я для вас...

– Вы, по сути, прикрыли целое перспективное направление. Разве так решают научные споры?..

– Поделом мне, поделом. Боже мой, так ошибиться! Они говорили, не слушая друг друга; Крылов раздраженно повысил голос:

– Пусть даже Тулин в чем-то спешит, но запрещать... Я не могу с этим смириться, я не понимаю.

– Кроме Тулина, я вижу, мы еще во многом не сходимся, – сказал Голицын. – У нас, очевидно, разные понятия порядочности.

– Ах-р-р... – Крылов задохнулся.

– Ну-с, продолжайте. Крылов сцепил руки за спиной.

– Мне будет трудно при такой нетерпимости, – медленно подбирая слова, сказал он, стараясь говорить сдержанно и четко. – Если я предположу, что вы всегда правы, мне не остается ничего другого, как превратиться в Агатова и постоянно поддакивать вам. Пропадет всякое удовольствие от работы.

– Научная работа не всегда удовольствие, – язвительно сказал Голицын.

– Возможно, я неудачно выразился, – согласился Крылов. – Пропадет моя ценность как научного работника.

– Она пропадет, если вы будете разделять бредовые идеи Тулина. Впрочем, где уж мне указывать вам! Когда-то вы считали меня своим учителем, теперь я отсталый, торможу, избегаю, даю неверное направление...

– Я всегда уважал вас за то, что вы разрешали спорить с вами.

– Спорят, чтобы выяснить истину. А вы, Сергей Ильич, вы не спорили, а интриговали. Да! Это вы, вы показали свою нетерпимость. За моей спиной наговаривали Агатову, только он честнее оказался... Как не стыдно!

– Вы не имеете права...

– Молчать! Мальчишка! А я еще тащил вас. Уходите! Невозможно! – Голицын кричал, руки его тряслись, и Крылов тоже заорал в бешенстве, стараясь перекричать его:

– Не нужен мне ваш конкурс! Не рассчитывайте! Я отказываюсь от лаборатории, имею в виду!

– Угрожаете? Мне? Вы что ж думали, после этого... Вдруг Голицын вцепился в ручки кресла и, погрузнев, опустился на сиденье. Крылов испуганно рванулся к нему, но Голицын с отвращением отстранил его, открыл ящик, достал патрон валидола, бросил в рот таблетку, закрыл глаза и, передохнув, засмеялся тоненько, победно.

– Ай-яй-яй, за что же вы лишили нас своей милости? На кого же вы нас покидаете, горе-мычных? – Потом он перестал смеяться и сказал сладко-издевательски: – На вашем месте я бы не стал иметь дело с такими тиранами, как я. Принципы надо доводить до конца.

– И чудесно, и чудесно, – подхватил Крылов. – Я уйду.

– Ради бога. Не задерживаю. Хоть сегодня же.

В несколько шагов Крылов очутился у двери, с силой распахнул ее.

– Одну минуту! – крикнул Голицын так, что в приемной было слышно и секретарша встревоженно привстала. – Не вы уходите, а я вас увольняю. И запомните: вы уходите не от меня, а от науки.

У Песецкого был свой уголок, огороженный книжным шкафом, набитым справочниками и детективными романами.

– Я не помешаю? – спросил Крылов.

Песецкий не шевельнулся, проговорил осторожно, стараясь не слушать себя:

– Прошу, в смысле умоляю, катись отсюда.

Крылов уселся на табурет. Песецкий механически черкал бумагу. У него было злое и умное лицо человека, недовольного собою. Наконец он отбросил карандаш, потянулся.

– Ты еще здесь? Как по-твоему может ли паралитик убить шестнадцать человек? Если да, то каким образом? Почему ты не читаешь детективов? Великолепный тренаж! Хочешь, дам? «Смерть в клетке». Блеск! Ты чего куксишься? Слава угнетает?

– Точно, – сказал Крылов.

– Кстати, как мне ни противно, но я вынужден сообщить: эн равно плюс три и три десятых.

– Вот видишь!

– Не можешь удержаться? Пошляк!

Они обсудили данные, полученные в свое время Федоровым и станцией на Эльбрусе. Уравнение получалось длинное, на полстраницы, но Песецкий восхищался им, называл его «цыпочкой» и утверждал, что теперь его может решить и вахтер.

Уравнение действительно было изящным, и Крылов чувствовал, что оно абсолютно верное. Они любовались им, как красиво сработанной вещью.

– Математика! Царица наук! – хвастливо сказал Песецкий. Он презирал экспериментаторов: они, как кроты, рылись в своих схемах, считая показания стрелки высшим судьей всех споров. – Если бы у меня был такой зад, как у Агатова, сколько бы я сделал! Моя беда, что я не умею ничего доводить до конца. Вернее, не хочу. И с женщинами у меня такая же петрушка. Слишком быстро их разгадываю, становится скучно. Сила логики заедает. Но тут, боюсь, ты меня доведешь до финиша. Тяжелый ты человек.

– Я уйду из института, – сказал Крылов. Песецкий присвистнул.

– Шутишь?

Выслушав рассказ Крылова, он погрузился:

– Ты единственный в отделе, кто смыслит в математике. А может, передумаешь? Пренебреги, а? Все это суета сует и томление духа.

– Не могу, – сказал Крылов.

– Принцип?

– Нет, просто надоело.

– Жаль... Хорошо, что мы составили с тобой уравнение.

– Да, – сказал Крылов. – Уравнение красивое.

Они снова просмотрели записи на исчерканной вкривь и вкось бумаге.

– Придется тебе самому кончать статью, – сказал Крылов.

– И не подумаю. Они помолчали.

– Что ты думаешь обо всей этой истории? – спросил Крылов.

– Ничего, – сердито сказал Песецкий. – Ничего не думаю. Не желаю вмешиваться. Старик бежит от правды, ты – от старика. Все это не имеет никакого отношения к физике.

У Песецкого все были виноваты, и вместе с тем для каждого он находил оправдание, даже для Агатова. Может быть, в этом тоже была логика, но Крылова она не устраивала. Спорить с Песецким у него не хватало сил.

– Главное, загружай подкорку, – посоветовал на прощание Песецкий. – Вот ты сейчас ходишь с незагруженной подкоркой, только зря время теряешь.

Бочкарев, конечно, пришел в ужас, хотел бежать к Голицыну, объясняться, но Крылов запретил. Примирение возможно, если Голицын извинится и переделает заключение о Тулине. Бочкарев назвал его зарвавшимся сопляком, не думающем об интересах своих товарищей. Они поссорились, и Крылов вволю мог наслаждаться жалостью к себе и презрением к этому пошлому миру, где не ценят благородства.

Солнце подобралось к стеклянному кубу чернильницы, вспыхнуло радужным блеском. Голицын зажмурился. В чернильнице давно хранились скрепки. Несколько раз завхоз предлагал убрать и эту чернильницу, и весь громоздкий бронзовый прибор с подсвечниками и заодно сменить мебель, но Голицын не разрешал. В кабинете все должно было оставаться таким же, как двадцать пять лет назад, когда он сел за этот стол после смерти своего учителя.

Не часто за двадцать пять лет он сидел за этим столом без дела, нарушая привычный распорядок. Прошло полтора часа, как он надписал на заявлении Крылова «уволить».

Он ждал, что Крылов вернется. Крылов не мог не вернуться. Что бы там ни было, этот мальчик больше всего любил науку, и деваться ему было некуда. На место начальника лаборатории пусть теперь не рассчитывает, во всяком случае в ближайшие месяцы. Придется его прочесть.

В первое время после прихода Крылова в лабораторию Голицын испытывал разочарование: было непонятно, что находили в этом медлительном тугодуме Данкевич и Аникеев, люди, с которыми Голицын привык считаться. Постепенно Голицын начал замечать в действиях Крылова какую-то подспудную систему. А чем дальше, тем сильнее ощущался пусть часто беспомощный, зато совершенно своеобразный ход его мысли, стремление нащупать связь в хаосе

фактов, сомкнуть воедино, казалось бы, противоречивые явления атмосферного электричества.

Когда-то Голицын пробовал то же самое. Сейчас созданная им теория грозы устарела, не в силах объяснить многих несоответствий. Ее еще приводили в учебниках, на нее ссылались, потому что не было ничего другого. Не Крылов, так другой свергнул бы ее, сделал частным случаем; вечных теорий нет, надо иметь мужество уступить при жизни, чтобы хотя бы увидеть, что там такое садится на трон. Все же была тайная надежда: пока Крылов основывался на идеях Данкевича, казалось, что голицынская теория грозы впадет, как приток, в общую концепцию Данкевича. Очевидно, так же предполагал и сам Данкевич. Но Крылов действовал, как птенец кукушки: он выталкивал из гнезда все, что ему мешало, он ни с кем не стал уживаться, он проглотил одну за одной старые гипотезы, и ни о каком притоке не могло быть и речи.

Можно было работать вместе с Крыловым. Сперва Голицын так и предполагал. Но время шло, а он все откладывал, избегал вмешиваться, придумывал себе новые отговорки и ревниво следил, какими неожиданными ходами движется поиск Крылова. Уклоняясь от, казалось бы, очевидных приемов, Крылов безрассудно сталкивал несовместимые понятия, нахально залезая в какую-нибудь теорию вероятностей, отшвыривал истины, на которые Голицын никогда бы не осмелился посягнуть.

В последние годы Голицын все болезненнее ощущал робость собственной мысли. Дело тут было не в старости. Перемены, происходившие в стране, коснулись и института: можно было расширить тематику, привлечь новые силы, свободно обсуждать смежные работы. А Голицын все еще не мог распрямиться. Странно, что теперь, когда ничто ему не мешало, он начал ощущать в себе какую-то скованность. Молодежь вроде Крылова, Песецкого, Ричарда не могла понять этого чувства: им неведомы были его страхи, никто из них не работал в те времена, когда приходилось помалкивать, когда часто невозможно было сказать то, что думаешь, когда исход научных дискуссий был предрешен неким указанием, когда он, Голицын, опасался отвечать на письма своих зарубежных коллег, когда могли усмотреть идеализм в какой-нибудь формуле. Сейчас Крылову все это кажется смешным, а Голицын испытывал все это на своей шкуре. Такое не проходит бесследно. Страх въелся в него, пропитал его мозг. Появилась некоторая робость мысли, опасливость перед обобщениями, неожиданными ассоциациями. Такие, как Крылов, были свободны от всего этого. Они размышляли широко, без оглядки, и он завидовал им – нет, не их молодости, а тому, что нынешнее время пришло слишком поздно для него.

Крылов не возвращался. Голицын чувствовал тайное облегчение, и было совестно за это чувство. Оправдывая себя, он вспоминал, как два года назад разыскал в Ленинграде Крылова, затюканного, отчаявшегося, взял к себе, выхлопотал ему комнату, дал полную свободу в работе, вспоминал все сделанное для Крылова. Трудно привыкнуть к человеческой неблагодарности, но и жаловаться на нее глупо, это все равно что хвастать своими благодеяниями. Обидно другое – как он обманулся. Ему всегда казалось, что стиль ученого и человеческие его качества связаны между собой, и если Крылов не подгоняет точки на кривых, докапывается до первопричин, не робеет перед авторитетами, то, значит, и человек он честный, прямой, целеустремленный, не способный лицемерить. На старости лет непростительно так ошибаться в людях.

Глава восьмая

Появление Агатова уничтожило последнюю надежду. Надо же, чтоб именно Агатов приехал к Южину! В этом было что-то роковое. Южин читал заключение Голицына вслух. Круглое белое лицо Агатова набухало еле сдерживаемым торжеством. Каждая фраза вдавливала

Тулина в кресло. «...Полеты непосредственно в грозовых облаках... – Южин сделал паузу... – не обеспечены, преждевременны и бесплодны».

Руки Агатова сложены почти молитвенно. Кончики ногтей выскоблены добела.

– Ваши обоснования, Олег Николаевич, недостаточны, – произнес Агатов. – Вековые проблемы науки так не решают.

И Агатов, и Южин со своим столом, телефонами быстро отдалялись от Тулина, куда-то уплывали.

– А как их решают? – точно издалека спросил он.

– По капельке, – ласково сказал Агатов. – В лаборатории измеряют капельку за капелькой, годами. Не гнушаются черновой работой. Скромненько.

Южин задумчиво разглядывал подпись Голицына.

– Значит, несвоевременно. – Теперь он не скрывал сожаления. – Годы и годы. Этак при жизни мне, пожалуй, не успеть рассчитаться, а у меня с ней старые счета, с грозой-голубушкой.

– Что поделаешь, товарищ генерал! – Агатов сочувственно развел руками. – При такой диссипации энергии нет процесса регенерирующего...

Тулин скривился.

– Что вы несете? За этой абракадаброй никакой мысли. Товарищ генерал, им нужно только, чтобы их не беспокоили и чтобы они не рисковали. Есть деятели, которым невыгодно вылезать из лаборатории.

Чем яростней он нападал, тем благодушной улыбался Агатов. Потом он отдельно улыбнулся Южину улыбкой единомышленника.

– Слышали? Чего только не приходится выслушивать, когда защищаешь государственный интерес! Другой на месте Аркадия Борисовича отделался бы уклончивым ответом, но мы люди прямые...

На задубелой огненной физиономии Южина невозможно было ничего прочесть. Глаза его уставились на Агатова.

– Игра на новаторстве – модный прием. – Агатов предостерегающе поднял палец. – Товарищ генерал, вы учтите, Тулину-то что? Они разобьются, а отвечать будете вы.

Цинизм этой фразы не мог серьезно задеть Южина – он давно привык подшучивать над смертью и делал это еще грубее и хлестче, – его покорило другое, неискоренимое в каждом фронтовике: наземная служба, тыловик, судит тех, кто сражается в воздухе.

Он поднялся, одернул мундир.

– Все ясно, вы свободны. И вы тоже, – сказал он Тулину чуть мягче.

– Так я передам Аркадию Борисовичу, что все в порядке, – сказал Агатов.

Дверь плавно закрылась. Тулин продолжал сидеть.

– М-да, – промычал Южин. – Все в порядке... – Он выразительно посмотрел на часы. – В институт мы сообщим. Больше помочь ничем не могу.

Тулин заторопился, привстал, держась за подлокотник.

– Мне нельзя так вернуться... ни с чем... Выходит, опять делать то, что мы уже знаем. Поймите, мы знаем, что надо...

– Больше ничем помочь не могу.

Тулин встал, но вдруг сел уже совершенно иначе, откинув голову на спинку кресла, устраиваясь поудобнее.

– Я отсюда не уйду.

– То есть как?

– Буду сидеть, пока не получу разрешения.

– Вы ж слышали. Чего еще толковать!

Тулин закинул голову и стал смотреть на лепной карниз. Южин вышел из-за стола, оглядел Тулина со всех сторон, словно примериваясь.

– Не валяйте ваньку, со мной эти фокусы не пройдут.

Он подождал, потом нажал кнопку звонка. В кабинет влетел молоденький адъютант, вытянулся, щелкнув каблуками с удовольствием мальчишки, играющего в солдатики.

– Проводите товарища Тулина вниз, посадите в машину, пусть его доставят домой.

– Слушаюсь! – Адъютант выжидательно посмотрел на Тулина.

– Отменяется, – сказал Тулин, – я останусь. Адъютант перевел глаза на генерала.

– Выполняйте! – скомандовал Южин. – Чего стоите? Помогите ему встать. Он себя плохо чувствует, видите, какой бледный.

Адъютант неуверенно шагнул к Тулину.

– Я себя чувствую прекрасно. – Тулин закинул ногу на ногу. – Так хорошо, что придется вам вызывать трех человек, не меньше. Плюс носилки. А презабавная картина получится, товарищ генерал: научного работника связывают и выносят из кабинета – новый метод окончания дискуссии.

Адъютант неудержимо улыбнулся. Искося бросив взгляд на генерала, спохватился, преувеличенно нахмурился, но было уже поздно.

– Что смешного? Чего скалитесь? Вы где, на посиделках?

Развалился, нога на ногу – и хоть бы хны. Среди военных такое нахальство невозможно. Военному скомандовал – и конец. Субординация, дисциплина. А с этими деятелями никакого порядка, для них нет ни генералов, ни старших, ни младших. Пользуется тем, что его не разжалуешь. Ишь как носком болтает! Уверен, что настоит на своем. Пожалуй, это с отчаяния. Можно представить, как ему обидно: ведь не для себя же старается, он не просит ни денег, ни должности...

Две стены пересекались с потолком. Пространственный угол. Когда-то на экзаменах ему досталась такая задача. Что бы ни было, он должен остаться. Стоит уйти отсюда – все будет кончено. Лучше об этом не думать. Пока он здесь, кажется, что еще где-то что-то решается или может решиться. То, что спрашивали на экзаменах, почему-то запоминается лучше всего. «Хулиганство!» – это сказал генерал. Тулин смотрел в угол на потолок. Он уткнулся лицом в этот пространственный угол. Вцепиться в кресло – и никуда. Изогнуть губы, вот так, понаглее, прищуриться, хорошо бы закурить, нахально попыхивать папиросой, только чтобы лицо не двигалось. Держаться, держаться... Единственное, что оставалось у него, – это упрямство, безрассудное упрямство, лишенное надежды, сидеть, сидеть в этом кресле.

Наступившая тишина заставила его взглянуть на Южина. Что-то переменялось. Адъютанта уже не было. В глазах Южина светилось нечто вроде сочувствия.

Он положил руку на плечо Тулина.

– Вам сколько лет?

Тулин попробовал криво усмехнуться, но побоялся разжать губы: они могли задрожать, они могли выкинуть черт знает что, и голос мог вырваться оттуда всхлипывающий. От этой большой, тяжелой руки, лежащей на плече, что-то надломилось в нем, и он со страхом почувствовал, как душно перехватывает горло.

Южин налил стакан воды.

– Выпейте.

Вода была теплая. Тулин пил маленькими глотками, не поднимая глаз. По голосу Южина он понимал, как жалко выглядел сейчас, и это было самое невыносимое.

Он поставил стакан и пошел к дверям.

– Погодите, – сказал Южин.

Тулин остановился, не оборачиваясь. Южин зашел сбоку.

– Попробуйте сами с Голицыным... – буркнул он. Внезапно Тулин успокоился, все было кончено, и он вдруг почувствовал ту последнюю свободу, когда уже все равно и остается лишь одно наслаждение – выложить правду.

– Поздравляю вас, товарищ генерал. Отпихнулись. Теперь можно стать добрым и чутким. Советовать можно. Вам ведь уже ничего не грозит. Все параграфы соблюдены. А к Голицыну я не пойду. Не нужно мне их милости. Да и с какой стати им в дураках оказываться? Когда-нибудь вы убедитесь, что я был прав. Когда американцы обгонят нас. Они нащупают наш метод. Вот тогда вы сами разыщете меня: пожалуйста, товарищ Тулин, вот вам, товарищ Тулин, берите самолеты сколько хотите, торопитесь, наверстывайте, опережайте. Вы станете смелым, ужасно смелым, щедрым... Нет, я вас не пугаю – за то, что вы задержите наши работы на несколько лет, вы не получите никаких взысканий, за перестраховку вас не накажут...

Эти безрассудные упреки Южин готов был простить: нервы, запал. Кто-кто, а Южин знал, какие огромные средства стало давать государство на изучение физики атмосферы, группа Тулина составляла лишь крохотный участок большого фронта исследований, ведущихся институтами страны. Южина занимало другое: среди запальчивых выкриков Тулина он различал страстную уверенность в своей правоте. На чем она покоилась? Почему она для Тулина сильнее всяких формул, и расчетов, и заключений? А что, если это не только убежденность?

Он вглядывался в глаза Тулину, пытаясь через них проникнуть в его душу, – мучительное извечное усилие одного человека постичь до конца то затаенное, что скрывается в душе другого. А вдруг то, что защищает Тулин, и есть истина? Как будто в глазах Тулина он мог увидеть не убежденность, а саму истину.

– Цирк... Колизей... – И вдруг отчаянно махнул кулаком. – Э, была не была, вали на мою голову! Разрешаю. Но не все, конечно. В радиолокационное ядро заходить и не думай...

Тулин глубоко вздохнул, прикрыл глаза. Почему-то не было ничего, кроме усыпляющей усталости. Наконец Южин кончил говорить, и тогда Тулин опомнился, схватил Южина за руку, потом за плечи, поцеловал в одну, в другую щеку. Южин сконфузился, но Тулин чувствовал, что получилось мило и непосредственно, и к нему сразу вернулась уверенность в неизбежности случившегося. С самого начала он знал, что добьется своего, что иначе и быть не могло.

Они сели за схемы полетов. Южин жестко отчеркивал зоны.

– Голицына теперь обойти нельзя, – предупредил он. – Придется идти на компромисс. Он будет курировать ваши полеты. Не сам – через своих, я с ним договорюсь.

Тулин беспечно отмахнулся. Он был слишком рад, чтобы задумываться о таких пустяках, тем более что там Крылов. Серега постарается.

– А если мы встретим грозу? Забреем туда случайно и заблудимся, а? – И он подмигнул Южину.

– Я тебе встречу, я тебе встречу!

– Ну а если?

– Если грозу встречают, ее обходят. Если в грозу попадают, то... – Южин усмехнулся, – то отремонтировать самолет не всегда удается.

Тулин от души смеялся. Шутка казалась ему очаровательной. Он спешил успокоить Южина, он готов был обещать все что угодно, любые гарантии. Если что-нибудь случится, он клянется больше не летать, не просить самолетов. Он снова был победителем, а победителю можно быть щедрым и обещать, обещать.

Он покинул Управление вечером. Вместе с начальниками отделов он отработал схемы полетов; запретные зоны были велики, слишком велики, но все же летать разрешалось в таких близостях от грозы, о которых раньше и помыслить нельзя было.

Это первая ступень, первый прорыв, дальше пойдет, в конце концов, тут важнее всего принципиальное согласие, а там все зависит от локатора, можно будет отрегулировать усиле-

ние, формально требование Южина будет выполнено, лишь бы все обошлось благополучно, победителей не судят, победители сами судят.

На улицах горели фонари, от яркого света витрин и реклам в небе исчезли звезды.

В гастрономе он купил бутылку коньяка «Двин», своего любимого сыру, ветчины.

Нагруженный свертками, он не торопясь шел по улице, разглядывая встречных женщин.

Полные и стройные, в узеньких брюках, – это было красиво, в легких плащах и коротких пальто – и это тоже было красиво, девчонки в курточках, с медными волосами и с волосами пышно взбитыми, девчонки с модными раскосыми глазами, большеротые, хохочущие, курносые, надменные, милые скромницы и развязные пигалицы в пышных шуршащих юбках, а руки голые, кожа в пупырышках – прохладно, но держи фасон, – откуда их столько, хорошеньких, даже красивых, появляется вместе с весной?

Ему захотелось заговорить с одной из них. Хотя бы с этой длинноногой в сером, туго облегающем свитере, что стояла у театральных афиш. Он спросил ее, куда она хочет пойти. На «Голого короля»? Вот так-так, и он тоже собирался. Пошли вместе. Ничего тут страшного нет, у него сегодня счастливый вечер, пользуйтесь, берите, раздаю счастье... Он знал, что в таких случаях нельзя спрашивать, мяться, надо говорить самому, смешить и смешить и рассказывать о себе.

Ему не надо было притворяться, он просто делился радостью своей удачи. Недоумение и настороженность девушки сменились снисходительной насмешкой: оказывается, перед нею безобидный чудак, даже забавный чудак, нет, не чудак, а симпатичный, общительный парень. Она согласилась пройтись с ним до театра, только это все зря: билетов давно нет, не достать ни за какие коврижки.

– Пустяки, – сказал он и взял ее под руку.

Театр был рядом. Они прошли сквозь толпы спрашивающих лишние билетки, пробилась к окошечку администратора. Тулин всунул голову, увидел замороженного, потного толстячка и сказал:

– У вас астма, вам нужно лечиться, вам нужна тихая работа, а не этот бедлам, но что поделаешь, если вы любите театр и никто, кроме вас, не смыслит в организационных делах, они тут пропадут без вас, только кретины считают, что администратор – это тот, кто сидит в этом курятнике и распределяет пропуски.

Пустые, нетерпеливые глаза очнулись, уставились на него сперва как на идиота, потом, что-то поняв, засмеялись с дружеской завистью.

Два желтеньких билета в третий ряд сделали его кудесником.

У нее была отличная фигурка и приятный низкий голос, и она сияла от удовольствия, а на него опять навалилась усталость.

– Вот вам билеты, и простите меня, – сказал он. – Этого «Голого короля» я уже видел и, кроме того, совсем забыл: я обещал зайти к приятелю.

И это не было отговоркой, он вдруг вспомнил о Крылове, и ему захотелось растянуться на кушетке и рассказать Сереге все, что произошло, потому что только Крылов мог оценить это.

Глава девятая

Ключ лежал, как и прежде, справа за наличником. Большая пустоватая комната показала неуютной, хотя все стояло на прежних местах. Тулин упал на кушетку, вытянул ноги. Секрет быстрого отдыха состоял в том, чтобы расслабить все мышцы и ни о чем не думать.

Тикали часы. Включался холодильник, бормотал взахлеб, словно торопясь выговориться.

Томный женский голос пел по радио итальянскую песенку: «...В благородном сердце всегда появляется любовь». Точно. Он вскочил, взял бутылку коньяка, скрутил сургуч, ладонью вышиб пробку. Достал из шкафчика стакан. Выпил, морщась, без удовольствия, как пьют

лекарство. Чтобы отогнать сон. Бездарно было бы проспать первый вечер в Москве, да еще после пережитого. Транслировали какой-то концерт, слышно было, как в глубине зала вздыхали, покашливали.

Он вынул записную книжку, выбирая, кому бы позвонить. Отсутствие Крылова путало все карты.

Телефон стоял между книгами, на столе. Тулин подошел и увидел под стеклом фотографию: девушка в лыжной шапочке с помпоном на фоне заснеженного леса. Снег лежал на шапке, на кудряшках. У нее были твердые круглые щеки и робкая улыбка.

Тулин подозрительно осмотрел комнату. В углу гантели. Книг прибавилось. На шкафу лыжи, одна пара. Открыл шкаф – ничто не говорило о присутствии женщины. Комната хранила хорошо знакомую Тулину безразличную чистоту, когда убирают чужие руки.

Он успокоился. Было бы грустно, если б Крылов женился. Что-то нарушилось бы.

Перелистывал имена, прежние привязанности и случайные знакомства – те, что не следует ворошить, полузабытые лица, и те, с кем приятно было бы сходить в ресторан, но и они обязательно начнут с упреков: почему не писал, не звонил и прошлый раз не зашел, – надо будет оправдываться и что-то выдумывать. Не могут женщины просто обрадоваться, как радуются, встречаясь, мужчины. Есть, конечно, Зочка, но Тулин представил всю запутанную историю их отношений – нет, пожалуй, сейчас не стоит осложнять себе жизнь. Софа – слова не даст сказать. Галочка – это для домашнего потребления. Ему вдруг вспомнилась Женья, эта утренняя глазастая девочка из парка, почему-то он был уверен, что ей было бы интересно узнать про его удачу, она снова бы слушала его, блестя своими коричневыми глазами, где отражались молнии и мокрые листья. Он уже забыл про свое намерение дожидаться Крылова и посидеть с ним вдвоем. Быстро побрился; вылил на себя остатки крыловского одеколona. Записная книжка лежала раскрытая на букве «Г». Он хотел было захлопнуть ее и сунуть в карман, но тут взгляд его упал на фамилию Голицына. Тулин усмехнулся...

– Попросите к телефону Аркадия Борисовича. – Пока в трубке шипела тишина, он свободной рукой налил себе коньяку. – Здравствуйте, Аркадий Борисович! Вас беспокоит Тулин. Читал сегодня ваше заключение. Благодарю за вашу заботу о моем здоровье. Вы сделали все, что могли. Однако, как говорят, и Бог подчиняется правилам грамматики. А грамматика наша такова, что все новое находит себе дорогу. Я не ради того, чтобы вас посердить. – Он не давал Голицыну вставить слова. – Мне надо, чтобы вы были здоровы, очень здоровы, потому что через год надеюсь увидеть вас на докладе об итогах наших работ. Может быть, вы согласитесь присутствовать и на испытаниях? А чего доброго, решитесь подняться в грозу? Столько лет вы посвятили ей, и ни разу не забраться в нее – обидно! Постараюсь кончить за год, это с запасом, учитывая вашу непримиримость, авторитет и заботу о нас. Ваше здоровье, Аркадий Борисович!

Он чокнулся с трубкой, где яростно пиликали короткие гудки.

Вошел Крылов.

– Ты где шатаешься? Одевайся, поехали в ресторан.

– Как твои дела?

– Кутим! Переодень рубаху. Нас ждут. Все доложу. Крылов вяло помотал головой:

– У меня нет настроения. Ты двигай сам.

– Не дури. – рассердился Тулин. – Знать ничего не желаю. Сегодня существует мое настроение. А раз у тебя нет настроения, значит, оно тебе не может мешать.

Спорить с ним было бесполезно. Он выругал Крылова за рубашки – модные, но безвкусные, перевернул весь шкаф, пока не остановился на коричневой, с отложным воротником.

– погоди, а девушка у тебя есть? – спохватился он.

– Не хочу я никаких девиц.

– Стой! А эта? – Он кивнул на фотографию.

– Она не здесь.

– А где?

– Далеко.

Тулин еще раз наклонился над портретом.

– Миленькая. Ну ладно, не пыхти, у тебя это, как всегда, серьезно.

– Как же тебе удалось с Агатовым? Тулин аппетитно улыбнулся:

– Погоди, все по порядку. Что ж, вы переписываетесь?

– Нет.

– Скрытный ты человек.

В Доме ученых был вечер отдыха. Тулин долго, со вкусом выбирал в ресторане столик, согласовывал меню, распоряжался насчет шашлыков и салатов. Крылов подумал: сколько живу в столице, а бирюк бирюком, официанта подзвать не умею.

Откуда-то появился Возницын, заместитель директора Тулинского института, маленький, умилительно громко хохочущий по любому поводу. Он был с женой, приятной, пухлой брюнеткой, которую Тулин через несколько минут стал звать Симочкой, хотя она была много старше его.

У Тулина было много знакомых, он здоровался, куда-то уходил, узнал, что здесь Ада, – она вчера приехала в Москву, в командировку, – и, несмотря на протесты Крылова, отправился за ней и привел, вырвав из компании старых профессоров, рассуждавших о преимуществах постоянного тока.

Последний раз Крылов видел Аду год назад. Она почти не изменилась: была так же ослепляюще красива, надменна, только зачем-то стала носить яркие бусы, а на руке широкий металлический браслет. Выпили за женщин, потом за Южина; когда подняли за Крылова, Ада ровным голосом спросила, что ему пожелать, как бы предлагая заключить мир на сегодняшний вечер. Тулин хлопнул себя по лбу.

– Перед нами же именинник! Новенький начальник лаборатории! Я-то расхвастался, а вот он, подлинный герой, как водится, незаметный... В его лице мы приветствуем...

Крылов торопливо выпил до дна и долго смеялся: он ни за что не хотел испортить Тулину сегодняшний вечер.

Стоило ему представить, как они начнут его расспрашивать, утешать, и его охватывал стыд. Ада сразу же торжествующе скажет: «Вот видишь!» А так она сказала: «Ты добился своего, правда, я остаюсь при прежнем мнении: твое место на заводе».

Крылов начал было возражать, но его уже никто не слушал.

Тулин рассказывал с подробностями историю своих переговоров с Южиным.

– Молодец! Ах, какой психолог! – вскрикивал Возницын и всплескивал маленькими руками.

Тулин разошелся и приглашал всех через год на банкет.

Заиграли липси. Тулин пошел танцевать с Адой, а Симочка пригласила Крылова. Со всех столиков смотрели на Тулина и Аду: они были самой красивой парой.

– Они составляют полный гарнитур, – сказала Симочка. – Я бы все отдала, чтобы иметь такую фотогеничность.

Крылов промолчал. Он не знал, что надо говорить в таких случаях. Тулин терпеть не мог Ады, называл ее мороженой щукой и пригласил, наверное, потому, что на Аду все оглядывались – такая она была красивая.

После танца Тулин подошел к соседнему столику.

– Здравствуй, Петруша, – громко сказал он. – Поздравь меня. А тебе, слышать, подраскрыли скобки.

В нежно-розовом толстячке, похожем на облупленную сардельку, Крылов с трудом узнал Петрушу Фоминых, с которым они когда-то учились в институте. Петруша восседал во главе шумной компании пестрых пижонов.

Тулин бесцеремонно налил себе в чью-то рюмку, поставил ее на вытянутую ладонь.

– На одной ложной информации нынче не выедешь. Выпьем за нашу передовую эпоху!

Не успел он кончить, как Петруша с неожиданной для его комплекции ловкостью подхватил с ладони Тулина рюмку, выпил и победно поиграл ею между пальцев. Пижоны засмеялись. Тулин побледнел. Он бледнел сразу всем лицом, и глаза его тоже становились белыми.

Ада стиснула Крылову руку.

– Не вмешивайся, без тебя разберутся.

– Они давно ссорятся, – сказал Крылов. – Сперва из-за одной... Потом Петруша прижал его у Денисова. Но Олегу сейчас нельзя влипнуть ни в какую историю.

– А тебе?

– Я теперь люмпен, – сказал он, вставая. – Мне что...

Он подошел к Тулину и взял его за локоть.

– Ах, и ты тут, – сказал Петруша. – Забирай своего дружка, пока я его не отправил в другое место.

– До чего ты стал жирный! – сказал Крылов. – Так и хочется тебя помазать горчицей.

Он увел Тулина и заставил его пойти танцевать с женой Возницына.

Ада рассказывала Возницыну про трудности с выключателями постоянного тока, но едва только Крылов вернулся, она спросила, почему люмпен.

– Ничего, чепуха, – сказал Крылов. – А как с этой аппаратурой за границей?

– В том-то и дело, – сказала Ада. Возницын захохотал.

– Пусть, пусть Америка торопится, мы все равно их обгоним.

В это время к ним подошел Петруша. Осторожно подтянув брюки, он опустился на стул.

– Я на Олега не обижаюсь, – сообщил он. – Нет смысла обижаться, он все еще мыслит в коротких штанишках. Жизни не знает. Сейчас все перестраиваются. – Он поправил очки, у него были великолепные очки с золотыми дужками. – Эх, Сережа, быт – проклятая штука. Вот я и считаю, что его надо устраивать, поскольку он определяет... – И он улыбнулся Аде.

– Где ты теперь? – поинтересовался Крылов.

– Внедряю автоматику. Крылов удивился:

– Но это ж не по твоей специальности?

– Моя специальность... – Петруша снял очки, глаза у него стали светлые, грустные.

Возницын всплеснул руками:

– Что может быть лучше автоматики! Автоматизация облегчает труд. Возьмите, к примеру, метеослужбу, передачу и обработку сведений...

Вернулся Олег и, к удивлению Крылова, спокойно подсел к Петруше, налил ему вина.

– Но откуда ты знаешь автоматику? – спросил Крылов. Петруша отпил вина, по-кошачьи зажмурился.

– Чудак, зачем мне ее знать, я ее внедряю. А известно, что внедрять можно годами. – Он смотрел на Крылова, но Крылов чувствовал, что говорится это не для него. – Специальность – средство существования материи.

– Существуешь на косности, – сказал Тулин. – Новый тип паразита. Ну и как, увлекательная работа?

Петруша обрадовался:

– А я увлекаюсь другими вещами. Муки научного творчества – это для избранных вроде тебя. Куда уж нам!.. У меня теперь интерес материальный. Принцип материальной заинтересованности. Слышал? Сокращенно «примазин». Отличное средство, действует на любой организм. Ты принимаешь?

– Вроде бы рановато, – сказал Тулин. – А ты без этого не способен?

Петруша хихикнул. Насмешки Тулина соскальзывали с него, но он не прощал ни одной, подзуживая Тулина своим цинизмом.

– И не боишься ты влипнуть? – полюбопытствовал Тулин. Петруша посмотрел на него как на ребенка.

– Ошибается тот, кто экспериментирует. А я никогда себе этого не позволю. Невыгодно.

– Бизнесмен, – сказал Тулин.

Петруша взял двумя пальцами ломтик лимона.

– Вы оторвались от жизни. Нехорошо. Деньги есть деньги, они определяют заслуги человека в нашем обществе. – Он разговаривал тоном, не требующим ответа, так говорят с кошками или собаками. – Каждому по труду, от каждого как?

– По способностям, – обрадованно подсказала Симочка.

– Именно.

– Ты все переворачиваешь. Деньги, деньги... У тебя как на Западе, – сказал Крылов.

Петруша посмотрел на него серьезно, и Крылову опять показалось, что за толстыми стеклами очков мелькнуло что-то грустное и тотчас растаяло в поддразнивающей ухмылке.

– Зачем Запад? С деньгами и у нас можно не хуже, чем на Западе. Производство товаров возрастает.

– Да, да, жить становится все лучше, – обрадовался Возницын, – не сравнивать...

– Счастье – это не деньги, это трудности борьбы за светлое будущее, – сказал Петруша. – Берите мои трудности, дайте мне вашу зарплату.

– Перестань пылить, – сказал Крылов. – Неужели ты стал таким?

– Он всегда был таким, – сказал Тулин. – Он всегда был пижоном. У него ничего не остается в жизни, как жрать, покупать и халтурить.

Петруша пососал лимон.

– Фу, как грубо! За что вы на меня злитесь? За откровенность? Подводите идеологическую базу? Ты, Олег, всегда был бдителен. Это ведь ты прорабатывал меня за джаз, за то, что мы не занимались наукой.

– Да, ведь ты играл на трубе! – вспомнил Крылов.

– ...Ты, Олег, конечно, личность исключительная, тебе не нужны деньги, тебе нужна слава. А к славе приложится и остальное. Тебе не нужна своя машина, тебе достаточно казенной. А я больше не играю на трубе. Ты перевоспитал меня. Я стал как все, рядовой работяга. Между прочим, у тебя какая зарплата? В три раза больше моей? Поэтому твоя действительность в три раза прекрасней, чем моя. – Он подмигнул Аде. – И соответственно раза в четыре приятней, чем ваша. Поэтому идеалы Олег может иметь более высокие, его муки творчества – это не для нас, нам бы десятку-другую наишачить.

– Ах ты, поросеночек, – сказал Тулин. – Как ты вырос! Ты стал философом.

Давно уже с какой-то мыслью Крылов следил за Петрушей. И вдруг сказал:

– Жаль, что ты бросил играть на трубе. Может, это и было твое призвание.

Петруша живо повернулся к нему, хотел что-то ответить, но махнул рукой и зло рассмеялся:

– Ужас какие вы все положительные! Особенно ты, Сере-га. Как был карась-идеалист, так и остался. Никакого прогресса. Удивляюсь, как это тебя еще терпят в институте! Когда тебя выставят, двигай ко мне, так и быть, устрой.

Ада неумело закурила сигарету и сразу же притушила.

– Ну а теперь катись, – сказал Тулин. Петруша положил обсосанный лимон.

– Диспута не получилось. Извините за компанию. – Он встал. – Принимайте «примазин» – поможет, особенно в семейном положении. – Сунул руки в карманы и, позвякивая мелочью, удалился к своему столику.

Первой прыснула Симочка, за ней остальные. Крылов тоже смеялся, не зная чему. Они почувствовали себя вдруг очень молодыми, очень голодными и накинулись на остывшие шашлыки. «Экземпляр! Ну и экземпляр!» – повторял Возницын. Его все приводило в восторг. На него было приятно смотреть. Шашлык, который он ел, был самый лучший, тулинская тема – самая перспективная, Петруша – диковинное явление, нетипичное, отныне разоблаченное и обреченное...

– Сережа, – сказала Ада, – что у тебя все же случилось?

– У меня? Ничего!

Тулин внимательно посмотрел на него.

– Вытри нос, у тебя нос потеет, когда врешь.

– Отцепитесь вы, – сказал Крылов. – Ну, поругался с Голицыным, что особенного?

– Ага, поругался! – сказал Тулин. – Твой Голицын – скелет, хватающий за горло молодые таланты, старый колпак, наследие прошлого.

– Хуже всего, он несправедливый человек, – свирепо добавил Крылов, и все рассмеялись, как будто он сказал глупость.

– Давай, давай! Мне, брат, мало, чтобы меня хвалили друзья, мне надо, чтобы ругали моих врагов. Но... – Тулин поднял шампур. – Но ты, Сереженька, должен быть с Голицыным кроток и ласков, ибо он будет курировать наши полеты, и надо, чтобы он перепоручил это тебе.

По мере того как Тулин разворачивал свои хитрые планы, Крылов мрачнел. Наконец он решил:

– Это невозможно. Дело в том... – Во рту у него вдруг пересохло, он жадно хлебнул вина. – В общем, я ушел из института.

– Я чувствовала, – сказала Ада.

Они заставили его рассказать все. Поощренный их вниманием, он приободрился. Почему бы ему не рассказать? Чего ему стесняться? Ничего страшного. По отношению к Тулину его поведение было подвигом. Он заслуживал похвалы, утешения, благодарности. Он пал жертвой, защищая правое дело, и мог требовать почестей.

Тулин молча ел шашлык. Крылов кончил рассказывать, а Тулин продолжал есть шашлык, густо мазал горчицей каждый кусочек, жевал его так, как будто истреблял что-то живое. На него было страшно смотреть. Ада и Симочка притихли. Наконец Тулин вытер губы, скомкал салфетку и принялся обозревать физиономию Крылова.

Он приглашал всех полюбоваться на этого цветущего, упоенного жалостью к себе идиота. Он водил их, как экскурсовод, обращая внимание на достопримечательности этого редчайшего образца человеческой тупости.

– Заметьте, он ждет, что мы кинемся ему на шею, женщины будут всхлипывать, а мужчины прочувствованно трясти руку. Так вот почему приехал Агатов! Кто тебя просил соваться со своими принципами! – зарычал он. – Надо было ехать, а не корчить из себя... Ох и нагадил же ты! – Тулин схватился за голову. – Мы бы Южина повернули совсем по-другому. Я-то надеялся, что из вашего курятника ты сумеешь страховать меня... Все испортил... Услужливый дурак, юродивый. – Лишь присутствие женщин как-то сдерживало его.

Ада попробовала вступиться – раз Крылов не разделяет взглядов Голицына, то, естественно, он обязан... Как же иначе... Каждый человек...

Может, она и добралась бы до самого важного для Крылова, но Тулин не дал договорить, он высмеял ее, под его ударами все превращалось в труху.

– Что за лепет, какие у него принципы! Принципы оцениваются по результатам, а не по намерениям. Нагадить может и кошка, а человек должен уметь больше! Этот лунатик всегда так. Вечно ему надо быть правильной всех. Вы-то, Ада, знаете это лучше нас. Ах, какой рыцарь, он шел на все ради меня! А мне не нужно. Не нужна мне твоя жертва, твои услуги.

– Я это сделал не ради тебя, – сказал Крылов.

«Не ради тебя», – сказал он, и Тулин ударился о что-то неподатливо твердое, как кость. Это случилось не впервые, но всякий раз приводило его в ярость.

– Значит, для себя? Все для себя. Жизнь ничему не научила тебя. От Дана ты тоже уходил, задрав нос. – Он выбирал самые больные места. – Кому помогает твое донкихотство? Ты всем только мешаешь и портишь.

Он лупил его без пощады, издевался, высмеивал.

– Не расстраивайтесь, не надо, – услышал Крылов голос Симочки. Он вздрогнул от этой неожиданной нежности, поднял глаза и увидел, что она гладит руку Тулина.

– Вот видишь? – сказала Ада. – Ты меня не слушался. Куда ж ты теперь?

Белая матовая кожа делала ее лицо мраморно-холодным, как у статуй в Эрмитаже. Куда ж он теперь? Не все ли равно, какое это имеет значение, почему ее интересуют такие пустяки? Он подумал, что завтра можно не ехать в институт. И удивился. И послезавтра тоже, и флюксометры так и будут стоять демонтированные.

– Вот что, ты должен помириться с Голицыным, – сказал Тулин тоном, не допускающим возражений.

– Ради интересов дела, – подхватил Возницын. – Зачем осложнять себе жизнь?

– Нет, – сказал Крылов. – Не могу.

– Отрекись от меня, обругай перед Голицыным, разрешаю, – сказал Тулин. – Агатов – подлец, и нечего нам строить из себя...

– Голицын вас обожает, – сказал Возницын. – Какие в наше время конфликты? Мы все делаем одно дело. – На него было приятно смотреть, так легко у него все разрешалось.

Крылов тоже попробовал улыбнуться.

– Нет, не могу.

– Ну и скотина ты! – сказал Тулин. – Какой же ты друг после этого?

Крылов виновато улыбался. Он и не пробовал защищаться, он покорно принимал удары Тулина, но всякий раз как ванька-встанька поднимался – с виноватой улыбкой, словно извиняясь за то, что Тулину приходится снова бить его, и это еще более ожесточало Тулина, хотя в глубине души он отдавал должное стойкости Крылова. Тут никто не мог оценить это мужество, которое всячески прятало себя. И прежде в глубине крыловского характера был налит свинец, но теперь Тулин чувствовал, что свинца этого прибавилось.

– Чего ты достигнешь своим уходом? – сказал Тулин. – Эгоист. Ты открываешь дорогу подонкам вроде Агатова. Господи, как ты подвел меня!

«А если и в самом деле это свинство, – подумал Крылов, – и по отношению к Тулину, и к Бочкареву, и ко всем ребятам? Чего проще, вернуться к Голицыну, старик обрадуется, ну, оба погорячились, и всем будет хорошо, и оказывается, Тулину тоже будет хорошо».

– Нет, – сказал он, – нет, я не упрямлюсь. Как же мне идти к Голицыну, если я не согласен с ним и ты, Олег, с ним не согласен? От тебя отказаться? Но тут не только ты, тут мне и от самого себя надо отказаться. Раз у меня есть убеждения, я должен отстаивать их, а если я не сумел, то уж тогда лучше уйти, чем в сделку вступать. Мне ведь уйти тоже нелегко, у меня своя работа, там самый разгар... – Он вспомнил о Песецком, об уравнении, о заказанном радиоспектрометре, о том, ради чего он перешел к Голицыну и к чему приступил, потому что наконец-то приблизилась наиболее важная часть его работы, над которой он бился два года. – Но я уйду, иначе нельзя, ведь только через себя мы можем для всех... – Он запутался; впрочем, теперь ему уже было безразлично.

Наступило молчание, длинное, тягостное. Он сконфуженно улыбнулся, никто не ответил на его улыбку.

Принесли мороженое.

Возницын рассказывал о тайфуне на Каспии. Ада возмущалась, почему о таких вещах не пишут в газетах. Возницын объяснял, что не стоит волновать народ.

Крылов послушно ел мороженое. Он терпеть не мог мороженого. Зачем он здесь? Зачем ему это мороженое и эта болтовня? Он чувствовал, как тяготит всех своей мрачностью, у него всегда получалось излишне серьезно и слишком надолго. Он думал о том, что никогда ни в чем не мог отказать Тулину, а тут отказал, хотя виноват перед ним, и неизвестно, чем это кончится. И никак не мог понять, почему ж нет в нем раскаяния, а есть лишь стыд оттого, что портит настроение людям, которых любит.

Над улицами пылали неоны реклам с просьбой есть мороженое Главхладпрома, и хранить свои деньги в сберкассе, и вызывать пожарных.

– Почему бы тебе не вернуться в Ленинград, на наш завод? – спросила Ада.

«Действительно, почему бы? – подумал он. – Или определиться к Петруше, или вернуться к Аникееву».

– Сережа, – сказала Ада, и он приготовился выслушать проект его будущей упорядоченной жизни. Но вместо этого она сказала: – Ты поступил в высшей степени прилично. Не обращай на них внимания.

Он так ждал этих слов, и вот теперь, когда они были произнесены, оказалось, что это совсем не то, что ему было надо.

– Спасибо, – сказал он.

– Когда-нибудь ты поймешь, что никто к тебе не относился так, как я.

«Я это уже понял, ну и что ж из того?» – подумал он.

– Я много раз рисковала собой потому, что всегда говорила тебе правду. А для неправды есть другие. Или будут. Я не собираюсь сидеть и ждать тебя, как Сольвейг, хотя бы потому, что тебе это будет неприятно... Ты еще сам не знаешь, что тебе надо.

Она всегда умела сделать его более благородным, чем он был. Все же сейчас она, наверное, довольна, что с ним приключилось такое, по крайней мере, она могла жалеть его. Почему бы ему не жениться на ней? Она очень красивая, она любит его и никогда не позволит ему совершать необдуманные поступки. Вернуться на завод. Вернуться к Голицыну. Вернуться к ней... До чего ж много, оказывается, существует путей к благоразумию.

– Спасибо, – сказал он по возможности признательней. Глупее, чем это спасибо, ничего нельзя было придумать. Ему стало жаль Аду. Почему ему приходится огорчать тех, кто его любит? Их так немного, и всегда он причиняет им одни неприятности.

Он осторожно поцеловал ее в щеку, стараясь не испортить прически и не помять бело-снежный воротничок.

– Хочешь, я женюсь на тебе?

Как сразу все станет просто и хорошо! По утрам она заставит его делать зарядку. Сколько раз он начинал делать зарядку и бросал. Ада заставит его обтираться холодной водой и регулярно учить немецкий язык. С ней он в совершенстве выучит немецкий.

– Хочешь?

– За что ты меня так не любишь? – сказала она. – Тебе сейчас очень плохо, но все равно так нельзя. Это нехорошо.

Сейчас ему казалось: согласись она, и он не раздумывая бы женился на ней. Ему было жаль ее, и он женился бы и жил с ней. Хоть одному человеку была бы от него радость.

Тулин и Возницын ждали их на углу.

– Идея! – издали закричал Тулин. – Есть идея! Падай мне в ноги, так и быть, помилую! Я! Беру! Тебя! Зачисляю! К! Себе! В! Группу! Вот! Поехали, ты, карасик. Раз уж навязался на мою голову, черт с тобой, присоединяю. О женщины, мы таких дел с ним натворим!

Вдохновенными мазками набрасывал он картину будущих работ и тех работ, которые откроются после будущих работ, когда его группа превратится в Институт атмосферного электричества, а затем в Академию активных воздействий.

Он выжимал облака, как выжимают мокрое белье. Дожди лились туда, куда он приказывал, обильные, плодоносные дожди орошали пустыни, он обращался с облаками как с водопроводным краном. Неурожаи, засухи исчезали из памяти человечества. Он размахивал пучками молний. О молнии, о грозы! Таинственный сгусток энергии, перед которой отступает мощь атомных двигателей. Да, к вашему сведению, одна гроза расходует энергию водородной бомбы. А сколько их, гроз, громыхает ежедневно над земным шаром, ежечасно, каждую минуту миллионы лет! О люди, зачем вы пробиваетесь с таким трудом в глубины ядра, когда вот она проблескивает над вашими головами, громыхает на расстоянии каких-нибудь двух километров, эта необузданная сила! А мы ухватим ее, мы будем пробивать молниями горы, варить камни... Мы... мы...

Ах, почему у них не было магнитофона! Эту речь следовало передать через все радиостанции мира, отпечатать, высечь на гранитных плитах, разучивать в школах. Она была произнесена в полночь у булочной на углу Волхонки.

Крылов тоже восторгался, но, вместо того чтобы облобызать Тулина и ответить, промычал что-то невнятное, все убедились, что он свинья.

– Ты хвастун, Олег, – сказала Ада. – Хвастун и фантазер. Мы на заводе вентиляцию наладить не можем. А ты морочишь Сергея своими сказками: ему надо на завод вернуться, там он конкретно может. У тебя все нереально...

Они заспорили. Симочка защищала Тулина – он все может, если он захочет, он сможет сделать все, что говорил.

Перед Манежем, у пустой эстрады, несколько парочек танцевали под музыку карманного приемника.

Крылов, узнав Ричарда и с ним дипломантку Женю Кузьменко, свернул к ним. Приемник лежал в пиджаке у Ричарда, и, когда они кружились, музыка то нарастала, то слабела.

– А вот там Тулин, – сказал Крылов. Ричард закивал, сбился. Женя спросила:

– Кто такой Тулин?

– Величайший человек нашего времени, – сказал Ричард. – Пойдем, я тебя познакомлю.

– Еще один гений? Надоело, – сказала Женя, не поворачивая головы. – Ты будешь танцевать?

И они закружились снова.

От улицы Горького свернули в проулки, где между светло-желтыми громадами новых домов уцелели деревянные особнячки, огороженные палисадником, за которым на грядках торчал салат, висели гамаки, а днем летали бабочки и шмели.

– Да, я все могу, – говорил Тулин. – Хотите, Адочка, я вам открою секрет, как стать человеком, который все может, то есть всемогущим? Это совершенно просто. Для этого надо стать сильнее себя. Пересилить свои слабости. Тот, кто сильнее себя, тот сильнее остальных людей и, значит, обстоятельств. Вы хотите сделать Сергея слабым, а я наоборот...

– Ну конечно, своим оруженосцем...

Каждый из них заботился о Крылове, хотел помочь ему, они простили ему то, что он натворил, и они недоумевали и досадовали, почему это его почти не трогает.

Крылов полагал, что Тулин вернется утром, но тот приехал почти следом за ним.

– Добродетель заела, – пояснил он. – Меня никто не встречал и провожать некому. Таков удел идущих впереди. Они всегда одиноки и непонятны. Ими можно восхищаться, но их трудно любить. – И уже без наигрыша задумчиво спросил: – Мораль? А что это такое? Инстинкт самосохранения? Воспитание? Смелость? Что мешает тебе вернуться к Голицыну?

Наверное, эта лыжная девица. Почему ты выбрал ее? Мы дурачье, выбирать себе жену бессмысленно, так же как родителей. Наука превратила нас в рационалистов. Почему я не дал морду Петруше? Почему я цацкаюсь с тобой? Если бы я мог обрести полную власть над собой, я получил бы власть над всеми.

– Зачем тебе она? – спросил Крылов.

– О! Будь уверен, я бы устроил мир разумно. Во-первых, заставил бы тебя поехать со мной. Нет, надо быть сильнее и беспощадней. Начнем с того, что на полу будешь спать ты.

Через два дня Тулин уехал, так и не добившись от него определенного ответа.

Существовало нечто, что Крылов должен был выяснить раз навсегда. Оформив расчет, он отправился в Театральный проезд, остановился у витрины железнодорожной кассы. По расписанию нужный ему поезд уходил в девятнадцать часов. Крылов посмотрел на часы: в его распоряжении оставалось сорок минут. Он сел в такси и, не заезжая домой, как был, поехал на вокзал.

Глава десятая

Тут все дома были одинаковыми, квартал за кварталом одинаково красивых новеньких домов с цветными балконами. Он провожал Наташу до самого дома всего однажды, и то зимой, вечером. Они постояли у парадного, и неожиданно Наташа пригласила зайти к ним выпить чаю. Она так и сказала – зайдите к нам, она познакомит с мужем, покажет сына. Будто не замечая его недоумения, она настойчиво тянула за рукав.

– Вы что это, серьезно? – спросил он.

Она наивно округлила глаза – что тут особенного, муж очень любит гостей.

– А что еще любит ваш муж?

Ее притворство разозлило Крылова: неужели она считает, что он способен сидеть за столом с ее мужем, болтать, смотреть ему в глаза, и она будет тут же. Если бы даже такое произошло, то ведь после этого между ним и Наташей все кончится. Зачем это ей, для чего? Но скажи он такое, она немедленно бы спросила – что именно кончится? И ему нечего было бы ответить.

Возвращаясь домой, он вдруг понял, зачем ей это было нужно. Чтобы он зашел и чтобы все превратилось в обыкновенное знакомство. Это была последняя ее возможность устоять, последнее усилие.

А сейчас, летом, улица выглядела неузнаваемо. Газоны лежали, полные до краев жирной травы. На липком асфальте лениво бродили сытые голуби. И только в витринах громоздились те же пыльные коробки кофе.

Непонятно, как он почувствовал, что именно этот дом – ее дом, что заставило его с такой уверенностью свернуть под высокую арку? В списке жильцов прочел: «Романов А. В. – кв. 11». Память старалась изо всех сил, единственный спутник в этом путешествии в прошлое.

Он присел на скамейку дворового садика, лицом к парадному. Плавись стекла, слепые от солнца. В распахнутых окнах бились занавески. Одно из окон принадлежало ей, каждую минуту она могла выглянуть и увидеть его. А может случиться и так, что откроется парадное и она выйдет оттуда, жмурясь от солнца, держа за руку сына. Она не заметит Крылова, и он пойдет за ней по улице, и так они будут идти долго, и перед ним на расстоянии трех шагов будут покачиваться ее волосы, шея, плечи.

Мальши играли со щенком. Они нахлобучили на него бумажную шляпу. Щенок вырвался, подбежал к ногам Крылова, тявкнул и помчался дальше. Женщины на соседних скамейках посмотрели на Крылова и зашептались. Он вынул записную книжку. Там были разные записи, перечитывать их было неловко: благие намерения, которые так и не выполнены, глубокомысленные замечания, которые никогда не могут пригодиться.

«Плазма – шаровая молния El. World № 14».

«Интересно проверить, как проходит гипноз, если гипнотизера оградить сильным полем».

«Прочсть о тающем льде у Санина».

До чего ж быстро человек обрастает невыполненными замыслами и тащит, тащит их за собой всю жизнь.

«У человека нет электрического органа, а есть мышцы, поэтому он старается все сводить к механике. Электрический скат, вероятно, поступал бы иначе».

Любопытно, как поступил бы скат на его месте? Вряд ли он стал бы сейчас сидеть здесь и читать записную книжку.

Солнце припекало затылок. Он откинулся на спинку скамейки и принялся разглядывать окна. Вдруг он сообразил, что сегодня воскресенье; он помнил об этом и раньше, но только сейчас ему пришло в голову, что раз сегодня воскресенье, то она могла уехать за город. А может быть, у нее отпуск и она на даче? Он вскочил и вошел в парадное. Одиннадцатая квартира оказалась на последнем этаже. Крылов нажал кнопку. В глубине квартиры прозвенело. Ему захотелось убежать или подняться на чердачную площадку и посмотреть оттуда: кто откроет дверь? Он оглянулся: по лестнице неторопливо поднимались две старушки.

– Внучку не разрешают нянчить, – сказала одна из них. – Деньги, а на что мне их деньги.

За дверью послышались шлепающие чужие шаги. Надо спросить, не живет ли здесь... Какую-нибудь фамилию. Он лихорадочно пытался придумать какую-нибудь фамилию, любую фамилию, и не мог.

Дверь открылась. Перед ним стоял высокий мужчина, растрепанный, в пижаме, босой. Припухшие глаза его ничего не отражали, там было мутно, как в запотевшем стекле.

– Раньше времени явились. Ну да ладно, – сказал он.

– Простите, мне нужно... – начал было Крылов, но мужчина перебил его:

– Я, я самый и есть Алексей Романов, да проходите же вы. – Он сердито втащил Крылова, захлопнул дверь. – И ради бога, помолчите, голова трещит, все одно ничего не слышу. Сперва посмотрите, потом будете высказываться.

По коридору, мимо прикрытых дверей, он привел Крылова в большую комнату с застекленным фонарем, на полу стояли подрамники, множество холстов лицом к стене, валялись окурки, воздух был спертый, на кушетке лежала грязная подушка, измазанный красками столик уставлен бутылками, и на тарелке коричневые пирожки.

– Садитесь спиной к свету, – сказал Романов. – Алкоголю хотите? Ну и шут с вами.

Он взял ближайшую картину и поставил ее на мольберт. Крылов прислушался: в квартире было тихо. Ситуация, подумал он. А, будь что будет!

– Отсвечивает? – спросил Романов. – Подвиньтесь. Еще. Вот сюда.

Он подождал, снял картину и поставил следующую.

– Отдерните занавеску! Мало. Да шевелитесь же вы. – Он покрикивал, почти не глядя на Крылова, и взгляд его оставался тусклым и безразличным, и движения, которыми он снимал и ставил картины, были машинальны.

Крылов послушно отодвигался, наклонял голову и все время думал: а что, если Наташа в соседней комнате, за стеной?

– Ну как? – спросил Романов.

– Очень интересно, – громко сказал Крылов. – А что это за станок?

– Да не орите вы. При чем тут станок. Ну, строгальный. Устраивает? Важно было показать глыбу металла, покорную человеку. Контраст холодной стали с человеческой рукой.

Пока он, снисходительно морщась, объяснял картину, Крылов искал следы Наташи, хотя бы малейший признак ее присутствия, что-нибудь связанное с ней.

– Подходит? – нетерпеливо спросил Романов. – Эту я отложу. Вы вообще смыслите что-нибудь в живописи?

Крылов заставил себя взглядеться, он задавал какие-то вопросы, кивал, поддакивал.

Закопченный белозубый машинист стоял у паровоза. Паровоз был нарисован здорово, совсем как настоящий. Машинист тоже был красивым и могучим.

«Гидростроители». По плотине шли строители, все молодые и белозубые, и нечеловечески железобетонные.

Двери в коридор полуотворены, и ни звука не слышно.

Красиво освещенные сталевары – опять могучие, улыбчивые, и опять не люди, а тупые роботы, – сколько таких бездушных картин видел он – в гостиницах и домах отдыха, в фойе кино.

– Невероятно, – говорил Крылов. – Неужели вы сами все это придумали?

– Ну и послал мне Бог... – говорил Романов. – Это ж с натуры. И плотина с натуры.

– ...Важно установить равновесие между формой и цветом, – зевая, говорил Романов. – Вот как здесь, оптимистическое соотношение...

– Совершенно правильно, – говорил Крылов, – каждая форма имеет свой цвет, каждый цвет имеет свою форму.

Какое-то подобие усмешки оживило лицо Романова.

– Бесподобно. Если бы чужие глупости могли бы делать нас умнее, я беседовал бы с вами каждый день.

Его картины нельзя было назвать раскрашенной фотографией. Это были картины-«верняк», холодные, скучные и в то же время неуязвимо отработанные.

Крылов ждал. Чего терять, когда нечего терять. А вообще-то ситуация – не придумаешь. Важно протянуть время. Не может быть, чтобы она не слыхала его голоса.

Романов прислонил к мольберту большое полотно, изображающее часть огромного цеха. Над разметочной плитой склонилось несколько человек, рассматривая чертежи. В центре группы стоял осанистый патриарх, солнце красиво серебрило его длинные седые волосы, прикрытые черной ермолкой. Серые массы металла, фермы мостового крана, косые снопы солнца, театрально пронизывающие дымный воздух. Каждая фигура исполняла свою роль: один улыбался, другой спорил, третий напряженно думал. Все было правильно, но было непонятно, для кого это все нарисовано, зачем потрачено столько времени и красок. Это была одна из тех картин, которые хвалят за тему, но никто не испытывает ни волнения, ни удовольствия, ни открытия. Лучше уж плакат, там хоть ясно, к чему он призывает. Крылов вспомнил, как однажды на завод к ним приехал фотограф из «Смены». Он долго расставлял вокруг станка членов бригады, придумывал каждому позу, поправлял воротнички, а потом попросил: «Пожалуйста, разговаривайте, держитесь свободно, но только ни в коем случае не двигайтесь».

И здесь этим ребятам приказано не двигаться, думал Крылов. Хорошо бы разобрать эту картину по косточкам, высмеять Романова, но ему было некогда, внутри у него все было обращено в слух и ожидание. Каждую минуту могла отвориться дверь и войти Наташа. Хоть бы где-нибудь хлопнула дверь.

– Плохо, что я не специалист, – сказал Крылов.

– Оно заметно. Впрочем, профан – это тоже любопытно. Не мешает послушать. Понятно вам, например, кто такие эти люди?

– О да! – сказал Крылов. – Вот, очевидно, мастер. У него из кармана торчит штангенциркуль.

– Правильно, – чуть насмешливо поощрил Романов. Крылов внимательно посмотрел на него.

– Чудная деталь, находка, – продолжал он, наблюдая за Романовым. – А посередине, наверное, академик. Все академики носят ермолки. Может быть, конечно, он член-корреспондент, но слишком много седины у него для члена-корреспондента.

– Разобрались. Картина выражена в жизнеутверждающей серебристой гамме. Запомнили? – Романов усмехнулся мрачно и лениво, и Крылов вдруг подумал, что Романов считает его за идиота.

– Мне кажется, что все это уже было.

– То есть?

– Такое впечатление, будто вы все время подлаживаетесь под нужную тему.

– Ваши впечатления оставьте при себе. Тема! Сюжет! Так нельзя подходить к живописи. Кстати, подобный сюжет – бригада содружества в цеху – никто еще не воплощал на большом полотне. Мало ли что было, сколько было снятий с креста, все равно классики продолжали писать. Божья Матерь с Младенцем... Есть сотни шедевров. Ну и что из этого?.. – Романов не защищался, а поучал лениво и небрежно. – Все дело, мой дорогой, в том, как написано.

– Вот именно! Тут спекулировать... нехорошо. Романов, словно просыпаясь, медленно поднял брови, синеватые обводки под его глазами походили на грим.

– Что вы хотите сказать?

– Неужели не понимаете? – слегка краснея, спросил Крылов.

Вместо торжества он испытывал обиду. Ничто не вызывало у него такой злости, как работа, сделанная зря.

Ему стало стыдно за Романова, за эти никому не нужные, халтурные картины, которые могут еще долго лежать здесь без всякого ущерба для людей. Вот он, Крылов, ушел из института, но его исследование продолжает Песецкий; не будет Песецкого – все равно кто-то третий кончит их работу, потому что она необходима людям. Он мысленно благодарил свою специальность. Ставя опыт, он никогда не думал, понравятся ли результаты опыта Голицыну или нет, его интересовала истина, а не мнение. Мнение подчинялось истине.

– А все же? – спросил Романов.

– У вас раскрашенная схема, – неохотно сказал Крылов. – безликие автоматы.

– Ух ты, какая пруть! Значит, у вас есть свое мнение? Айда герой!

– Оставьте ваш тон. Я не знаю, за кого вы меня принимаете...

– За невежду! – спокойно прервал его Романов. – За кого ж еще? Ну как вы можете судить о живописи? Что вы понимаете в светотени, в фактуре мазка, в ритме цветов... – Он почесал ногу. Если он и защищал свои картины, то не потому, что считал их хорошими, а потому, что никто, кроме него самого, не мог судить их. – Умников развелось. Но меня достаточно знают. Полюбуйтесь в «Красном знамени», как написано про это «Содружество». А как Голощекин расценил «Гидростроителей». – Он швырнул Крылову пачки газет, журналов, альбомы с подклеенными рецензиями, каталоги выставок. – Вот репродукции, вот еще. Значит, хорош я был! Всех устраивал! А что изменилось? Что я, хуже стал писать?

Чего вам всем от меня надо? – Какое-то накопленное раздражение прорвалось в нем. – То не так, это не так. Никто толком ничего указать не может.

«Ишь ты, привык, – удивился про себя Крылов, – это можно, это нельзя».

Он хотел сказать об этом Романову, но позабыл, вдруг увидев среди вороха бумаг несколько старых рисунков и акварелей. Как будто они были сделаны другим художником – ни на кого не похожим, дерзко беззаботным, – костры у реки, беспризорники слушают чекиста, буденновцы с пашками, красногвардейцы на ночных улицах, длинноногие мальчишки, бегущие к самолету.

– Это баловство, молодость. – Романов отобрал рисунки сердито, но голос его дрогнул.

Ага, значит, что-то было, подумал Крылов. На что-то он был способен. А затем торопливость – еще слава, деньги... Нет, раз слаб – значит, не талант. Талант – это всегда сила. Бьют, расшибешься, а все равно идешь, и ползешь, и делаешь свое дело.

В черной щели приоткрытой двери что-то блеснуло.

– Послушайте, – сказал Крылов, – там кто-то ходит. Романов вздрогнул. Они прислушались.

– Глупости, – сказал Романов. – Там никого нет. Это кошка.

– Кошка? Да, конечно, мне показалось. – Крылов поднялся. – Простите, я пойду.

– Э-э, нет, как же так, мы не договорили. Вы что ж, отказываетесь приобретать?.. На это, допустим, я чихать хотел, но вы объяснитесь. Мне любопытно, – деланая усмешка дергала его запекшиеся губы, – по-вашему, я кто – халтурщик? Модернист? Раскрашенный чертеж – как понимать? Ругань? Ругань не доказательство. Нагадили – и бежать. Ай-яй-яй, не интеллигентно.

– Вы пишете портреты людей, которых вы не любите, – сказал Крылов. – У вас нет к ним чувства, поэтому и у меня не возникает к ним чувства. Вы маскируетесь под искренность. Но сейчас труднее спрятаться. Сейчас любая фальшь проступает как никогда раньше. Для вас эти рабочие – не люди. Модная тема. Расчет, арифметика...

Романов слушал его, полузакрыв глаза, чуть отвернув голову.

– Да, расчет! Я пишу для народа. Вот именно – для народа, – оживленно повторил Романов. – Народу попроще нужно.

Эта фраза взбесила Крылова.

– Что такое народ? Я кто, по-вашему? Я что, не народ? Снисходите до народа?

– Ну ладно, не орите, – нетерпеливо оборвал его Романов. – Вы продолжайте. Чего вы требуете от картины?

– Картина – это... – Крылов запнулся. – Это как открытие, изобретение, там же нельзя повторять! Черт с ней, с гаммой. Было у вас, чтобы вы как для себя... Вы можете сейчас вот так? – И он показал на отложенные рисунки.

Романов словно очнулся. Лицо его болезненно исказилось.

– Но это же глупость! – закричал он. – Для себя. Смешно слушать. – Он театрально воздел руки. – Кому нужны мои переживания? Сколько они стоят? Вы как живете, жалованье получаете? Вот вы и чирикаете. А у меня семья. То есть... Черт с ней. Не в этом дело. На кой шут мне рисковать? Писать для себя? Нет, мне некогда дурака валять. Я работаю для потребителя.

Его словно прорвало. Он схватил Крылова за плечи и говорил, говорил, дыша в лицо винным перегаром. Мутные, словно запотевшие глаза смотрели невидящим взглядом. Вдруг он отошел, помолчав, неуверенно спросил:

– Значит, считаете, что я больше не способен? Пожалуйста, можете начистоту. Надо хоть раз... Поскольку уж мне попался такой правдолюбец. Не бойтесь, не пожалуюсь. Черт с ним, с вашим Дворцом культуры.

– При чем тут Дворец культуры, – с досадой сказал Крылов. Пора было кончать эту затянувшуюся дурацкую историю. – Я не из Дворца культуры.

– Да, действительно, ни при чем. Нет, погодите. Сперва выпьем.

Романов подбежал к столику, ловко разлил коньяк по стаканам.

– Коньяк отличный. А закуски нет. Разве пирожки вчерашние. Впал в полное ничтожество по случаю семейных конфликтов. Небось слышали?

Он стоял спиной к Крылову. Под голубой пижамой в синюю блестящую полоску ходили округлые лопатки. И вся спина была большой, круглой, блестящей.

– Как? Нет, не слышал.

В нем все замерло в ожидании. Романов обернулся, протянул стакан. Крылов выпил, быстро, жадно, как воду. Он мог сейчас пить сколько угодно.

– Нет, ничего не слышал, – повторил он. Если бы он умел быть хитрым и осторожным!

Романов, прищурясь, рассматривал коньяк на свет.

– «Алкоголь» – по-арабски «порошок». По-нашему – от слова «алкать». Все сходится. – Он выпил, вытер рот, заходил по комнате.

– Вы про меня хлестко... Такое редко. Но, к вашему сведению, я сам куда крепче могу, я ведь все понимаю. Вот в чем ужас. – Он говорил невнятно, занятый какой-то своей мыслью. – Когда-нибудь, когда-нибудь... И так всю жизнь. Вроде не с кем бороться. Иногда только... Вы как меня представляете? Способен я или нет? – Он спросил вдруг ясно, в упор. Правда, тут же попробовал иронически хмыкнуть, но сорвался и замер.

– Вы сами виноваты, – с неожиданным для себя сочувствием сказал Крылов. – Бывает, что человек боится, ничего не сделав, чувствует себя побежденным не потому, что рисковал, а потому, что отказался от риска. Вы попробуйте.

Романов, шлепая босыми ногами, забегал по комнате.

– Откуда вы знаете? Может, я уже пробовал. Никто ничего не знает. Самые близкие люди живут на космических расстояниях. Хотите, я вам покажу?

– Что?

– Так, ерунда, для себя.

От его равнодушия, ленивой неуязвимости не осталось и следа. Боком он пробрался в угол к мольберту, завешенному серой тряпкой.

– Вот она, тут, – пробормотал он и, умоляюще посмотрев на Крылова, снял тряпку.

Крылов шагнул вперед. Потом он отступил и, пятась назад, искал стул. Не найдя его, остановился.

Из грубо отмалеванной синью глубины на него смотрела Наташа. Огромные глаза ее с недоумением глядели на Крылова, не понимая, зачем он здесь. Он ясно видел, что она думает о нем. Знакомый серый свитер был голубым, но все равно он был серым, и темные губы... Одной рукой она крепко сжимала плечи мальчика, приткнувшегося к ее коленям. Рука была неестественно длинной и глаза невероятно велики – он не сразу заметил нарушенные пропорции.

И тотчас раздался настороженный голос Романова:

– Как вы сказали?

Крылов с трудом повернулся к нему. И вдруг впервые Наташа совместилась с этим рослым, красивым мужчиной, хозяином этой квартиры. Они живут здесь вместе. Она моет эти тарелки. Блестящая в полоску пижама. Мягкие курчавые волосы. И волосы на груди. И рыжеватая щетина вокруг слабых губ. Но если он мог написать ее так, значит, он любит ее.

Крылов отвернулся, но Романов, как нарочно, заглядывал в лицо.

– Неужели так действует? Ну, что вы теперь... Могу я? А я сам знаю, что могу. Но ведь могу, верно?

Он забегал по мастерской, то он принимался хвастаться, то путался и заискивающе, почти любовно, трогал Крылова за руку.

Было противно и стыдно. Надо было уйти. Но он не в силах был двинуться. Он понятия не имел, хорошая это картина или плохая. Наверное, хорошая, хотя низ не дописан и рисунок внизу беспомощный, какая-то каша... Он почувствовал, как Романов нетерпеливо тербит его.

Ему хотелось выгнать его, остаться одному, что-то обдумать. Свиделись! Не надо было ехать сюда. Вся затея от начала до конца была бессмысленной.

– Да, это она, – глухо и твердо сказал Крылов. – Теперь я понимаю...

Романов благодарно стиснул его руку.

– Я вам первому показал. А как фон? Хорош? Неумолимый цвет. – Он бормотал как одержимый. – А лоб? Одним махом. Весь смак в этом сочетании. Рука, какая у нее рука. В глаза я еще дам красным. А рука не смущает? Только бы кончить. Я еще задумал. Я много задумал...

Тонкие грязные пальцы его бегали по холсту, трогали живот, ноги Наташи. Объясняя, что и как будет дописано, он схватил кисть, тюбик с краской.

– Не трогайте, – сказал Крылов.

Романов посмотрел на него, как глухой, кисть выпала, он растопырил пальцы и уставился на них.

– Дрожат, – тихо сказал он. – Уже неделю не могу работать. Дрожат. И не в состоянии...

– Вам не надо пить. Романов покачал головой:

– Не из-за этого. Боюсь. А вдруг обругают? Обвинят. Я сам хуже всякой критики. Привык. Все заранее прикидывал – кто что может сказать. Вероятно, и не скажут, а я все равно боюсь. Боюсь – это от слова «страх». Главное – уравновесить, привести в ажур. И сейчас хочу уравновесить – нет, не получается, знаю. Думаете, я не вижу, что уже порчу? Когда она ушла от меня, я с горя как начал этот портрет по памяти, без оглядки, словно прорвало, а потом опомнился, и вот сколько...

– Она ушла? Как ушла?

– Ушла. Сына взяла. И вот сколько я... – Романов остановился, подозрительно вглядываясь в Крылова, как будто кто-то стер мутную пленку с его глаз. Щеки его медленно втягивались, из стиснутого в руке тюбика выдавливалась краска. Веселый ярко-желтый червячок выползал, удлинялся и, покачавшись, смачно шлепнулся на пол.

– Так это вы? Крылов кивнул.

Словно защищаясь, Романов швырнул в Крылова тюбик, не попал, схватил табурет, Крылов не шевельнулся. Романов повертел табурет, зажмурился и бросил. Табурет больно ударил Крылова в коленку.

Затем Романов сел на кушетку, стиснул виски, закачался взад-вперед. Все это напомнило дурную пьесу. «Интересно, как они выкарабкаются из этой пошлятины, – подумал Крылов. – Ситуация! А черт с ним, лишь бы узнать, где Наташа».

– Вот и познакомились, – сказал Крылов. Романов поднял голову.

– Простите. Нервы и прочее. – Он повертел пустую бутылку. – Я думал, вы из Дворца культуры. Очень смешно.

– Я вам говорил, – сказал Крылов, – вы не слушали. Романов передернулся.

– А-а-а, так даже интереснее. Значит, вот вы какой. – Ухмыляясь, он оглядел Крылова. – И что это она в вас нашла? Физиономия у вас примитивная. Ситчик в горошек. Неудивительно, что я вас за администратора... Ситуация.

Так неожиданно было, что Романов произнес то же самое слово, что Крылов чуть не рассмеялся. Это слово чем-то объединило их.

– Вы чего приехали? Раздел имущества? – Романов изо всех сил иронизировал.

– Куда она уехала?

– Вы не знаете? Великолепно! – Романов развалился на кушетке, забросил ногу на ногу. – Я вас приветствую. Значит, у нее кто-то третий. Брошенный муж – жалкое зрелище, не правда ли? Я из-за нее работать не могу. От вас никогда не уходила женщина? Отвратительная штука. – Он старался изобразить циника и не мог. – Но я работать не могу, а без работы я пропал. Стерва. Вышибла подпору, – застонал, раскачиваясь из стороны в сторону. – Что мне делать, Крылов, посоветуйте. Видите, мне несколько не стыдно. Вы ведь умный. Семья разрушена. С вас все началось. Вы ей наговорили, натрясли свою труху ученую. Знали, что она замужем, что у нее сын, неужто не стыдно? Подлость – так это называется. Подлец вы!

«Чего ж стыдного – любить стыдно?» – подумал Крылов. От ругательств становилось тоскливо. Почему они должны ненавидеть друг друга? – спрашивал себя Крылов. Два человека

разговаривали, спорили о картинах, потом узнали, что любят одну и ту же женщину, и с этой минуты должны стать врагами! Обязаны. Сами себя заставляют. Как будто вражда поможет кому-нибудь из них.

– ...Она вернется, вернется, – иступленно твердил Романов. – Не останется она с вами. Разве мы плохо жили? Квартира новая. Помогите мне, для вас это что – эпизод...

Эпизод... Боже ты мой, как точно он попал, ведь тогда казалось, что это всего лишь эпизод. Почему бы не поухаживать. Все было так красиво, сплошная лирика. Но в глубине души он не верил своим чувствам, не верил ни себе, ни ей.

– ...Ну согласен, вы любите, – испуганно поправился Романов, – но для меня тут вся жизнь. Работать не могу без нее. На улицу не хочу выходить. На солнце смотреть противно. Все противно. – Он закрыл лицо руками и заплакал.

Крылов отошел к окну.

«И я не могу без нее, и он не может без нее. Хороший художник или плохой – при чем тут это? Ему, пожалуй, хуже, у меня хоть есть работа».

Нога болела, Крылов незаметно ощупал колено, присел на стул. Романов торопливо утерся рукавом, подбежал к нему:

– Поезжайте к ней, уговорите ее вернуться. А? Она вас послушает. Любые ее условия приму. Помогите, миленький, вы один можете помочь.

Крылов отвернулся.

– Глупо, что я вас прошу? Я сам знаю, глупо и мерзко. Но мне все равно. Я сейчас на все согласен.

– Хорошо, – сказал Крылов, – давайте ее адрес.

– Сейчас, сейчас, – заторопился Романов. – Вы обещаете? Честное слово? Хотите, я вам подарю любую картину. Просто так, на память. Вы не обижайтесь, не в уплату...

Он поспешно натягивал носки, искал туфли, предлагал поехать куда-то обедать, посмотреть город.

– Ах да, я забыл, – вдруг воскликнул он, – вам же мои картины не нравятся. Значит, это перед вами я откровенничал? Боже мой, срам-то какой, в одном исподнем. Ну, теперь-то я могу вас спросить. Уловил я в ней характер? – Не глядя, он засовывал ногу в туфлю и все никак не мог попасть. – А может, и хорошо, что вы пришли. Я убедился. Важно, что я могу...

– Мне некогда, – сказал Крылов. – Дайте ее адрес, я пойду.

– Как хотите, как скажете, – послушно согласился Романов. – Раз она не у вас... Странно, странно. – Он пошлякнул кончик шнурка и задумался. – Женщина не уходит в пустоту, женщина уходит от одного к другому. Наташа – та, конечно... Вероятно, она поехала... – Он снова остановился, уставился на Крылова. – Как вы смотрите на нее! Ведь вы приехали сюда... – Он отшвырнул ботинок. – Ох, какой я болван! Вы приехали увезти ее! И я, дурак, хотел довериться вам! Нет, дудки! – торжествуя, он потер руки.

Крылов вышел в коридор. Блеснули плоские зеленые огни кошки. Он попробовал открыть дверь, никак не мог нащупать крючок. Романов стоял сзади, и Крылов чувствовал его дыхание.

На площадке Романов вдруг крепко ухватил его за пиджак, губы его прыгали, весь он кривлялся.

– Продать портрет? Уступлю по дешевке. За пол-литра, без запроса. Как отдать! Свадебный подарок.

Никогда позже Крылов не мог понять, откуда взялись у него силы, он был куда слабее Романова, но в эту минуту он так сдавил кисти его рук, что пальцы Романова побелели и разжались.

Ноги у Крылова дрожали, он спускался по лестнице, держась за перила. Он заставил себя пройти двор и улицу и только на площади остановился, прислоняясь к газетному киоску.

Глава одиннадцатая

Автобусы шли на Озерную переполненные. Крылов сошел на кольце и долго стоял неподвижно. В руке он держал коробку с тортом, который купил для Антоновых. Коробка помялась, и на картонной стенке расплылось жирное кофейное пятно.

Пышные купы акаций заслонили антоновский домик. Сперва показался железный петух на коньке крыши. Когда-то, приехав сюда еще молодым парнем, Антонов смастерил этого петуха, и с тех пор петух вертелся, храбро выпятив ржавую грудь, словно командуя всеми ветрами.

Затем показался сарай. Зимой на розовом шифере крыши лежал блин снега. Мартовское солнце съедало его, и Крылов из окна наблюдал, как снег на сарае съезживается. Шутки ради он исследовал зависимость скорости таяния от загрязнения снега. Недавно, к его удивлению, этой работой заинтересовались агрофизики.

В стороне, на зеленой поляне, чисто и радостно светились белые будки метеостанции. Антонов улыбнется, прикрыв ладошкой щербатые зубы, жена его заахает, примется накрывать на стол.

Он тихо отворил калитку. Во дворе незнакомая девушка снимала с веревки белье.

– Антоновы? – переспросила она. – Они давно здесь не живут.

– Давно?..

– Месяца четыре, наверное. – Для нее это было давно.

– Где они?

– Где-то возле Бийска. Там, кажется, родные его жены. Адрес они оставили. Вы им родственник?

– Я тут работал зимой. Моя фамилия Крылов. – Он смотрел на нее с неясной надеждой.

– Меня звать Валерия. – Она кокетливо блеснула металлическими зубами. – Меня сюда из Москвы направили. Конечно, после Москвы здесь провинция.

Окно было раскрыто. На месте кушетки стоял канцелярский письменный стол с машинкой, накрытой футляром. Стены голубели новенькими обоями. Не было плюшевого желтого кресла. Наташа любила сидеть в нем, поджав ноги. Не было круглого зеркала в дубовой раме. Из кухни доносился детский смех. Никто не знал о тех, чья жизнь прошла здесь. Никто о них не вспоминал, никому не было до них дела. Дом не хранил воспоминаний. С предательским радушием он служил новым жильцам.

– А кроме адреса, Антоновы ничего не оставляли? – спросил он.

Валерия недоуменно уставилась на него. Он дошел до калитки, потом вернулся, протянул девушке коробку с тортом.

– Возьмите, пожалуйста. Вы любите сладкое?

Голые руки ее растерянно прижали к груди охапку белья. Большеносое лицо в клубке черных жестких волос стало мучительно некрасивым, она быстро коснулась его руки.

– Но ведь вы... Хотите чаю?

– Что вы, – сказал Крылов. – Не беспокойтесь. Это трюфельный торт. Вам понравится.

Между березовой рощей и лесом когда-то была поляна. Там они лепили снежную бабу и по лыжне спускались в низину к санной дороге.

Он с трудом разыскал эту поляну. Высокий шиповник горел алыми цветами. Тени птиц неслись по траве.

Ветер плескал отблесками листвы. В новом зелено-солнечном мире казалась невероятной снежная тишина и узкая лыжня между белыми сугробами.

Чудак, он думал, что время существует только для него, а оно существовало и для Антоновых, и для этого леса, и для Наташи. Ему казалось, что он найдет неизменным все, что оставил, как в сказке о спящем королевстве.

Пересвистывались птицы. Шурша, осыпалась сухая хвоя. Крылов вслушивался, и было страшно, как будто он различал воровские убегающие шаги Времени.

Никакие теории относительности, и системы координат, и понятия дискретного времени, и новейшие физические гипотезы не могли помочь ему, все оказывалось бессильным перед этим простейшим временем, отсчитываемым ходиками, листками календаря, закатами, – неумолимым, первобытным временем.

Он вышел к озеру. Песчаные отмели шумели, ворочали сотнями человеческих тел. Со стуком взлетали мячи. Там, где у дымной полыни когда-то чернела фигура Наташи, скользили лакированные байдарки и мокрые весла вспыхивали на солнце. Из воды в крутых масках высовывались марсианские морды ныряльщиков.

Холодное и ясное отчаяние охватило Крылова. Наконец-то он понял, что никогда, никогда не удастся вернуться в ту зиму. Никакая машина времени не властна над прошлым. Перенестись в будущее – пожалуйста, но ему не нужно было будущего, он искал прошлое.

– Товарищ Крылов! – Из воды, рассыпая брызги, бежала Валерия. – Товарищ Крылов! – Она остановилась перед ним. Ее плечи блестели от воды. Крылов молчал. Валерия подошла к нему вплотную. – Хорошо, что я вас увидела. – Она пристально, без улыбки смотрела ему в глаза. – Вы тут один? Пойдемте, я вас познакомлю с нашими.

Она потянула его за рукав. Под жидкой тенью полосатого тента Крылов уселся на песок рядом с толстым мужчиной и загорелой блондинкой, игравшими в карты.

Крылов снял пиджак, лег на горячий песок. Блондинка повернулась к нему, заслонив озеро.

– Будете в дурака? – спросил толстый.

– Идиоту в дурака нет смысла, – сказал Крылов.

– Это что, намек? Намек-наскок?

– Нет, – усмехнулся Крылов. – Признание.

– Перестаньте хвастаться, – сказала блондинка. – Знаете анекдот про еврея на пляже?

Валерия беспокойно посмотрела на Крылова и стала одеваться.

– Вы еще застали здесь Антоновых? – спросил Крылов.

– Они уже собирались уезжать, – сказала Валерия.

– А вы не знаете, приходила к ним такая Романова? – Он с трудом произнес ее фамилию.

– Наташа? – оживилась блондинка. – Да.

– Так она тоже уехала.

– С ними?

– Что вы, ее увез один научный работник, он тут жил зимой. У них такой роман был!

– Роман-шарман, наверное, сама к нему уехала, – сказал толстяк.

– Ничего подобного, – горячо сказала блондинка, – мне рассказывали, как все было. Он приехал за ней на машине, подстерег возле ее дома, когда она с ребенком шла, посадил и увез, она домой даже не зашла.

– Так не бывает. – сказал толстяк. – Небось расчет она оформила. В наше время без отдела кадров не похитишь. Всякие бумажки-шмажки.

– Он приехал на черной «Волге», – сказала Валерия.

– У них был сумасшедший роман, – сказала блондинка. – Он хоть и ученый, а поступил как настоящий мужчина.

– Чего ж он зимой сразу не увез ее? – недоверчиво спросил толстяк.

«Почему я сразу не увез ее? – подумал Крылов. – Как же это так? Сел в поезд и уехал. О чем же ты тогда думал? Да ни о чем. Совсем ни о чем. Про свои паршивые графики ты думал.

Про то, что потом когда-нибудь ты приедешь. И этого ничего ты не думал. Как же это могло быть? Сел в поезд, а она осталась...»

– Они проверяли свои чувства, – сказала блондинка.

Но ведь он же писал ей. Почему она не отвечала, ни разу не ответила? А последнее письмо вернулось невостребованным.

– Вы ее знали? – спросила Валерия.

– Я понятия не имел... То есть, конечно, я знал.

– Что ж она, такая красивая?

Они с интересом посмотрели на него.

– А может, и не очень, – поправился он. – Я ничего не знаю.

– Господи, какое у вас лицо, – сказала блондинка. Она шлепнула Валерию по спине. – А твой тебя не собирается увезти? У нее тоже принц объявился. Торт преподнес.

– Угощай, – сказал толстяк. – При такой жаре скиснут твои тортики-шмортики.

Валерия засмеялась и виновато посмотрела на Крылова.

– Мне пора, – сказал он. Поднялся. Отряхнул брюки. Попрощался.

Валерия догнала его.

– Простите меня, – сказала она.

Мокрые волосы облепили ее маленькую голову. Толстяк и блондинка издали смотрели на них.

Крылов взял руку Валерии и неловко поцеловал.

Пляж кончился. Потянулись пустынные берега рыбацкого поселка. На полях сушились сети. Лежали перевернутые баркасы. Пахло смолой и рыбьей гнилью. Крылов по привычке свернул на тропку вверх, мимо коптильни, мимо амбаров, к синему домику буфета.

Он знал, что ему не следует заходить в буфет, он даже обогнул его, но потом вернулся и, постояв минуту, толкнул синюю фанерную дверь.

Столик у окна был свободен. Он сел на свое место так, чтобы видеть озеро. «Подзаправимся?» – спросил он. Наташа не ответила. Он смотрел на стул, пытаясь представить, как она сидит перед ним, потирая холодные щеки. Стул был пуст. Она обманула его. Он ехал к ней, а она обманула его.

...Они вернулись с обхода. Наташа стащила мокрые ботинки, достала из чемоданчика тапочки, выложила на стол несколько мандаринов.

– Это еще зачем? – строго спросил он.

Она вспыхнула, придвинула мандарины к себе, и ему стало стыдно.

Они сверяли записи, сводили в таблицы, это было на третий день их работы, и Крылова удивило, как быстро она уловила смысл измерений и действовала, уже ни о чем не спрашивая.

– У вас отличные способности, – сказал он.

Она посмотрела на него недоверчиво, почти испуганно. Но на завтра, закончив вычисления, она вдруг рассмеялась.

– Выходит, я сама могу, – сказала она изумленно.

По утрам, приехав из города, она бывала какой-то сжатой, замкнутой и только к середине дня словно оттаивала. Особенно в лесу, когда они шли на лыжах, она оживлялась. Она ходила на лыжах девчонкой и с тех пор ни разу.

– А с мужем почему не ходите? – как-то спросил Крылов. Она смутилась и сказала, что муж слишком занят.

Она вообще избегала говорить о муже и о себе, только однажды, когда на озере она провалилась в прорубь и он притащил ее к Антоновым, и растирал, и напоил водкой, она, лежа под одеялом, словно сквозь сон, спросила:

– Какой я вам кажусь?

Потом он понял, что значит этот вопрос. В семье она была старшей и с детства нянчилась с маленькими, и хотелось поскорее освободиться, стать самостоятельной. Вышла замуж, появился ребенок, и опять было не до себя. А в техникуме ее считали способной. Муж ее был довольно известный художник, и рядом с ним ее надежды выглядели мелкими, смешными. Она старалась помогать и не мешать. Она научилась быть незаметной. Это она умела в совершенстве. Иногда она даже не могла представить, а какой же она видится со стороны окружающим. Ей казалось, что она куда-то пропала, ее нет, кто-то вместо нее ходит, говорит, а ее самой не существует.

Она была высокая, с движениями медленными, почти ленивыми, и волосы у нее были тоже ленивые, гладкие, но Крылову она казалась маленькой, и он чувствовал себя с ней старшим, это было непривычно и нравилось. И, как с детьми, с ней надо было быть осторожным, чуть что – испуганно пряталась, застывала в молчании. Она была как эти мартовские хрупкие дни с пугливым солнцем.

Ровно в шесть она сложила таблицы, надела ботинки, собираясь на автобус.

– Можно, я оставлю тапочки, чтобы не таскать?

– Пожалуйста, – сказал Крылов.

Поздно вечером, укладываясь спать, он увидел в углу эти тапочки – маленькие спортивки хранили форму ее ноги. И кажется, тогда впервые ему захотелось, чтобы скорее наступило утро и он снова увидел бы ее.

Крылов заказал винегрет, сосиски и пиво, покосился на буфетчицу. Вероятно, она не узнала его. Волосы ее были уже не желтые, а темно-рыжие.

Все придумано. Легенда о том, как ее увезли, и то, что он сам навообразал себе. В сущности, если разобраться, то, наверное, вообще ничего не было, а если и было, то давно кончилось. Никогда не следует возвращаться туда, где был счастливым.

Имея даже четверку по диамату, следовало бы усвоить, что нельзя дважды войти в один и тот же поток.

Он смотрел на песчаный берег, где лежали смоляные туши перевернутых лодок, и ничто не трогало его, все оставалось безразлично чужим. Винегрет был невкусным, сосиски холодные, удивительно, почему он так боялся зайти в буфет.

Старый дымно-серый кот с черной метинкой на лбу вежливо потерся о ногу. Крылов взял с тарелки соленый огурец.

– Когда-то ты ел огурцы, – сказал он. – Но, может быть, и этого не было.

Кот понюхал и деликатно куснул огурец. Буфетчица засмеялась.

– Вы к нам опять работать? – спросила она.

– Нет, проездом.

– Пашка, стервец, ведь узнал вас. Ишь как ластится. Она открыла бутылку, поставила на стол. Кот поднял хвост, мяукнул.

– Это его Наташа приспособила огурцы жрать, – сказала буфетчица.

«А вдруг все это было? – подумал Крылов. – Почему она ушла от мужа?»

– Ну как вы живете-можете? – спросила буфетчица.

– Замечательно, – сказал Крылов. – Чудесно живу.

– А она не приехала? Чего ж вы ее с собой не взяли? Ну, я понимаю, ей сюда сейчас неохота. Она небось от счастья все позабыла. Шутка ли, как она тут маялась без вас. Она вам рассказывала?

– Нет, – сказал Крылов. – Ничего не говорила.

– И мне тоже. Придет, посидит, Пашку погладит. За соседним столиком потребовали колбасы.

– Сейчас, – сказала буфетчица, – мне не разорваться. Он сидел, слушал, как лопаются пузырьки в стакане с пивом.

Буфетчица вернулась.

– Вы еще зайдете?

– Нет, – сказал он, – сегодня уеду.

– Привет ей передавайте.

– Я далеко уезжаю, – вдруг сказал он и удивился, услышав от себя решение. – В экспедицию.

– Что это вроде вы невеселый какой?

– Да нет. Пиво у вас отличное. Я был рад вас повидать. – Он нагнулся, потрепал кота. – Ну, будь здоров, Пашка.

Он допил пиво и рассчитался.

– Спасибо вам, до свидания.

– Приезжайте вместе зимой, – нерешительно сказала буфетчица.

– Может быть. Может быть.

Ему еще хотелось выпить пива. Всю дорогу он ощущал сухость во рту.

Через все небо размахнулся белый пушистый след реактивного самолета. Крылов шел и смотрел на тающий росчерк.

Обратно он ехал на электричке. Стоял в тамбуре, белый бурун в синем небе давно растаял, но Крылову казалось, что он все еще видит его.

Если она спустя несколько месяцев решила на такое, значит, она действительно любила, с самого начала она любила его. Он вспомнил свои письма, и сейчас они показались ему отвратительными. Пустые, холодные, обо всем, о чем угодно, и ни о чем, потому что там не было единственного – он не звал ее. Ну конечно, он считал, что в любую минуту может приехать. А когда последнее письмо вернулось неостребованным, тогда вот началось. Тогда он стал наконец думать. Тогда целыми днями сквозь все он думал и вспоминал. Видел автобус и думал о ней. Пил воду и думал о ней. И не то чтобы думал, а просто представлял ее губы и твердил ее имя.

Московский поезд уходил вечером, тот же поезд, с той же платформы. Крылов зашел в вагон и стал у окна. Провожающие. Отъезжающие. Чемоданы. У каждого вагона прощаются.

Поезд тронулся легким толчком, без гудка. Давно уже нет гудков, поезда трогаются незаметно, только легкий толчок. И вдруг к нему отчетливо вернулся тот миг – соскочить, побежать к ней, остаться, плюнув на все и на всех; ему казалось, что тогда он хотел это сделать. Он знал, что надо соскочить, и продолжал стоять.

Редели прореженные сумерками огни. Их становилось все меньше и меньше. Почему-то вспомнилось детство, лагерь, как вечером строились на линейку. Спуск флага. И горн. Он вспомнил кисловатый металлический вкус мундштука...

Он прошел в свое купе, достал из кармана «Огонек» и стал читать рассказ. Прочитав, он начал сначала, шепча каждое слово, как читают полуграмотные.

Часть вторая

Под конец третьего курса Сергея Крылова исключили из института. Приказ гласил: «За систематический пропуск лекций».

Дирекция вначале сформулировала жестче: «За недостойное поведение», позже благодаря Олегу Тулину формулировку смягчили.

На лекции по оптике Крылов разглядывал потолок. Он ничего не записывал, он смотрел на потолок, где отражалась солнечная зыбь листвы. Преподаватель прервал лекцию и спросил, не мешает ли он Крылову. Крылов встал и сказал, что не мешает. Аудитория смеялась. Лекция была скучная, и пятьдесят человек охотно смеялись. Будь доцент постарше, он смеялся бы со всеми, но доцент, стукнув ладонью по кафедре, покраснел и сказал, что если Крылову известен материал, то вряд ли ему стоит сидеть на лекции.

Крылов отнесся к его словам с полной серьезностью, он подумал и сказал, что лекция его действительно не интересует, поскольку весь материал точно так же изложен в учебнике, проще прочесть учебник и сдать по нему экзамен.

Доцент сказал: «Ну что ж, попробуйте».

Крылов перестал посещать лекции и начал ходить к математикам, слушать курс теории вероятностей. Его несколько раз предупреждали, но он недоуменно округлял свои голубые глаза – почему так нельзя? Его наивность походила на насмешку и могла взбесить кого угодно. Через месяц его исключили.

Олег Тулин, в то время секретарь комсомольской организации факультета, уговорил Крылова пойти к декану просить, обещать, он готов был пойти вместе с ним. Крылов отказался. К факту исключения он отнесся равнодушно. Ему было лишь неудобно перед Тулиным.

Трудно теперь, после стольких лет, разобраться, как возникла их дружба. Со стороны Крылова это началось с поклонения таланту Тулина, а у Тулина – как потребность опекать, помогать и, может быть, служить объектом поклонения. А кроме того, ни у одного из них не было братьев.

На втором курсе они вместе делали лабораторные работы по электрическому разряду.

– Давай поставим электроды под углом, – предложил Тулин.

Им было скучно выполнять то же самое, что делали на соседних столах, и то, что делали здесь из года в год поколения второкурсников. Они поставили электроды под углом, кроме того, они обмакнули их в чернила. Результаты получились странные, не сходящиеся с формулой. Преподаватель сказал, что, очевидно, для таких условий формула неверна. Он не видел в этом ничего особенного, но Крылов и Тулин были потрясены. Впервые они столкнулись с тем, что формула, напечатанная в книге, может быть неточной.

По вечерам они оставались в лаборатории, и Тулин придумывал самые фантастические условия разряда. Они погружали разрядники в снег, в молоко, в водяные пары, пока наконец это не кончилось взрывом, от которого Крылову рассадило подбородок.

Из лаборатории их выгнали, и они решили посвятить свою жизнь науке. Им нравилось сокрушать авторитеты. Кроме того, они убедились, что наука находится в зачаточном состоянии. Такая элементарная вещь, как кибернетика, лишь зарождалась, электроэнергию еще получали, сжигая уголь, и даже энцефалограммы мозга не умели расшифровывать.

Профессор Чистяков отобрал несколько студентов для научной работы на кафедре. Тулин попал в число счастливицев, а Крылов не попал. Он потребовал, чтобы ему объяснили почему, и напросился... Ему так и сказали: малоспособный, не тянешь, и все тут. Его «почему» раздражало самых терпеливых преподавателей. В конце концов он сам начал придумывать ответы на свои «почему», и постепенно он вошел во вкус, было приятно создавать собственные теории, критиковать авторитеты, подвергать сомнению все, что попадалось на глаза,

разрушать и строить заново по-своему. Тут сказывалось и природное упрямство, и недоверчивость к мнению старших; в быту он оставался доверчивым простачком, но учиться становилось все труднее, потому что нужно было проверять самые очевидные истины.

Никто из великих людей в юности не подозревал о своем будущем, но тем не менее великие люди, а также их окружающие умудрялись сохранять множество документов для биографов.

Никаких документов об институтской жизни Крылова не сохранилось, поскольку всем было ясно, что великого человека из него никогда не получится. Даже для биографов Тулина от этого периода мало что осталось.

Крылов и Тулин не переписывались, если не считать записок на лекции вроде: «Посмотри налево – потеха» или «Займи мне место в столовке». Не вели дневников. Не имели дел с издателями, кредиторами, журналистами. Из зачетных ведомостей можно установить, что на первом курсе Крылов получал весьма посредственные отметки по всем предметам. Ничто его не интересовало. В протоколе комсомольского собрания записано: отличник Тулин прикрепляется к Крылову для индивидуальной помощи. Очевидно, Тулину долго пришлось раскачивать подшефного, потому что только в третьем семестре Крылов получил первые четверки.

Вспоминая впоследствии свои студенческие годы, Тулин и Крылов сошлись на том, что историкам действительно придется туго. Современный быт с телефонами и телеграммами не оставляет письменных следов внутренней жизни человека. Поэтому вместо объективных данных придется пользоваться пристрастными оценками. Так, например, известно, что Тулин назвал Крылова экстра-идиотом и свиньей, когда тот отказался попросить извинения у доцента. «Человек, который не может пожертвовать личным во имя большой идеи, ничего не добьется в жизни». – сказал Тулин. В общей сложности он затратил на Крылова больше тридцати вечеров и имел право обижаться.

Больше всего его раздражало неожиданное упрямство Крылова, всегда покладистого, уступчивого.

Из-под Новгорода приехал отец Крылова и рассудил быстро и жестоко: не хочешь учиться – ступай работать и обеспечить сестренку, они поедут учиться в Новгород. На том и порешили.

Старшая сестра Тулина работала инженером на заводе, и она устроила Крылова контролером ОТК. Крылов хотел поблагодарить Тулина, но тот повернулся к нему спиной.

– Я с тобой даже разговаривать не желаю, – сказал он срывающимся голосом.

Крылов переселился в заводское общежитие. Первые дни его сосед по койке Витя Долинин, маленький, похожий на краба, стаскивал с Крылова одеяло и кричал: «Интеллихенция, подъем!» Потом Крылов сам привык вставать ровно в шесть тридцать. Он не стремился ни с кем сойтись, ни к кому не подлаживался, и, наверное, поэтому ребята с ним легко сдружились.

Физическая работа его утомляла. За восемь часов редко удавалось присесть: надо было бегать из конца в конец цеха, обмерять станины, поверхности, носить приборы, ворочать шестерни. К вечеру он уставал, ноги гудели. Зато голова была свободна. Наконец он мог заниматься чем хотел. Он обдумывал сразу несколько проблем: какова природа сил тяготения, что такое бесконечность, верен ли закон сохранения энергии. Кроме того, он собирался создать общую теорию единого поля, которую не удалось создать Эйнштейну, и вскрыть противоречия квантовой механики. Это был период, когда его занимали исключительно коренные вопросы мироздания.

Читая про биотоки, он пришел к выводу, что возможности человеческого мозга безграничны. Раз так, то следовало добиться автономного мышления – работать, а в это время думать о другом. Он получил два выговора, начет, один раз его чуть не придавило краном: он учился производить нужные замеры механически, обдумывая очередную мировую проблему.

Времени не хватало. Жаль было трех лет, потраченных в институте на такие предметы, как сопромат, химия и прочие бесполезности. Однако благодаря институту он убедился в необ-

ходимости какой-то системы и в слабости своего математического аппарата. Большинство проблем, над которыми человечество билось десятки лет, он довольно легко разрешил; правда, оставалось их оформить математически и привести в научно убедительный вид.

Он купил четырехтомный курс высшей математики и шеститомный курс физики. Примерно через полгода он обнаружил, что в его решениях есть некоторые неувязки, а еще через несколько месяцев безобразные, жалкие факты полностью уничтожили прекрасные гипотезы.

Шли последние дни квартала, сборщики гнали аппаратуру на сдачу, и вдруг Крылов забраковал всю серию штанг.

Ни на какие уговоры он не поддавался. Пришлось на ночь вызывать слесарей, и Крылову предложили тоже остаться на ночь принимать штанги по мере их доводки. Он отказался. Мастер устроил ему разнос перед лицом бригады слесарей, пришел начальник ОТК и тоже принялся стыдить его – борьба за план, героические усилия коллектива, честь завода, подвиги комсомольцев.

Крылов внимательно слушал их, потом попросил объяснить, почему обязательно надо сдать контакторы к тридцатому числу, а с первого числа слоняться, точить байки, в чем смысл этой формальности и какой зарез государству получить контакторы на двадцать часов раньше, чтобы при этом измучить людей и платить сверхурочные, а потом оплачивать простои.

Витя Долинин поддержал его, начался скандал, Крылова вызвали в комитет комсомола, но и там он упрямо требовал, чтобы ему доказали, какую прибыль получит государство от такой штурмовщины.

Решено было привлечь Крылова к общественной работе и навести порядок в мозгах этого мыслителя. Ему поручили провести беседу о почетном заказе новостроек – электроаппаратуры для экскаваторов.

Беседа получилась увлекательная. Крылов, добросовестно изучив описание экскаваторов, доказал слушателям, что коэффициент полезного действия этих экскаваторов ничтожен: переноса каких-нибудь десять тонн породы, экскаватор переносит при этом двадцать тонн своего веса, ничего почетного в таком заказе нет, экскаваторы устарели, их надо снимать с производства и делать машины непрерывного действия.

На заседании бюро он, простодушно округлив глаза, говорил:

– По-моему, совершенно правильные расчеты.

Двое из членов бюро стали на его сторону, и трудно сказать, чем бы все это кончилось, не случись тут другой истории.

Завод переживал неприятности с приводами новой серии специальных контакторов. При испытании чугунные каретки разбивались. Каретка скользила по дуговым направляющим, и поломка происходила, когда скорость достигала рабочей.

Проходя по цеху, Крылов наскочил на главного конструктора Гатеняна, чуть не проткнув его большим разметочным циркулем. Главный конструктор отвел душу: в течение двух минут он дал исчерпывающую характеристику Крылову и его родителям, и мастеру цеха, который ссылался на то, что Крылов лунатик и вообще малость тронутый.

Затем Гатенян отобрал у Крылова циркуль и вместе со своими конструкторами начал что-то измерять на приводе. Крылов очнулся. Он увидел расстроенные лица вокруг привода с разбитой кареткой, новые контакторы, что выстраивались на сборочном участке, ожидая своей участи.

Некоторое время он слушал догадки конструкторов и вдруг вмешался и попросил запустить следующий образец. Мастер зашипел на него, приказал убираться. Крылов повернулся и пошел, возвращаясь в неэвклидово пространство.

Однако Гатенян остановил его и спросил, какие такие соображения имеются у этого лунатика. Ничего толком Крылов не мог объяснить, ему хотелось посмотреть, на каком участке дуги бьется каретка.

Главный конструктор прослушал этот довод, произнесенный задумчивым тоном, совершенно серьезно. Ни годы, ни должности не научили его тому, что диплом может заменить голову. К удивлению инженеров, он приказал установить новую каретку, приготовить пресс к запуску, не забыв, правда, упомянуть, что каждая каретка стоит две тысячи.

Тогда Крылов отказался от нового испытания. «Так даже интереснее», – сказал он и, отобрав циркуль, ушел проверять штанги.

Смена кончилась – он появился в конструкторском бюро, заглянул в кабинет, там шло совещание. Главный пригласил его зайти, он пробрался к столу и спросил, что представляет дуга, по которой движется каретка. Круг? Он обрадовался: тогда все логично, каретка должна ломаться, поскольку имеется разрыв производной. Гатенян навел тишину, заставил Крылова повторить сызнова. В сопряжении дуги с направляющей происходил удар, и, следовательно...

Мастера, проектировщики недоверчиво поглядывали на клочок бумаги с нацарапанными значками без цифр и рисунков. Здесь привыкли иметь дело с коэффициентами, чертежами, номограммами – отвлеченные уравнения их не убеждали.

Его спросили: каков вывод? Что делать? Крылов пожал плечами: до сих пор его занимала лишь причина поломки – как, почему, а не что надо делать. Он присел к столу и задумался. Щелкнул тот внутренний разъединитель, которым он научился отключаться от происходящего вокруг. Затем он снова соединил контакты, увидел напряженно ожидающий взгляд Гатеняна и сообщил, что следует заменить окружность параболой.

Гатенян взял его в бюро. Первую половину дня приходилось делать всякие проектные расчеты, решать задачки, после обеда он читал физику. Подобно лакомке, он отбирал самое вкусное, не задумываясь – зачем, нужно ли это. Он читал книги по физике как романы, наслаждаясь неожиданным поворотом мысли. Сидящий рядом с ним пожилой конструктор вздрагивал от раскатов внезапного смеха. «Послушайте, – оправдываясь, говорил Крылов и читал ему, сияя от восторга: – Экстремальное значение импульса не зависит от места образования ионов, хотя форма кривой импульса от этого и зависит».

То были прекраснейшие дни его жизни. Случай с каретками воодушевил его. Оказывалось, все эти отвлеченные формулы, соприкасаясь со станками, с железом, высекали искру, способную взорвать все вверх тормашками. Его физика, его математика фактически хозяйствовали на заводе. Полтора года бездействовал ультразвуковой дефектоскоп по проверке отливок. Крылов занялся ультразвуком и наладил установку. Гатенян дал ему полную свободу. «Выбирай, что тебе интересно. Броди и думай, – говорил он. – Будь думающей штатной единицей».

Однажды директор завода, проходя с какой-то комиссией, застал Крылова в конторке ОТК сидящим на столе. Окунув стеклянную трубку в чашку, Крылов старательно выдувал мыльный пузырь. Был разгар рабочего дня. Переливаясь радужным блеском, пузыри плыли по цеху, поднимались к застекленной крыше. Директор возмутился. Но еще больше его взбесило, что Крылов вытаращил на него глаза – ведь это крайне важно разобраться, каким образом пузырь отрывается от трубки. И вообще, известно ли директору, почему лопаются мыльные пузыри? Надо отдать должное директору, он был куда умнее того институтского доцента: он знал, что выигрывает не тот, кто отвечает на вопросы, а тот, кто задает их. Он спросил, известно ли Крылову, как погиб Архимед?

Ситуация и впрямь напоминала встречу Архимеда с римским воином. Члены комиссии многозначительно улыбнулись, а Крылов попросил у директора денег для киносъемок лопающегося пузыря.

На следующий день директор учинил главному конструктору разнос: почему лопаются мыльные пузыри – трудно придумать удачнее тему для министерских зубоскалов. Отныне на всех совещаниях нам будут поминать эти пузыри.

Гатенян пробовал доказать, что ничего особенного не произошло. Пусть парень ходит, думает, возится, никогда не известно, что из этого может получиться. Пока что он уже окупил себя на несколько лет вперед. Грех сажать его за доску. На такой большой коллектив не мешает иметь одного думающего. Это тот тип людей, которых незачем заставлять работать, они не работают, только когда спят, нужно лишь не мешать им.

Ответная речь директора была значительно короче.

Гатенян вернулся мрачный, вызвал Крылова, предложил ему получать с утра задания, отправляться в библиотеку и не смей болтаться по заводу. Все свободное время сидеть и готовиться к экзаменам за университетский курс экстерном.

Экзамены казались Крылову докучной помехой, он уступил главному только потому, что хотел сделать ему что-либо приятное. Работу с мыльными пузырями он все же закончил и послал ее в журнал технической физики. Через полгода ее напечатали, и выяснилось, что она представляет некоторый интерес для теории пограничных явлений.

Гатенян принес оттиск статьи директору и сказал: «Большую реку нельзя мерить палкой». Директор повез оттиск в главк, положил на стол начальнику – «и короли ошибаются».

Перелистав оттиск, начальник главка пожал плечами и сказал: «Подумаешь», но на ближайшем совещании рекомендовал поощрять научные интересы производственников. Пример с мыльным пузырем выглядел у него красиво, даже несколько самокритично и, главное, удобно, поскольку никаких практических выводов не требовал.

На заводе пошли разговоры о Крылове, начальники цехов здоровались с ним за руку. Нравилось, что живет он по-прежнему в общежитии, получает в месяц восемьсот рублей, из них триста посылает сестрам в Новгород. Он отвечал на общее внимание рассеянно, без интереса, и это возбуждало любопытство. То, что раньше проходило незамеченным, сейчас бросалось в глаза, и поскольку Крылов вызвал благожелательность, то сочувственно отметили и его вельветовые брюки, и свитер, и плащ, в которых он ходил по морозу, обходясь без зимнего пальто. Было в этом некоторое неосознанное щегольство – вот, мол, я какой, потому что меня интересуют совсем другие вещи.

И это тоже нравилось. В общежитии его уже не считали «лунатиком» или «блажным», его с гордостью окрестили «главным теоретиком».

Завод имел много главных – главный технолог, главный механик, главный энергетик, – но то были должности официальные, утвержденные. Главные технологи были на всех заводах, главный же теоретик только на Октябрьском. Он становился достопримечательностью завода, такой же, как Порошин – участник штурма Зимнего дворца, Глухов – мастер спорта, альпинист. На каком еще заводе рабочий парень печатает статьи в журнале Академии наук!

Его полюбили, как любят расточительных, не приспособленных к жизни добряков. Любили, заботились и без пощады эксплуатировали: бегали со всего завода с просьбой подсчитать, решить задачку, проконсультировать.

Долинин водил его на танцевальные вечера, таскал за город; он послушно, под необидный смех плюхался с вышки в воду, плыл по-собачьи и смеялся сам, и все понимали, что он может позволить себе не уметь плавать, неуклюже танцевать, ибо не этим определяются его способности.

Так продолжалось до тех пор, пока за Крылова не взялась Ада.

За два с половиной года ему осточертели бесконечные экзамены и зачеты, и занятия по ночам, и лабораторные работы, половину из которых он считал абсолютно ненужными. На кой шут ему сдался диплом, у него уже не хватало ни сил, ни терпения, и перед самым финалом он, наверное, бросил бы все, если б не Ада. Она неопровержимо доказала, что без диплома его ожидает жалкое будущее и вообще он будет безвольной тряпкой, если отступит. На что он тратит свой талант – решать контрольные всяким лентяям! А им не совестно эксплуатировать

его простодушие? Без особых разговоров, вежливо и холодно она сумела отвадить слишком частых клиентов Крылова.

Ада считалась в КБ энергичным, серьезным инженером. Кроме того, бесспорно, была первой красавицей завода. Она была настолько красива, что никто не пытался за ней ухаживать. Рядом с ней любой мужчина чувствовал себя недостойным. В КБ были уверены, что у Ады полно блестящих поклонников, соперничать с которыми безнадежно. Из самолюбия она делала вид, что так оно и есть, и держалась еще надменней.

Крылову и в голову не могло прийти, что он может понравиться ей. Он относился к Аде как к старшей сестре или тетке, хотя она была одних лет с ним. Властная, обладающая непрекаемой логикой, она умела подчинять себе людей. Крылов сам не заметил, как стал виновато докладывать ей о каждом шаге.

Прежде всего она убедила его, что он талантлив, не знает себе цены и преступно разбазаривает свои способности. Чего ради он занимается электрическим пробоем? Бесперспективно.

С того дня, как он нацепил университетский значок, жизнь его на ближайшие пять лет – а ему казалось, на сотню лет – была Адой точно распланирована, и ему оставалось лишь двигаться согласно расписанию от одной станции к другой.

К тому времени Крылов и Тулин помирились, и Олег неожиданно поддержал Аду.

– При чем тут пробой, – говорил он Крылову. – Какая фигура! А волосы! Даная! Ты просто счастливчик.

Позже Тулин изменил свое мнение, но тогда его восторги льстили Крылову, было приятно идти под руку с такой красавицей, и чувствовать завистливые взгляды мужчин, и видеть, что она ни на кого не обращает внимания. Втайне он тяготился опекой Ады. В ее присутствии ему приходилось ходить на цыпочках, тянуться изо всех сил. Она не спускала ему ни малейшей оплошности. Она неустанно «приобщала» его, водила на выставки, в музеи, на концерты. Аккуратнее всего, захваченные общим тогда интересом, они посещали политкружки, где азартно обсуждали роль личности, последствия культа. А потом, в коридоре, еще долго спорили, как же это все могло произойти. На завод один за другим возвращались реабилитированные, то, что они рассказывали, было страшно и непонятно. Все чаще без опаски, с уважением произносились имена людей, которых Крылов с детства привык считать врагами народа. Тулин вдруг рассказал, как его отца в тридцать седьмом году исключили из партии и выслали, у Гатеняна брата осудили как шпиона четырех государств; выяснились затаенные обиды, трагедии, хранимые во многих семьях. Каждое такое открытие было болезненным, но вместе с тем росло чувство общего очищения. Пытались угадать, а что будет дальше, убеждали друг друга, что со старым покончено навсегда, строили планы, выдвигали проекты всевозможных реформ. Каждое новое постановление они встречали с энтузиазмом. «Я так и знал, я как раз об этом думал», – заявлял Тулин; Крылов недоумевал: «Сколького мы не замечали». Кое-кто из пожилых осторожничал. Но над ними смеялись – дудки, этот процесс необратим; спорили с Адой – она не видела особого смысла в разоблачении прошлого. Зачем? Зачем столько разочарований? Кому это помогает, только растревает людям души. Крылов в одном был уверен твердо: правда никогда не может повредить. Правда всегда за нас. И ничто не заменяет правду.

Обсуждался семилетний план завода, дискутировали, сравнивали выгоды гидростанций и тепловых станций. Гатенян припомнил дискуссию о языкознании – миллионы людей на всех предприятиях вынуждены были месяцами изучать проблемы лингвистики, в то время когда в колхозах творилось черт знает что, захлебом стояли очереди. Крылов со стыдом вспоминал, как он сам, тогда уже вроде бы сознательный парень, находил какую-то высшую мудрость в этой статье Сталина. Началась модернизация оборудования.

Ада заставила Крылова заняться прибором для определения чистоты обработки.

Прибор будет называться прибором Крылова. О приборе должны появиться статьи. Ученый на производстве – вот в чем ценность и смысл его работы.

В соответствии с этим должно строиться и поведение Крылова, и внешний облик.

Заготовка, разогретая честолюбивыми проектами, послушно носилась через валки прокатного стана, постепенно принимая нужную форму.

Ада заботливо соскребла остатки окалины, придирчиво осмотрела свое произведение, осталась довольна, и Крылов отправился в завком с заявлением насчет комнаты.

На нем ловко сидел темно-серый костюм, узкий галстук, вывязанный крохотным узлом. Все свои разработки Крылов оформил, направил в бюро изобретений, получил премию и записался в плавательный бассейн.

Его словно прорвало. Пелена упала, он увидел жизнь в заманчивом разнообразии. Каждый вечер в двадцати театрах раздвигался бархат занавесов. На экранах появились новые картины, заграничные и наши. Шли литературные диспуты. Молодые художники устроили выставку. Девчата из соседнего общежития приглашали послушать кубинские пластинки.

Оказывается, воскресенье был выходным днем, существовал яхт-клуб на Островах и сами Острова с белыми ночами, Стрелкой, карнавалами, и ситцевый в черно-желтых квадратах сарафан очень шел Аде.

– Если ты захочешь, ты сможешь стать начальником техотдела, – говорила она, – начальником центральной лаборатории, заместителем главного конструктора. Не ради карьеры – ради интересов дела производство надо ставить на научную основу.

«Прекрасна, как античная статуя, – думал Крылов, – но разве можно обнимать статую?»

Они поехали в Петергоф. Когда пароходик вышел в залив, погода переменилась, заморозило. Крылов накинул на Аду пиджак. Скользящая палуба накренилась, Крылов крепко обхватил Аду за талию.

– Пойдем вниз, – предложил он. Она помотала головой.

Горизонт поднимался и падал, и море вставало серой лохматой стеной. Они были на палубе одни. Ада посмотрела на Крылова. Он виновато убрал руку, Ада слегка покраснела, и он окончательно смутился. Брызги достигали их.

Крылов не понимал, почему Ада молчит, и чувствовал себя все более виноватым.

– Тебе надо сесть за теорию регулирования. – Голос ее дрогнул. – Это основа автоматизации производства. Я тебя очень прошу. Ладно?

Она накрыла мокрой ладонью его руку.

– Обязательно, конечно, – обрадованно сказал он.

– Ты, ты... – она запнулась, – ты читал Винера? Это поразительно. Правда, он несколько преувеличивает значение кибернетики, но это поразительно.

«О господи, все-то она знает! – подумал Крылов. – А я просто темный идиот».

– А Экзюпери ты тоже не читал? На что ты тратишь время? – Она принялась ожесточенно высмеивать его невежество.

Прибор, которым она заставила заниматься, мало интересовал его. Впрочем, он понимал, что для завода это нужно. Неделю он наблюдал, как мастера, следуя своим секретам и законам, определяют точность обработки. Они не подозревали, что все их секреты подчиняются закону Никольса. Ночью, когда цех опустел, Крылов установил интерферометр и с помощью своего Никольса вскрыл все секреты, как вскрывают ножом консервную банку. Прибор получился элементарный. В сущности, Крылов приспособил известные в лабораториях приборы для цеховых условий, однако на заводе поднялся шум, Крылова фотографировали, о нем писали: «Инициатива новатора... с энтузиазмом откликнулся...» Он чувствовал себя неловко, пока Ада не доказала, что талант никогда не знает истинной ценности собственных работ, лишняя скромность так же неприятна, как и тщеславие. Как всегда, он уступил, согласился и написал под ее диктовку заявление.

Гатенян молча выслушал его условия.

– Значит, имени Крылова и перевод в старшие конструкторы? – подытожил он и как-то печально посмотрел на Крылова. – У нас в Нахичевани говорят: если бы от яйца становился хороший голос, то куриный зад заливался бы соловьем.

Больше он ничего не сказал, написал приказ и только спустя несколько дней мимоходом спросил, как идут дела с пробоем. Казалось бы, он должен был радоваться, что Крылов занят исключительно заводскими делами, но в этом вопросе Крылову почудились тревога и укор.

Потихоньку от Ады Крылов вернулся к изучению электрического пробоя. Он сам не понимал, зачем он занимается им.

В глубине души он относил это стремление к своим порокам: бывают у людей страстишки – преферанс или водка, а у него – электрический пробой.

То была первая не замутненная никакими опасениями радость открытия. Он создал свою собственную теорию поляризации и пробоя в некоторых средах. Все выстраивалось красиво, легко, и он первый узнал, понял весь этот сложный механизм. Никто в целом мире не знал истинной картины. Он один обладал сейчас этой истиной, один из всех людей на земле.

Он возвращался из Публичной библиотеки. Ноги его почти не касались земли. Он мог взлететь и парить над Александровским садом.

А что, если он сейчас умрет? И эта тайна уйдет вместе с ним? И никогда никто не узнает? Мысль о смерти была нелепой, но она ему нравилась. Он немедленно помчался к главному конструктору домой.

Когда тот вышел к нему, в пижаме, встревоженный, Крылов сообразил, что Публичная библиотека закрывается в одиннадцать и сейчас, вероятно, уже за полночь. Но тут же он забыл об этом, ему необходимо было с кем-нибудь поделиться...

Главный ничего не понимал в электростатике, зато он твердо верил в своего подопечного.

На следующий день через каких-то друзей Гатенян договорился с самим Данкевичем, и Крылову разрешили доложить о своей работе на семинаре в Институте физики Академии наук.

К докладу готовились всем конструкторским бюро. Девушки вычертили Крылову роскошные схемы и диаграммы цветной тушью. Главный дал Крылову свою роскошную папку для тезисов. Одна лишь Ада относилась к предстоящему выступлению холодно. Она не понимала, зачем это ему нужно. Впрочем, она заставила его отрепетировать несколько раз свою речь и назвать ее по-другому: не новая теория, а как-то скромнее – «К вопросу о...». Уж кто-кто, а она, дочь профессора, знала, как настораживают ученую аудиторию безвестные открыватели новых теорий.

Она проводила Крылова до дверей института, поправила ему галстук, осмотрела с ног до головы и кивнула строго, но разрешающе.

Вечером он в общежитие не вернулся. Назавтра на завод не пришел. Никто не знал, куда он пропал. Ада позвонила в институт. Там сообщили, что Крылов выступил, его сообщение обсудили, покритиковали, он ушел, и больше они ничего не знают.

Появился он через два дня, небритый, исхудалый, новый костюм был измят, в пятнах. Молча пройдя к главному, он вернул ему папку и протянул заявление об уходе. На расспросы он почти не отвечал, морщась, как от боли. На заводе решили, что к их Крылову отнеслись несправедливо. Разве способны эти затрущенные академики, оторванные от жизни, оценить заводского человека! Уж кто-кто, а их Крылов за пояс заткнет всех очкариков. Стоит ли из-за них расстраиваться, подумаешь, критиканы, наверняка завидуют...

Почему-то все считали, что его разобидели академики и это из-за них он хочет покинуть завод. С ним обращались как с больным, осторожно, стараясь не тронуть раны, говорили о футболе, он отвечал принужденной улыбкой, но глаза его оставались глухими.

Директор подписал приказ о назначении его старшим конструктором; через месяц заканчивается заводской дом, ему обещали дать комнату; Ада выхлопотала ему путевку в дом отдыха, – но он стоял на своем: он уходит с завода. Куда? В институт к Данкевичу. Кем? Кем

угодно. Ада была уверена, что это просто каприз, блажь. Идти к Данкевичу, который так хамски отнесся к нему! Это же бред. И зачем он нужен Данкевичу? Лично она презирала эти академические институты с их вельможами, схоластами, вокруг самой простой вещи набормочут заумных терминов. Слава богу, она достаточно насмотрелась дома, у своего отца, на эту писанину, лишённую радости живого дела. На заводе Крылов через год может стать заместителем главного. А потом, пожалуйста, если его так тянет наука, защитит диссертацию. В науку надо въезжать на белом коне, а не стучаться нищим, не имея ничего за душой.

Слова Ады отскакивали от него: до сих пор он был послушной глиной в ее руках, и вдруг глина оказалась цементом.

– Может быть, из меня ничего не выйдет, но я хочу попробовать... – твердил он.

Здание, которое она с таким трудом выстраивала, его карьера, которая начала налаживаться, вся его репутация на заводе, работы, которые она задумала для него, – все-все затрепало, зашаталось.

Даже беспечный Долинин и тот осуждал его: «Чего ты вытрючиваешься? Лучше быть первым парнем в деревне, чем последним в городе». С той же горячностью, с какой его защищали, все возмутились его решением. Его называли неблагодарным, обвиняли в честолюбии. По-своему они были правы: он был обязан заводу слишком многим. Гатенян не захотел с ним попрощаться.

Если бы можно было объяснить им всем!

Ада поставила ему ультиматум – или он останется, или между ними все кончено. Что значит «все»? – недоумевал он. Почему они не могут остаться друзьями как были?

– Друзьями? – Она с ненавистью посмотрела на него и вдруг заплакала.

Это было так не похоже на нее, так ужасно было видеть, как по ее белому, неподвижно-мраморному, строгому лицу скатываются слезы, что он почувствовал себя свиньей.

– Ну хорошо, я останусь, – в отчаянии сказал он. – Только не плачь. Пожалуйста.

Невозможно было представить, что эта красивая девушка плачет из-за него. Он не понимал, что происходит. Ада вытерла слезы. «Не нужно жертв. Уходи. Катись. Теперь это уже не имеет значения».

– Боюсь, что из тебя никогда не получится настоящего ученого, – сказала она. – Ты слишком ненаблюдателен.

Внезапное подозрение охватило его, он попытался всмотреться – Даная – и успокоился: это было бы слишком невероятно.

Из него ничего не получится – вот что угнетало его больше всего. То же самое говорил ему Тулин. Два самых близких ему человека пришли к одному и тому же.

В сущности, никому он толком не мог объяснить, как же произошло, что талант, «главный теоретик», лопнул, подобно мыльному пузырю.

Отчего лопаются мыльные пузыри? Теперь он представлял себе, как это происходит. Чьи-то губы раздувают каплю, она растет, блестящая пленка играет всеми цветами радуги.

На ее поверхности отражается небо, искривленные дома, люди. Пузырь считает себя целой планетой. Все, что он отражает, – это и есть настоящее. Это его дома, его люди. Он несет их на себе, и как доказать ему, что это все – лишь отражение! Он считает наоборот: земля и люди – сами всего лишь уродское отражение его красоты. Он отрывается и летит, понятия не имея о ветре или какой-то конвекции воздуха.

Пузырь летит. Он уже не принадлежит никому, он сам себе хозяин. Он – Вселенная. У него свои законы. Он не подчиняется вашим Ньютонам, тяготениям, вашей механике. У него все свое, даже своя электростатика. Ах, какой он прекрасный, этот пузырь! Зря он не раздулся еще больше. Попробовать, что ли?

И вдруг – кр-рак! Лопнул. Не осталось ничего... Мутные брызги. Куда исчез этот сверкающий всеми красками мир с его законами, небом, землей?

Но прежде чем он лопнул, им вволю наигрались.

С отвращением он вспоминал, как, выпятив грудь, он взошел на кафедру, пижонски раскрыл кожаную папку, вытащил оттуда свои бумажки. Первые минут пять его слушали с любопытством. Потом перебили вопросом. Он только готовился приступить к выводу, а его уже спрашивали о конечной формуле, еще не написанной на доске. Откуда они узнали о ней? Пока он недоумевал и собирался с мыслями, кто-то ответил за него, тогда они спросили еще что-то у того, кто ответил, и уже тот снова отвечал, а Крылов еще переваривал его первый ответ и не мог уследить, о чем они говорят. Они спрашивали и сами отвечали, и он отставал от них все дальше и дальше. словно вспомнив о нем, а скорее ради потехи, они попросили его объяснить механизм переноса зарядов. Он несколько опомнился, принялся рассказывать, но тут же кто-то вежливо указал неточность и доказал необходимость введения поправки. Крылов вынужден был согласиться, попробовал идти дальше, но из поправки следовала другая, его уже не отпускали, перекидывали от одного к другому, не позволяя вернуться к своему выводу. Он чувствовал, что куда-то летит в сторону, и ничего не мог поделаться; там, где заряды отталкивались, там они стали притягиваться, плюс превращался в минус, и он не заметил, как пришел к полному абсурду, доказал совсем обратное тому, что у него должно было получиться. Он был игрушкой в их руках. За какие-то полчаса они распотрошили теорию, которую он вынашивал полгода, увидели там то, чего он до сих пор не мог понять, обогнали его, вволю натешились, а он стоял и моргал глазами, даже не в силах участвовать в их споре. Невежество было бы еще с полбеды, самое унижительное заключалось в том, как медленно, тупо он соображал. Ржавые колеса, скрипя, еле поворачивались в его мозгу.

Впервые он понял, что такое настоящие таланты. Они казались ему великанами, сонмом богов. С виду они ничем не отличались от обычных людей: помятые рубашки, засученные рукава, студенческие выражения – «потрепаться», «влипнуть», «мура»; там были ребята его возраста – растрепанные, насмешливые; они курили те же болгарские сигареты, сидели верхом на стульях, но при этом перекидывались фразами, расстояние между смыслом которых Крылову потребовалось бы преодолеть часами напряженных раздумий.

Он попал на Олимп. Бессмертные боги смеялись над ним, и он не мог обижаться – разве можно обижаться на богов? Перед ними можно лишь чувствовать собственное ничтожество.

Юпитером среди них был Данкевич, боги звали его просто Дан, и он разрешал им: вероятно, среди богов все возможно.

Отныне Крылов принадлежал им.

– Нонсенс, – сказал Данкевич. – Разве мы вам ничего не доказали?

– Доказали, – сказал Крылов.

– Что именно?

Требовалось усилие, чтобы смотреть прямо в неправдоподобно черные, блестящие глаза Данкевича.

– Что я тупица, невежда, ничего не знаю.

– Незнание и невежество – вещи разные. Незнание начинается после науки, невежество – до нее. У вас болезнь серьезней: ваш мозг заражен невежественными идеями.

– Совершенно верно, – сказал Крылов.

– Наука – это не самодеятельность.

– Да, – сказал Крылов.

– Нам некуда деваться от молодых гениев, считающих себя Эйнштейнами и Резерфордами. Все они создают новую картину Вселенной. Физика стала слишком модной наукой. В данный момент у меня нет свободного места научного сотрудника.

- Я согласен лаборантом.
- И на лаборанта нет вакансии.
- Я уже взял расчет, – сказал Крылов.

Тонкий, гибкий Данкевич выпрямился, как лезвие.

– На меня такие штучки не действуют. Возвращайтесь на завод. Там ваши идеи не опасны, а дело вы делаете.

- Я не вернусь.

На узком нервном лице Данкевича мелькнула и мгновенно пропала насмешливая улыбка.

– Однако... Самое решительное начало ничего не значит без конца. Разумеется, вы не сомневались, что я жду не дожусь вашего прихода. Что ж вы будете делать?

- Я буду у вас работать.

Данкевич посмотрел на него с любопытством:

- Интересно, каким образом?

Однажды, приехав к Данкевичу со своим шефом профессором Чистяковым, Тулин увидел из окна кабинета Крылова. Вместе с рабочими он сгружал во дворе ящики с грузовика. Тулин попросил разрешения выйти и побежал вниз. Крылов улыбался как ни в чем не бывало – он устроился слесарем в институтскую мастерскую. Дальше будет видно. Он взвалил на спину ящик и, пригибаясь, понес к складу. Тулин шел рядом с ним.

- Хочешь, я поговорю с Чистяковым и устрою тебя к нам?

- Нет, я буду работать здесь, – сказал Крылов.

– Упорство непризнанного самородка. Ах, как красиво! Давай, давай, вкалывай, получишь пятый разряд. Данкевич будет рыдать от умиления.

Крылов сбросил ящик.

– Не трави. Я тебя ни о чем не прошу. Оставь меня в покое. Чего ты меня равняешь к себе? Единственное, что у меня есть, это желание работать здесь, и если я уйду, тогда мне хана.

– Думаешь растрогать этих прохиндеев? На меньше, чем Данкевич, ты не согласен? Думаешь, у него ты станешь гением?

Крылов взял его за руку и повел в комнату, где по средам происходили семинары физиков, ничем не примечательную комнату, пропахшую куревом, с двумя рыжими досками и маленькой кафедрой, на которой он когда-то осрамился.

- Я должен здесь выступить, – сказал Крылов.

- А конференц-зал Академии наук тебя не устраивает?

– Нет, – совершенно серьезно сказал Крылов. – Я выступлю здесь, а они будут слушать меня.

- Мечта идиота, – сказал Тулин. – Разве так становятся ученым!

На следующий день Крылов столкнулся с Данкевичем в коридоре.

– Послушайте, как вас там, – сердито окликнул его Данкевич. – На что вы надеетесь? Переупрямить меня? Напрасная затея.

Крылов почувствовал, как щеки становятся холодными.

– Ладно, я ухожу. Мне больше нечем было доказать вам... Можете радоваться. Подумать только, кого вы одолели! – Он вдруг услышал злость и грубость своих слов и понял, что погиб. Он стоял перед Юпитером, перед самим Данкевичем, но именно потому, что он боготворил этого человека, он обязан был сказать ему все. С каждым словом ему становилось холоднее. Когда он вернулся в мастерскую, его бил озноб.

Он подал заявление о расчете. В тот же день ему вернули заявление с резолюцией Данкевича: «Назначить старшим лаборантом в лабораторию Аникеева».

Требования Аникеева были просты и невероятны.

Экспериментатор должен:

1. Быть достаточно ленивым. Чтобы не делать лишнего, не ковыряться в мелочах.

2. Поменьше читать. Те, кто много читает, отвыкают самостоятельно мыслить.

3. Быть непоследовательным, чтобы, не упуская цели, интересоваться и замечать побочные эффекты.

И вообще поменьше фантазии и «великих идей».

Лаборатория – две комнаты, двое научных работников, третий сам Аникеев. Крылов работает у него. Лаборатория исследует процессы электризации.

За целый день произносится несколько фраз. Замеры, подсчеты, снова замеры... Так изо дня в день, недели, месяцы. Хорошо! Никто не мешает думать. Шкалы, стрелки, мерцающие экраны осциллографов, мерное постукивание вакуумного насоса. Чуть поглубже вакуум, теперь добавим газа. Разряд. Замерим. Введем в схему детектор. Не подходит. Надо его приспособить. Замеры, подсчеты. Сережа, выясните погрешности. Замеры, подсчеты. Готово, начинаем снова. Замеры, подсчеты. Откуда скачок? Повторите. Замеры. Снова скачок. Странно. Вероятно, где-то наводка. Все проверить, заэкранировать, компенсировать. Опять скачок. Откуда он берется? Почему такой скачок именно при этой концентрации?

Все останавливается. Больше нечего мерить, нечего подсчитывать. Слава богу, кончены проклятые измерения. Что мне делать? Отстаньте, не суйтесь, идите к черту, в столовую, в библиотеку, к дьяволу.

Откуда же этот скачок? Аникеев молчит. Неужели и боги могут чего-то не понимать? Экран не светится, стрелки лежат на нуле. Тишина. Дни, заполненные тягостным молчанием. Рядом измеряют, подсчитывают. Как хорошо, когда можно замерять и подсчитывать. А что, если тут паразитные токи? Чушь, откуда им тут... А если от поля Земли? Попробуем? Мама родная, конечно, это паразитные токи. Аникеев – гений. Он самый настоящий гений, он маг, чародей, обыкновенный маг! Вот они, паразитные токи. Ну что за прелесть эти паразитики! Но как их устранить?

– Сережа, давайте повесим вот такой виток. Подсчитайте.

Ура, опять считаем, опять можно щелкнуть выключателем, и мертвая груда приборов оживает.

– Хотел бы я знать, какого черта вы загнули эту кривую вниз?

– Я экстраполировал ее по расчетам Брекли...

– Кто такой Брекли?

– Но вы же сами... Еще в прошлом году его статья была...

– Ну и что из того?

– Так ведь там написано...

– Мало ли что печатают! До каких пор вы будете верить всему, что печатают! Что у вас, голова или этажерка?

– Но Брекли – теоретик, классик!

– А вы, Крылов, классический идиот. Ваш Брекли не может отличить вольтметр от патефона. Мне нужны измерения, а не труха этой старой задницы. Классиков надо было учить в институте. Здесь у меня нет классиков. Здесь опыт, и только опыт. И собственные мозги. Ешьте больше рыбы.

– Если кривая не загибается вниз – значит, расчеты Брекли неверны?

– Ну и пусть неверны. Пусть вся теория неверна. Испугались? Придется идти к теоретикам, пусть разбираются. А пока давайте отладим электронику.

Приборы показывают черт знает что, кто во что горазд. Мистика. Ничего, электроника – всегда мистика. Почему не работает, никто не знает. И никто не горюет. Так и должно быть. Через неделю схема вдруг начинает работать, и тоже никто не удивляется. Электроника! Теперь

даже непонятно, как она могла не работать. Теперь можно выделывать с ней самые рискованные штуки, она все равно будет работать, ее уже не заставишь не работать...

– Отшлифуйте пластинку германия. Не умеете? Поучитесь...

– Труха. Так шлифовали в палеозойскую эру...

– Лучше, но недостаточно...

– Крылов, если вы экспериментатор, вы должны уметь делать все то, что нужно, и лучше всех. Иначе вам не сделать ничего нового.

– Но тогда не успеешь стать настоящим специалистом. Где тут думать о больших проблемах! Хочется устанавливать взаимосвязь явлений...

– Это оставьте для философов. Специалист! Я не знаю, что такое специалист. Я знаю, что такое физик. Специалист старается знать все больше о все меньшем, пока не будет знать все ни о чем. А философ узнает все меньше о все большем, пока не будет знать ничего обо всем.

Наконец через две недели он отделал пластинку не хуже любого шлифовальщика.

– Нормально, – пробурчал Аникеев.

Они установили пластинку перед излучателем. Опыт продолжался двадцать минут. В итоге – табличка из пяти цифр. А через два дня оказалось, что гипотеза не оправдалась, и таблица вместе с пластинкой отправилась в нижний ящик стола. Аникеев подмигнул Крылову:

– Такова жизнь экспериментатора.

Этот человек презирал трудности. Всякие мелкие неудачи, неприятности, ошибки, зря потраченное время – всего этого не стоило даже замечать. Достойны уважения и, следовательно, огорчения были настоящие неудачи, тупики, куда загонял их ход исследований.

Аникеев был настоящим, прирожденным экспериментатором. Достаточно было посмотреть, как движутся его руки с мягкими, гибкими, как у ребенка, пальцами, регулируя прибор или натягивая кварцевую нить.

Рассказывали, что еще до войны, как-то будучи во Франции, он шутки ради поспорил с представителем фирмы сейфов, что вскрыет за полчаса любой из сейфов. И вскрыл. Полиция задержала его и попросила немедленно покинуть страну. Когда у Аникеева спрашивали, правда ли это, он только посмеивался: «Все любят разгадывать других, но никто не любит быть разгаданным».

Он действительно никогда не распространялся о себе, но имя Аникеева, одного из крупнейших физиков, было окружено легендами, тем более многочисленными, чем менее знали о нем.

После войны Аникеева назначили одним из руководителей Проблемы – так называлась тогда работа над атомной бомбой. Ему подчинялась группа институтов и заводов.

Он связывался непосредственно с министрами. Великолепно зная себе цену, он держался независимо и делал так, как считал нужным, не считаясь ни с чьими распоряжениями, даже с указаниями Берия. Безграмотные, порой губительные вмешательства Берия выводили Аникеева из себя. Согласно одной из легенд, выслушав очередное крикливое поучение, Аникеев не выдержал и сказал: «Я ваших трудов по физике не читал. И вы моих тоже. Однако по разным причинам». – «Я тебе покажу физику, ты у меня увидишь физику», – сказал Берия.

Аникеев тут же написал письмо в ЦК, требуя оградить Проблему от невежественного хозяйничанья Берия. В те времена подобный вызов был равносителен самоубийству.

От немедленной расправы Аникеева спасло то, что он был слишком известен и нужен. Все же по приказу Берия его отстранили от Проблемы и перевели на Север, в педагогический

институт. Атомники доказывали, что без Аникеева нельзя, особенно сейчас, в период пуска объектов. Все было напрасно.

Его друг Лихов, который должен был принять дела, сказал ему с горечью:

– Я же тебя предупреждал, вот тебе и вся награда за твое правдолюбие. Чего ты добился?

Только делу повредил.

– Дело не пострадает, – сказал Аникеев. – Я не уеду, пока не пустим объекты.

Со своим шальным характером он остался, живя чуть ли не на нелегальном положении, продолжая руководить пусковыми работами. На этот раз он действительно рисковал головой. Начальство делало вид, что не замечает его присутствия. После того как объекты были успешно пущены, он уехал на Север.

Научной работы в те годы там не велось, оборудования не было. На свои деньги Аникеев смастерил себе кое-какую аппаратуру и занялся исследованием природы запахов. Он засовывал себе в нос специальные ампулы, иногда доводя себя этими жестокими опытами до обмороков.

Он принадлежал к редкому, счастливому типу ученых, для которых все, за что бы они ни брались, становится объектом науки.

Ему предлагали писать учебники, монографии. Он отказывался. Вместо этого время от времени в журналах появлялись маленькие статьи, вернее, заметки на две-три странички.

– Чем тщательнее выполнена работа, тем меньше о ней приходится писать, – утверждал Аникеев.

Сразу после разоблачения Берия Аникеева вызвали в Москву. К тому времени Лихов уже стал академиком, получил множество наград и ведал целым управлением. Он предложил Аникееву возглавить один из институтов. Аникеев отказался.

Лихов пробовал его уговорить – хотя бы на должность начальника отдела.

– Не интересуюсь, – сказал Аникеев, – давай лабораторию, и то маленькую, не больше четырех сотрудников.

Лихов задумался.

– Не слишком ли ты самоуверен? – сказал он. Аникеев пожал плечами.

– Посмотрим.

– Я бы не решился сейчас взять лабораторию, – сказал Лихов.

Аникеев оглядел роскошный, огромный кабинет.

– Жалко?

– Страшно. В лаборатории нет ни академика, ни лаборанта. Там только хороший экспериментатор – или плохой.

– Да, здесь иной масштаб.

– Да, здесь я академик. Прощаясь, Лихов сказал:

– Наверное, ты прав... иногда мне самому снится зайчик гальванометра. Никак не установить его на ноль. Сны административного физика. А потом я просыпаюсь и долго убеждаю себя, что на этом месте тоже должен сидеть ученый. Что мне нужны масштабы. И еду в эту контору.

Лаборатория Аникеева была на особом положении – так он поставил дело.

Он организовал себе отдельную мастерскую, раздобыл два станка, нанял механика и раз навсегда избавился от мелкой зависимости. Тертые, все перевидавшие снабженцы выполняли его заявки вне очереди. Иначе он обрушивался на них на первом же совещании, обращался в партком, дирекцию, главк, стенгазету. Для него не существовало препятствий. Он шел как танк, все подминая, беспощадный и неумолимый, грохоча и ругаясь. От своих помощников он требовал безусловной исполнительности. «Идей у меня самого девать некуда – предупреждал он, – хватит на вас всех. Мне нужны люди, которые делают то, что мне надо».

Крылов прощал ему все, переполненный счастьем оттого, что наконец мечта его исполнилась. Ослепительных открытий в ближайшие месяцы не предвиделось, угодить Аникееву было нелегко, каждый день выяснялось, что Крылов не умеет паять, печатать на машинке, ладить со стеклотрубой или что-либо в этом роде. Но спустя пять минут после очередного разноса Аникеева в глазах Крылова опять проступала блаженная ухмылка. Счастье так и сочило из него. Оттого, что на него кричит сам Аникеев. Оттого, что в таблицах растут столбцы чисел, добытых им, Крыловым. Оттого, что винегрет в институтском буфете самый вкусный из всех винегретов...

Он купил себе шляпу со шнурком. Серый костюм с широкими плечами и широкими брюками вышел из моды, но теперь это не имело никакого значения. То, что он работал у Аникеева, подняло его даже в глазах Тулина. Они снова встречались. Тулин познакомил его со своими друзьями.

Почти все они стали уже кандидатами наук или аспирантами. Крылов – единственный среди них был лаборантом. Это были веселые смешливые парни.

По субботам приглашали девушек в кафе «Север» или Дом ученых, щеголяли узкими брюками, пестрыми рубашками: нравилось, когда их принимали за стилияг, – ворчите, негодуйте. Девушки дразнили чинных дам из Дома ученых своими туго обтянутыми юбками со скандальными разрезами. Под мотив узаконенных фоксов сороковых годов выдавали такую «трясучку», что старички только моргали.

Из Дома ученых отправлялись к кому-нибудь, чаще всего к Тулину, который жил с матерью и тетками в большой петербургской квартире на Фонтанке, тянули вино, распевали бластные песенки, яростно обсуждали музыку будущего, живопись Пикассо. Слушали записанный на магнитофоне американский джаз, но неизбежно к полуночи оказывалось, что они спорят о взаимоотношении микро- и макромира, радиоастрономии, кибернетике, о вещах, которые занимали тогда всех – и дилетантов, и специалистов.

Для них были открытием только что переизданные рассказы Бабея, очерки Кольцова; появились стихи Цветаевой, публиковали архивные документы. Больше всего увлекла возможность научно осмыслить происходящие перемены, и они горячо и самоуверенно перестраивали этот несовершенный мир. Вместе с Лангмюром, Нильсом Бором, Курчатовым и Капицей они владели важнейшей специальностью эпохи, от них, полагали они, зависит будущее человечества, они были его пророками, благодетелями, освободителями.

У всех у них были блестящие перспективы, незаурядные способности (двое были талантливыми, трое одаренными, остальные гениями), они подавали надежды, составляли «цвет» научной молодежи, служили примером и грозили «перевернуть». Они были возмутительно молоды (на каждого приходилось в среднем 0,25 жены и 0,16 детей), зато средний теннисный разряд доходил до трех с половиной, зимой они ходили на лыжах, летом говорили, что презирают футбол. Они могли стерпеть любое обвинение в невежестве, но смертельно обиделись бы, если кто-нибудь усомнился бы в их умении плавать с аквалангом. Все они печатали статьи в физических журналах, подрабатывали в реферативном журнале. Тех академиков, которых они обожали, они звали Борода, Кентавр, Шкилет, остальных считали склеротиками. Они всячески старались показать, что им нравится то, что бранят или осуждают. Яростно защищали экспрессионистов, но никто из них толком не знал, что это такое. Они нахваливали конкретную музыку и в то же время аккуратно ходили в Филармонию, стояли в очереди на концерты приезжих знаменитостей и восторгались Бахом. А когда под Новосибирском начали создавать филиал Академии наук, они первые подали заявления. Тулин был в отчаянии оттого, что его не пустили, и долго еще завидовал друзьям, которые писали оттуда письма о бараче в лесу с экспериментальной трубой, о новом их кумире Лаврентьеве, который мерз вместе с ними в дощатом коттедже, пока строился будущий город науки.

Крылов возвращался домой по ночным улицам, и голова его кружилась, она задевала облака, и он слышал скрежет миров, которые сталкивались и гибли в безднах космоса.

Галактика неслась сквозь бесконечность, имеющую кривизну, сжималась и вновь расширялась пульсирующая Вселенная. А на крохотной планете Земля, зачем-то разгороженной границами, обыватели копошились в сотах своих жилищ, ничего не слыша, не видя.

Он чувствовал себя Гулливером.

Когда кончался рабочий день, он, выходя из лаборатории, как будто спускался в прошлое, к странным людям, которые еще ездили в трамваях и топили печки дровами.

Он возвращался к ним из будущего, посланец далеких миров.

Эй, вы, люди! Знаете ли вы, что вас ждет?

А я знаю! Я только что оттуда! Я помогал делать будущее для вас!

Мог ли его всерьез огорчить кухонный чад, проникающий в комнатку, которую он снимал у старого чудака библиофила!

Временное пристанище брэнного тела. Дух его витал в лаборатории. Что значили по сравнению с этим все житейские мелочи!

Однако стоило ему вступить в облицованный мрамором вестибюль института, он сам превращался в лилипута.

На втором этаже в большой, классного вида комнате собирались теоретики. Рядом помещалась каморка – хранилище каталогов. Крылов забирался туда и, приоткрыв низенькую дверцу слушал, как теоретики «трепались». Свои семинары они так и называли «трёп». Официальное наименование «семинар» совсем не подходило к этому шумному сборищу, где все серьезное перемежалось шутками и, пока писали формулы, рассказывали анекдоты.

Проблемы, которые здесь обсуждались, требовали такого напряжения ума, что постоянная разрядка была необходима.

Со стороны эти сборища теоретиков выглядели беспечной, веселой болтовней отдыхающих. Впрочем, и весь их рабочий день любому постороннему показался бы более чем странным. Молодой, здоровый парень появляется в институте в десять, а то и в одиннадцать утра, слоняется по лаборатории, зайдет в библиотеку, перелистает журналы, побалагурит в коридоре с девушками. Изредка его можно увидеть за столом – что-то он пишет либо сидит, бессмысленно закатив глаза в потолок. Остальное время – болтовня с себе подобными шалопаями. И это считалось работой!

Но Крылова, который знавал всякую работу, ничто так не изматывало, как часы, проведенные в хранилище, когда он подслушивал «трёп» теоретиков. Голова лопалась, и мозги трещали.

– ...Если частицы имеют структуру, значит, у них может быть квадрупольный момент...

– Томас и Швангер показали...

– К черту Швангера!

– Рассмотрим лучше случай частиц с квадрупольным моментом, равным нулю...

Стучал мел по доске. Синие лохмы дыма вылезали из дверей.

– Но Томас и Швангер дают для магнитного момента...

– К черту, десять в одиннадцатой не бывает! Это же натяжка, обман.

– Цыпочка, вернейший способ быть обманутым – считать себя хитрее других. Поэтому возьмем десять в одиннадцатой...

Он слышал, как в этой кухне из гущи фактов образуется Истина. Отсюда она начинала долгий путь, облекаясь в формулы, сперва громоздкие и неуверенные, которые следовало уточнять, проверять во всевозможных камерах, и ловушках, и умножителях, а для этого надо было придумывать аппаратуру, и разрабатывать методику, и строить эту дорогую аппаратуру; и тут вступали в действие фонды, снабженцы, друзья-приятели, телеграммы, звонки, банк, смежники, и все это ворчалось, придиралось, подписывало и не подписывало, а тем временем меха-

ники что-то вытачивали, посреди лаборатории что-то монтировалось, отлаживалось, определяли поправки приборов – и наконец ставились опыты, для того чтобы получить десятки, а то и сотни метров пленки и тысячи записей и фотографий. Потом все это надо было обработать, подсчитать, свести в таблицы, построить кривые, проанализировать, передать в институт электрикам, которые, конечно, не желали иметь дела с новой формулой и новыми идеями и которых приходилось уговаривать, и наконец они брались и начинали загроублять и упрощать, перекидывать от изоляционщиков к вакуумщикам, от них – конструкторам, постепенно воплощая все это в медь, стекло, электроды. И в результате получалась какая-нибудь крохотная лампа или усилитель. А через несколько лет уже тысячи таких ламп шли по конвейеру, отданные во власть цеховых технологов, мастеров, в быстрые руки девушек-монтажниц, из которых никто понятия не имел об этой скучного вида тесной комнате, откуда все началось, где зарождались истоки будущих рек, новые идеи и физические законы.

Когда теоретики уходили, Крылов осторожно вступал в опустевшую комнату, подходил к рыжей доске, испещренной уравнениями, вздыхал.

Кто он – экспериментатор или теоретик?

Он доказывал себе, что экспериментальная работа – самое главное. Приборы – это орудия, которыми человек впервые прикасается к тайнам природы. Важно добыть факты. Идеи сменяются, факты остаются. Факты – вечная ценность.

Он медленно спускался к себе в лабораторию, покидая этот недоступный, чистый мир холодной мысли, свободный от рублильников, проводов, погрешностей гальванометра.

Постепенно он начинал испытывать угнетение от властной нетерпимости Аникеева. Сила ума Аникеева подавляла, связывала. Рядом с ним думать было невозможно. Все равно, думай не думай, он заставит всех мыслить по-своему. Он насильно вколачивал свои соображения, их убедительность исключала всякие другие поиски.

На Октябрьском прослышали, что у Аникеева получают обещающие результаты по исследованию разряда. Гатенян приехал в институт, и Крылов свел его с Аникеевым. Гатенян хотел заложить аникеевскую разработку в проект новой аппаратуры для линий передач. Крылов был счастлив, что хоть чем-то может помочь своим, но Аникеев встретил главного конструктора холодно.

– Чудеса, – сказал он, – разве на вас нажимают? Делайте, как делали. У нас еще все в тумане, кто вам наболтал? – Он подозрительно взглянул на Крылова.

– Мы весь риск берем на себя, – сказал Гатенян. – Мы верим, что у вас все получится.

Аникеев раскланялся.

– Спасибо. Но вам-то что за выгода? Вы же производственники, вы должны противиться внедрению нового, а вы хватаете из рук недопеченное. Так не бывает. Это ж беспорядок.

Главный натянуто улыбнулся.

– Конечно, если у вас сорвется, получится беда, но еще большая беда, если мы будем выпускать аппаратуру образца сороковых годов. – Он развернул перед Аникеевым схемы аппаратов, применяющихся на опытной линии.

Аникеев поморщился.

– Да, это, конечно, тухлятина. Но подождите, пока мы отработаем.

– Невозможно.

– Пообещай вам, так вы в полной надежде начнете перестраивать производство.

– Факт, – сказал главный. – Будем готовить участки для малых выключателей: отливку трубок наладим.

Аникеев поехал с ним на завод, вернулся оттуда расстроенным, набросился на Крылова:

– Это вы меня втянули, ну как им отказать? Как, я вас спрашиваю?

Было, конечно, страшновато. Результат, технически осуществимый, конструктивный, должен был получиться во что бы то ни стало, вопреки всем случайностям и к намеченному сроку.

– Все равно что обещать вернуть долг из кошелька, который я найду в подъезде через неделю, – бурчал Аникеев.

Крылов только посмеивался: он понимал, Аникеев в душе восхищается и главным, и ребятами из КБ.

И вот тут-то Крылов имел глупость указать Аникееву на масштабную поправку. Крылов предлагал определить ее не опытным путем, а расчетом – так будет быстрее и проще.

Аникеев с непроницаемым лицом выслушал его доводы, и когда наконец Крылов замолчал, Аникеев тихонько запел. Не отрываясь от окуляра прибора, он пропел «Тореадор», «Во поле березонька», «Синие ночи». Потом спросил:

– Вам известно, Крылов, кто опаснее дурака? Не знаете? Дурак с инициативой.

Сотрудник лаборатории Юрий Юрьевич, которого звали Ю-квадрат, сказал, когда Аникеев вышел:

– Сережа, никак ты разозлился? Бессмыслица. Аникеев хамит, как птица летает.

– Он хочет превратить меня в робота!

– Милый мой, еще Маяковский заметил: все мы немножко роботы.

– Посмотрим, кто кого!

Он ненавидел Аникеева. Зажимщик! Аракчеев! Солдафон! Слово «дурак» жгло его. Посмотрим, кто дурак! Втайне он вызвал Аникеева на поединок, но тут же струсил. Слишком безошибочной всегда оказывалась интуиция Аникеева. Но, раз тронувшись, лавина разрасталась. Послушно выполняя все указания, он молча спорил, выискивал слабые места, он превращался в беспощадного врага собственной работы.

Он оставался в лаборатории на вечер, приходил в шесть утра и садился за счетную машину. Но что-то ему не нравилось. Вероятно, где-то в спешке он слишком упростил условия. В решении не хватало стройности. Ему хотелось сразить Аникеева, покорить его...

Крылов свернул на набережную. Голова одурела от папирос и бесконечных цифр. Пропади все пропадом, в конце концов он кое-как доказал то, что хотел. Красота, стройность – это уже от лукавого.

У Петровского сквера перед мотоциклом сидела на корточках девушка.

– Эй! – крикнула она. – Помогите мне, пожалуйста. Крылов подошел, помог снять покрывку.

– Не уходите, – сказала девушка, – а то мне без вас не надеть. Крылов прислонился к парапету. Набережная была пустыня. Маленькая желтая луна затерялась среди фонарей.

Девушка клеила порванную камеру. Кожаные штаны и шлем придавали размашистость ее крепкой фигуре.

– Чего бродите по ночам? – спросила она. – Вы что, лунатик или беспризорный?

– Лунатик.

– Модная специальность. Особенно в марте.

Крылов недоверчиво огляделся. Отовсюду сочилась вода. Город был мокрый. Капало с крыш, трубили водосточные трубы, сипели люки, на выщербленных парапетах блестели лунные лужицы. Лед на Неве истоньшал.

Был действительно конец марта. Женщины всегда в курсе подобных вещей.

Девушка поднялась, вытерла руки.

– Могу закинуть вас домой.

Они мчались по спящим улицам, разбрызгивая лужи. Мотоцикл стрелял оглушающе. Крылов крепко держался за скобу. Девушка пригибала голову, и тогда в лицо Крылову с раз-

маху ударял влажный воздух. Во всю длину проспекта горели, меняясь, высокие огни светофоров. Машин не было, а огни вспыхивали – желтые, зеленые, красные. Жиденькой черноты небо поднималось все выше и выше над землей, поднимая с собою звезды и луну.

Она резко затормозила у его дома, и Крылов ткнулся лицом в ее плечо.

– Лихо? Напугались? Он что-то промычал.

– О чем вы думаете?

Рассвело. На крепком, скуластом лице Крылов увидел блестящие, как будто тоже мокрые, развеселые глаза.

– Вычислял, сколько человек мы разбудили в городе.

– Сколько?

– Примерно семьдесят тысяч.

– Здорово! А кто вы такой?

– Физик.

Она с сомнением осмотрела его драный плащ и посинелый нос.

– Допустим. Значит, семьдесят тысяч. – Она, улыбаясь, уселась на мотоцикл. – Физик, вы мне понравились, потому что не лапали. Я не выношу, когда меня на мотоцикле начинают лапать.

Он невольно уставился на ее острые груди под курткой и покраснел.

– Спасибо за помощь!

Глаза ее беспрестанно улыбались, но как бы поверх этой неудержимой улыбки она улыбнулась ему еще одной улыбкой – для него.

Воодушевясь, Крылов сдвинул шляпу на ухо, взял девушку за плечо в соответствии с лучшими традициями тулинской компании: мадемуазель, вы прелестны. Как насчет субботы? Молодой ученый на весь вечер в вашем распоряжении. Давайте телефончик...

Словом, что-то в этом роде.

Сперва она выпучила глаза, потом прыснула, и он немедленно почувствовал себя идиотом.

– Нет, серьезно, может быть, мы встретимся? – жалким голосом повторил он.

– Ну вот, начинается, всегда одно и то же. Послушайте, милый физик, это уже неинтересно.

Она стрельнула мотоциклом и укатила в туманную тишину улиц. Единственное, что осталось от нее, – черные цифры на желтой жестянке «52–67», – уныло повторял он, снимая забрызганные до колен брюки и укладываясь на свою узкую кушетку.

Учинив тщательную проверку своим расчетам, он показал, что поправка, которой пренебрегал Аникеев, меняет на сорок процентов результат измерений. Он обвел эти сорок процентов роскошной рамкой, под которой нарисовал герб в виде кукиша на фоне приборов, пронзенных вечным пером. До начала работы оставался час. Подложив под голову справочник, он заснул на столе Аникеева безмятежным сном победителя.

Неизвестно почему, в это утро Аникеев явился раньше сотрудников. Как бы там ни было, Крылова разбудил его рыкающий смешок. Аникеев стоял над ним, и в руках его была тетрадь с расчетами. Крылов не вскочил, не смутился, не стал извиняться. Протерев глаза, он скромно потупился в ожидании похвал, общего ликования и сконфуженных признаний Аникеева. Следовало быть великодушным. Кто из нас не ошибался, скажет он Аникееву, не будем вспоминать прошлое... Ошибки великих людей должны быть достойны их деяний...

Дочитав тетрадь, Аникеев громко высморкался и сказал:

– Доказали.

– Кто из нас...

– Помолчите. Мне такие прыткие лаборанты не нужны. Можете отправляться.

– Куда отправляться?

– А куда угодно.

Он швырнул тетрадь и ушел, не взглянув на Крылова.

– Все равно вы учтете мою поправку! – крикнул ему вдогонку Крылов.

Подобно остальным мученикам науки, он готов был взойти на костер. Собирая свои бумаги, очищая ящики, он придумывал последнюю фразу, которую следовало бы записать в лабораторный дневник. Если бы не Гоголь, его устроило бы «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!».

Через час вернулся Аникеев. Не глядя на Крылова, пробурчал, что по распоряжению директора старшего лаборанта Крылова назначают научным сотрудником и дают самостоятельную тему.

Ошеломленный Крылов, ни слова не говоря, пошел оформляться, но с полдороги вернулся к Аникееву.

– Наверное, это вы меня рекомендовали.

– Как бы не так! – сказал Аникеев. – Нашли благодетеля.

– Конечно, вы. Спасибо, знаете, я...

– Послушайте, Крылов, подберите ваши сюжеты и заткнитесь.

– Я боюсь брать самостоятельную тему.

– Бойтесь, тогда двигайте в счетоводы. Но, может быть, из вас что-то получится. Почему? Хотя бы потому, что мне вас ничему не удалось научить. Для меня главное – ничему не научить. Если это выходит, значит, из человека может что-то получиться.

В связи с этим событием Крылов явился к Тулину с бутылкой коньяка. Ее хватило на пять тостов. Для шестого они, обшарив шкафчики, вылакали остатки из липких бутылок ликера и тогда со спокойной совестью отправились в ближайшую шашлычную.

Тулин заказал шашлык по-карски и соответствующим образом подмигнул обоими глазами Остапычу после чего Остапыч принес к шашлыку две раскупоренные бутылки кроушена и тоже подмигнул. Кроушон был прекрасен, они крякали и закусывали кроушон грибами, луком, и Крылов постепенно перестал сомневаться в своей способности вести самостоятельную тему.

– Ты становишься человекоподобным, – сказал Тулин. – Я тебя давно учил: начинай высшую нервную деятельность.

Теперь ты вышел на орбиту и дуй. Нельзя терять ни минуты. Давай выпьем. И чтобы поставить себе цель. У тебя есть цель? Ты чего хочешь?

– Я хочу... я хочу того, чего я хочу!

– Точно. Это формула!

– Я сам себе хозяин. Я взрослый. Кончена молодость. Но ты мне скажи, Олег, а почему меня тянет на теорию? Все-таки теоретики – они рулевые.

– Болтуны они, твои теоретики! Что они могут перед экспериментом? Может, ты Нильс Бор? Или Ландау? То-то! Или быть всем, или идти на административную работу. А в эксперименте, знаешь, можно такую птицу за хвост ухватить! Теоретиков много, а шаровую молнию не могут... Эх, Серега, мы, брат, со своим шефом накануне такого... Тьфу, тьфу, тьфу! Открыть можно такое явление! Мы люди дела. Нам подавай живое дело. Чтобы видеть глазами, руками шупать. Вот оно тут. Пусть там схоласты рассуждают.

– Ну и пусть они рассуждают. А мы чернорабочие. Мы базис.

– Мы измерим градиент. И будь здоров и не кашляй – вся теория вверх тормашками.

– Аникеев – гений. И Дан – гений.

– А Капица нет, по-твоему? Капица, брат, еще больше гений.

– А ты, Олежка, наверное, тоже будешь гением.

– Гении устарели. Гении в науке – все равно что парусники во флоте. Романтика прошлого! Сейчас навалются скопом и решают любую проблему. Коллективное творчество, вот

тебе и есть гений! Мой шеф – почти гений, а что он без нас – единица. Пусть я ноль. Я согласен. По сравнению с ним я ноль. Но я тот ноль, который делает единицу десяткой.

– И я ноль!

– Я убеждаюсь, что квантовая механика зашла в тупик. Почему? Допустим, шаровая молния; вот красноносый спекулянт, пусть он нам объяснит. Де Бройль не ребенок. Если он герцог, то что же, значит, нечего с ним считаться? Нет, Серега, пусть он герцог, но квантовая механика, она не способна...

Крылов был согласен, и они вдвоем без особого труда разгромили квантовую механику, затем навели порядок среди элементарных частиц, но, чтобы окончательно оконфузить всю школу Нильса Бора, им пришлось заказать еще бутылку, которую Остапыч доставил им уже внутрь атомного ядра. Они распили ее строго квантованными порциями, и тогда им наконец удалось раздробить электрон. К тому времени Тулин уже стал академиком и лауреатом, а Крылов защитил докторскую. Тулин выступил оппонентом. Крылов устроил банкет, они позвали всех своих знакомых девушек. Они обсуждали музыку Шостаковича, утерянные секреты фейерверков, радиоактивность крабов, женские достоинства Екатерины Второй и способы лечения рака.

Выслушав рассказ Крылова о девушке на мотоцикле, Тулин решил, что они обязаны во что бы то ни стало разыскать ее, и потащил Крылова в отделение милиции. Когда их оттуда выставили, они отправились в ГАИ, и Тулин вдохновенно описал потрясенным инспекторам, как его друга у него на глазах переехала девушка на мотоцикле 52–67. Она не просто переехала, она ездил по распластанному Крылову взад-вперед и при этом кричала, что никакая инспекция ей не страшна. Он клялся и божился, что все это святая правда, готов был подписать любые протоколы, показывал на Крылова, кроткого и беспомощного, и вконец поразил инспекторов, сообщив им о том, что они с Крыловым находятся накануне величайшего открытия в физике.

Выпили? Да, они вынуждены были выпить, чтобы как-то прийти в себя после катастрофы. Со слезами на глазах он снова начал описывать нападение мотоцикла 52–67, приводя ужасающие подробности.

Их провели в отделение, сняли показания, но когда дело дошло до адреса, то Тулин никак не мог вспомнить улицу, на которой он живет, он позвонил профессору Чистякову, чтобы узнать свой адрес. Потом Чистяков о чем-то говорил с дежурным инспектором, но это уже было неинтересно, так как Тулин и Крылов выяснили, что Аникеев – более великий ученый, чем Чистяков, ибо Аникеев носит подтяжки.

Следующие три часа они провели в обществе трех пьяных шоферов и одного лихого карманника, который никогда не читал Фрейда. Они отлично поговорили с ним о гипнозе и снах, но некоторые положения доказать не удалось, потому что их повели к дежурному знакомиться с владелицей мотоцикла 52–67. Ее звали Лена – Елена Николаевна Вельская. Дальнейшие события заняли не больше пяти минут. Гражданин Крылов, глядя в желтые от бешенства глаза гражданки Вельской, со вздохом признался, что никаких телесных повреждений он не получил и все его показания были вызваны желанием увидеть гражданку Вельскую, к какой-либо претензий он не имеет. Гражданка Вельская сперва потребовала передать дело на гражданина Крылова в суд, считая достаточным три года исправительно-трудовых работ, но вскоре уменьшила срок до пятнадцати суток. Гражданин Тулин и вышеуказанный Крылов были оштрафованы на пятьдесят рублей каждый. Кроме того, учитывая состояние опьянения и отсутствие денег и документов, гражданин Крылов был задержан в дежурной камере для выяснения личности.

Утром Крылов вышел на улицу, содрогаясь от головной боли. У подъезда на мотоцикле сидела гражданка Вельская и улыбалась.

– Эй вы, задрипанный донжуан, – сказала она, – давайте я вас подвезу.

Она привезла его домой, напоила крепким чаем и при этом так улыбалась, что он полетел в институт, задевая прохожих белоснежными крыльями.

Ему дали проверить распределение объемных зарядов. Ему передали целую установку. Ему дали собственный стол, собственный шкаф. Он сидел на высоком табурете, окруженный приборами, включал, выключал, настраивал, сам себе хозяин, кум королю. Что еще нужно для счастья? Говорят, времена ученых-одиночек прошли. Ничего подобного, он работал один, не чувствуя никакого одиночества. Он обсуждал свои проблемы с Лангмюром, Нильсом Бором, Штарком и еще двумя десятками причастных к его работе стариков. Подобралась отличная компания спорщиков и советчиков, правда, чем дальше, тем чаще они разводили руками и отмалчивались.

После первых измерений ему показалось, что картина распределения получится слишком грубой. Он решил уточнить методику. Перебрал несколько сортов нитей подвески. Поставил сверхчувствительный гальванометр. Затем ему пришлось в голову автоматически стабилизировать температуру прибора. Учесть искажающее влияние трансформатора...

– Почему вы не учитываете полярных сияний? Заряды kota у сторожихи? – спросил его Аникеев. – Вы больны. Болезнь называется «немогуостановиться». Научитесь себя ограничивать. Получили примерную величину и двигайте дальше. Искать истину в последней инстанции – зряшный труд. И существует ли она, эта последняя инстанция?

Не будь Аникеева, он бы совсем запутался. Чего стоила ему одна лишь битва с компенсатором! Они не поладили с первой минуты – Крылов и компенсатор. Издеваясь над всеми законами, компенсатор показывал, что ему вздумается. Крылов наклонял его, менял лампы, свирепея, тыкал карандашом в подвеску, пока компенсатор не взбесился. Они возненавидели друг друга. Теперь компенсатор назло показывал все наоборот. Крылов разобрал его до винтика, снова собрал; тогда компенсатор пустился на подлость, он прикидывался исправным, но в разгар измерений показывал невесть что, путая все данные.

Пришел Аникеев, ни слова не говоря, примерился и хрястнул панель своим кулачищем так, что компенсатор сразу присмирел и заработал, как будто ничего не было.

Аникеев одолжил импульсный генератор. Аникеев помог найти одну из сорока возможных причин погрешностей. Словно вынюхивая, Аникеев водил по шкалам висячим носом, и его лицо с большой обезьяньей челюстью казалось Крылову воплощением доброты и братства.

Крылов завидовал ему мучительно, стыдно. Чтобы стать мало-мальски приличным экспериментатором, ему не хватало терпения возиться с приборами, характера для войны с механизмом, умения хитрить с начальством, ладить со стеклодувом, недоверия к справочникам, юмора, фантазии, мягкости, твердости, смелости, осторожности... Постепенно выяснилось, что он не умеет работать с вакуумом, ругаться, переводить с итальянского, составлять библиографию. Хуже всего было то, что в институте все от него чего-то ждали.

Его стычки с Аникеевым, назначение были приняты как свидетельство необычного характера. Его робость считали скромностью, замкнутость – сосредоточенностью и даже неумелость оценивали как свежесть ума.

Он чувствовал себя авантюристом, шарлатаном, обманщиком, которого в любую минуту могут разоблачить. Особенно страшен был для него Данкевич. Он старался не попадаться ему на глаза и семинары, на которых выступал Данкевич, подслушивал из хранилища.

Те, кто хотел работать у Данкевича, должны были сдать минимум. Так называемый Дан-минимум, или дань-минимум: комплекс задач и вопросов, придуманных самим Данкевичем. Никаких официальных званий или дипломов за сдачу минимума не полагалось, не выставлялось отметок, ничего нигде не отмечалось, и тем не менее каждый электрофизик считал честью выдержать этот добровольный экзамен.

Данкевичу было все равно, кто перед ним – доктор наук или молодой инженер, – никому никаких льгот. Такое отношение многим маститым не нравилось, но Данкевич не обращал на это внимания.

Молодежь обожала его. Вечно за ним таскался хвост поклонников, подхватывая на лету его замечания, изречения. На семинарах ему принадлежало решающее слово. Не по старшинству, а в силу его редчайшей способности предельно упрощать любую запутанную проблему. И так как эта простейшая модель или идея возникала перед ним раньше, чем перед другими, то если посреди доклада он говорил: «Мура!» – все знали, что ничего не получится.

В чем секрет таланта Данкевича? Были математики способнее его, были физики, которые знали больше, чем он... Аникеев отвечал на это с улыбочкой:

– Очень просто. Дан видит все немножко иначе, чем мы, вот и вся хитрость.

Город, как все большие города, не был оборудован для любви. Повсюду ходили люди, повсюду дул холодный ветер. Сады стояли закрытыми. На мягких от сырости бульварных скамейках сидели старики и няньки. В комнату Крылова сквозь фанерную перегородку доносились каждое слово, каждый шорох.

Из века в век *он* и *она* искали уединения и приюта и не находили. Им приходилось удаляться на Луну, на самые дальние созвездия или – когда удавалось купить билеты – в кино. Там темнота укрывала их от всего мира. Там не было ни лиц, ни глаз, только сплетенные пальцы.

Потертая беличья шубка почти не грела. Лена выглядела грустной, усталой, совсем непохожей на ту, с которой он познакомился. Она была ниже его на полголовы, ему хотелось согреть ее, взять на руки.

Они садились в последний ряд, грызли вафли и болтали всякую ерунду. Не будь между ними глупого подлокотника, они чувствовали бы себя совершенно отлично. Не надо было стараться умничать, он говорил что вздумается и мог вести себя свободно, и все же он не решался взять ее маленькую шершавую руку, прижать к щеке, и эта робость была особенно приятна. На экране страдали, произносили какие-то красивые слова, вздыхали. Лена тихонько посмеивалась: дребедень, – и сразу картина превращалась в пародию. Но бывало и так, что Лена усаживала его на место героя в автомобиль, и они неслись по горным дорогам к морю, не обращая внимания на злодея помещика, оставались вдвоем в охотничьем домике, уписывая огромные окорока перед камином...

– Хочу есть, – заявляла Лена. Крылов предлагал пойти в ресторан.

– Послушайте, физик, – говорила она. – Не пижоньте. Вам это не идет.

Они покупали горячие пирожки и съедали их тут же, в гастрономе, запивая томатным соком.

Крылов провожал ее домой. Небо было полно звезд. Ему пришла в голову странная мысль. Он преподнес ее Лене, как преподносят цветок. Никогда раньше он не раздумывал о подобных вещах.

– Не правда ли, интересно, что мы видим Вселенную не такой, какая она есть, а молодой, какой она была много лет назад? Может быть, и этих звезд уже давно нет. Нас окружает прошлое, настоящее – это только мы... А если с дальних планет смотрят на нас, то и они нас не видят. Они могут видеть Октябрьскую революцию. Или как Пушкин едет на дуэль. Какое-нибудь утро стрелецкой казни.

Лена остановилась, поднялась на цыпочки, притянула его голову и поцеловала. Он невольно оглянулся на прохожих, но тотчас устыдился этого движения и сам поцеловал ее солоноватые, пахнущие томатным соком губы.

– Я бы пригласила тебя к себе, – сказала она, спокойно перейдя на «ты». – Но, понимаешь, мамаша, сестренки – не та обстановочка.

Быстрая теплая весна помогала им изо всех сил. Когда темнело, они перелезали решетку Летнего сада и, прячась от сторожа, носились по хрустким, исчерканным тенями аллеям.

Зеленый свет стекал с мраморных плеч богинь. Их белые обнаженные руки слегка просвечивали. Богини были прекрасны, Лена замирала, в восторге задрала голову, зубы ее блестели, а Крылов думал, что самое великое искусство бессильно перед теплом ее жесткой руки, что эта курносая скуластая девушка куда большее чудо, чем все мраморные красавицы.

Лена работала на кинофабрике помощником оператора. Она знала художников, композиторов, запросто командовала знаменитыми артистами – таинственный, незнакомый мир, перед которым Крылов чувствовал себя вахлаком, бесцветным и скучным.

Как ни странно, она словно не замечала своего превосходства, тяготилась его расспросами, но и его дела нисколько ее не занимали, ей доставляло удовольствие болтаться по городу, носиться на мотоцикле, встречать в уличные происшествия, грустить, озорничать. Она словно вырывалась на волю и затевала шумную, неутомимую игру, умея извлекать отовсюду удовольствие.

– Сегодня самый счастливый день в моей жизни, – заявляла она.

– Позавчера ты говорила то же самое.

– Позавчера уже нету. И завтра нету. Есть сегодня. И надо прожить его так, чтобы оно было самым счастливым.

Она никак не покушалась на его время. Когда он однажды задумался и начал заносить в блокнот какую-то схему, Лена незаметно исчезла. Без всякой обиды. С тех пор она только предупреждала: «Если тебе надо заниматься, ты не стесняйся. Хуже нет, когда парень таскается по обязанности». Его это устраивало и тревожило. С такой же легкостью она вообще могла вдруг исчезнуть.

Чем-то она напоминала ему Тулина. Легкостью? Жизнелюбием? Непонятно, почему она относилась к Тулину равнодушно.

– Наверное, мы слишком одинаковы. Это всегда скучно, – ответила она и, прищурясь, оглядела его новый галстук, разрисованный пальмами. – Чего ты стилияешь? Лучше бы купил себе ботинки.

Он было огорчился, но Лена обняла его за шею.

– Чудик! Ты мне понравился таким, и нечего пыжиться. Все равно Тулина тебе не переплюнуть. Ты из породы лопухов.

Она твердо установила товарищеский порядок – когда у него не было денег, платила она, и никаких церемоний. Откровенная наотмашь, она презирала условности. Вначале это корбило его.

– ...Таскался за мной один парень. Ужасный интеллигент. Однажды гуляли мы долго, я смотрю, чего-то он жметя, потеет. «Может, тебе в уборную надо?» – спрашиваю его. Так он на меня обиделся. Стыдить начал и все жует какую-то резину насчет сюрреалистов. Наконец вижу – заговаривается. Отпустила я его. А он как дунет в первую подворотню! Вот тебе и сюрреалисты! У меня, значит, грубость, низменное восприятие, а то, что он три часа ходит со мной и только думает про подворотню, – это поэзия, рыцарство.

В ее веселом вызове условностям было и нечто серьезное. Как-то она призналась:

– От красивых слов у меня оскомина. Представляешь, целый день репетируем всякие фразы. Сперва режиссер, за ним помощник, затем звукооператор, потом артисты – все повторяют, добиваются естественности. Слышать не могу! Выругаешься – и вроде горло прочистила. Такие правильные слова, как уже кем-то обсосанные карамельки в рот кладут. А ведь когда-то они были чистые и хорошие, эти слова, и, наверное, волновали.

В тот год весна двигалась с юга со скоростью семидесяти километров в сутки. Ее стремительный шаг подгонял Крылова. Работа вдруг покатила быстро и легко, как со склона. На

столе появились пачки фотографий для отчета. В журнале «Техническая физика» опубликовали его статью. Крылов подарил оттиск Лене.

Запинаясь на каждом слове, она попробовала читать: «Релаксация... флуктуация... Конфигурационное пространство». Кошмар какой-то, неужто он все это знает? Она посмотрела на него с восхищением, словно впервые увидев. Так, значит, он настоящий физик? Признаться, она подозревала, что он заливает ей, в лучшем случае лаборант или механик.

Она потащила его на вечер в Дом кино и гордо представляла своим знакомым: физик! Бойкие, языкастые красавцы разговаривали с Леной о каких-то павильонах, сценариях, вырезанных кадрах, весело ругали какого-то режиссера, называя его «подлецом запаса», и Крылов глухо ревновал Лену, уверенный, что каждый из этих пижонов должен казаться Лене куда интереснее его, и не понимал, зачем же она возится с ним, зачем он ей.

Внезапно издали, поверх толпы, гуляющей в фойе, он увидел взлохмаченную, тронутую сединой шевелюру.

– Смотрите, смотрите, Данкевич! – восторженно зашептал он.

Кто-то обернулся, кто-то протянул:

– А-а-а!

Молодой режиссер спросил:

– Это что за птица?

– Как, вы не знаете Данкевича? – изумился Крылов. Выяснилось, что никто понятия не имел о Данкевиче. Молодой режиссер, блистая эрудицией, составил дикую окрошку из Эйнштейна, Ферми, Денисова, атомной бомбы, античастиц и Тунгусского метеорита.

Крылов был потрясен. При чем тут античастицы? При чем тут Денисов? Знать Денисова и не знать Данкевича! Почему никто не видит сияющего нимба вокруг головы Дана? Люди должны расступаться и кланяться. Среди нас идет гений, человечество получило от него куда больше, чем от всех этих кинодеятелей, вместе взятых.

– По-твоему, мы должны носить его портреты на демонстрациях? – сказала Лена.

– Может быть. Это справедливей, чем продавать фотографии киноартистов в каждом газетном киоске.

– Что он сделал, ваш Дан? – спросил режиссер.

– О, Дан! – восторженно воскликнул Крылов. – О! Дан! – Он перечислил несколько работ. Маленькие статьи по пять-десять страниц.

– И только! Но это же вроде твоей, – сказала Лена. Крылов рассвирепел:

– У меня тоже два уха, ну и что ж с того? Он гений, а я ничто. – И он закатил им такую речь про Дана, что все притихли.

По дороге в зал Лена шепнула:

– Ты был великолепен! Но все же у твоего Дана шея как у ошипанного гуся.

Они чуть не разругались. Вышучивать великих людей легко, но от этого сам не становишься выше. Зато некоторые восхваляют великих людей, чтобы просиять в их свете. Зато другие... Вообще непонятно, зачем этим другим другие. Разумеется, другие не пишут научных статей... Через десять минут они договорились до полного разрыва и потом никак не могли вспомнить, с чего это началось.

В конце вечера Лена сказала:

– А знаешь, в твоём гусе есть что-то такое...

Крылов был счастлив. Однако «ошипанная шея»... Как это он не замечал, что у Дана действительно длинная шея в пупырышках?

Последний год Дан занимался исследованием электрической плазмы. Задача вызывала противоречивые толки. Связь с электрическим полем Земли? А кому это нужно? Слишком абстрактно, вероятность успеха мала, практический эффект неясен.

Самого Дана соображения о риске или удаче нисколько не волновали. Как-то на семинаре он сказал фразу, которая поразила Крылова:

– Надо делать то, что необходимо тебе самому, тогда не страшны никакие ошибки или неудачи.

Этот человек жил где-то на сияющей вечным снегом вершине, куда не доходили обычные людские страсти и тревоги. Вероятно, тогда на Крылова действовало идущее от Лены хмельное ощущение легкости и возможности самого невероятного. Конечно, то была самая идиотская, нелепейшая просьба, но таков был Крылов. Обдумывать свои поступки?.. Для этого он соображал слишком медленно. Он сказал Дану:

– Я бы хотел работать с вами. Неизвестно почему, но Дан согласился:

– Ну что ж, давайте.

Он сказал это спокойно, как будто речь шла о прогулке, и Крылов поднялся в воздух, не успев уловить мгновения, когда отделился от земли. Собственная дерзость удивила его много позже, в разговоре с Тулиным. Выслушав скептические доводы Тулина (пропала твоя молодость, первые результаты получите через много лет, и то в лучшем случае), он спросил всего лишь:

– Почему ж ты не поспоришь с Даном? Тулин засмеялся:

– Когда я не прав, я могу любому доказать, что я прав, но будь я трижды прав, Дан убедит меня, что я не прав.

Аникеева огорчила измена физике радиоактивных частиц. При всем уважении к Дану, то, чем занимался Аникеев, было, как всегда, единственно стоящей, самой обещающей, самой увлекательной из возможных тем, и только чудак мог уходить из его лаборатории, да еще накануне пуска новой аппаратуры. Крылов беспечно помахал ему рукой. Самолет набирал высоту. Оставайтесь на земле с вашим здравым смыслом, заботами о результатах и прочими благоразумиями.

Он улетал в страну своего будущего, пронизанную электрическими бурями и вихрями, навстречу полярным сияниям, грозам, шаровым молниям, в непознанный хаос, окружающий Землю. Все эти годы он просто путешествовал среди созвездий, и вдруг он обрел свой собственный Млечный Путь.

Выбор казался ему почти необъяснимым, как любовь; из тысяч возможностей его пленила единственная, и надолго, может быть навсегда.

Он умел разгонять потоки ионов, собирать объемные заряды, сводить электроны в тончайший пучок, заставляя их двигаться по любой кривой. Частицы, из которых состоял он сам, Дан, любой человек, Вселенная, – эти частицы подчинялись ему, он измерял их заряды, массы, скорость, он делал с ними все, что хотел.

Но эта власть никак не помогала ему в отношениях с Леной. Лена могла исчезнуть в любую минуту, и он понимал, что ему нечем ее удержать. Она жила в другом измерении, на другой планете, там не действовали обычные скрепы. Он мог работать с Даном, он мог сделать любое открытие, стать почетным членом Французской академии наук. «Потрясающе, – сказала бы Лена, – поехали на концерт Рихтера». Мир его увлечений был каменистой пустыней, в которой она не могла пустить корней.

Тайком от Лены он пробовал читать журнал «Искусство кино»; овладев звучными терминами, он пустился в рассуждения. Вроде получалось, однако Лена прищурилась:

– Прошу тебя, не нужно. Дай мне хоть здесь отдохнуть от этой болтовни. Лучше рассказывай про свои заряды. Послушай, я выучила песенку – закачаешься.

– Ты не любишь свою специальность?

– И да и нет. – Она задумалась. – Вернее, люблю, только от меня одной мало что зависит. Мы ведь связаны веревочкой. Как бы я ни тянула, хорошей съемкой картину не спасешь. Вот

наш художник, талантливый парень, лихие макеты сделал. Ну и что? Картина все равно дрянь. Дрянь сценарий, слабый режиссер. И пропали все старания художника. Все враспыл, в песок, впустую... Ты мне как-то толковал про всеобщий закон сохранения энергии. Почему у нас этот закон не действует? Какой же он всеобщий? Куда девается наша работа, когда картина паршивая? Может, в пробирках твой закон действует, а для жизни он не подходит.

Никогда он не видел ее такой серьезной и грустной.

– Зато когда у вас картина хорошая, то все затраты окупаются. Люди смеются и плачут, вы заставляете миллионы думать над жизнью...

– И что меняется? В школе мне казалось, что если люди прочли «Дон Кихота», Чехова, Толстого, то никто больше не может делать гадости...

Провал своей картины она воспринимала всем сердцем, так что и прошлое, и будущее, все человечество обрекались на безысходную печаль. Он обнял ее и сказал решительно и быстро:

– Я тебя люблю. Ты слышишь? Она серьезно кивнула.

– Лена, давай будем вместе? Почему ты не хочешь, чтобы мы были вместе?

Еще не кончив, он почувствовал, как что-то произошло, словно она выскользнула из-под его руки и очутилась далеко-далеко. С разгона он еще мечтал что-то насчет комнаты, как они поселятся, купят... а она уже ласково смотрела на него с другой планеты.

– Зачем торопиться? Не связывай себя. Все это тебе только мешает. У тебя сейчас самая трудная пора, ты сам говорил, как тебе нелегко тянуться за Даном. Подожди. Разве нам плохо сейчас?

– Плохо. Мне плохо. Я не могу без тебя.

– Так я с тобой. Считаю, что я твоя жена. Сережечка, ты любишь компот? Твоя Леночка, твоя кошечка, сварит своему пупсику компотик. – Она прыснула, вскочила, побежала на кухню, и опять все стало игрой.

Вскоре ему дали комнату. Лена приходила, нацепляла передник, мыла, чистила, без конца переставляла кушетку, книжный шкаф, иногда оставалась на несколько дней, но переезжать отказывалась.

Зыбкость их отношений все сильнее мучила Крылова. С ней было весело, неожиданно и пугающе непрочно. Никогда нельзя было быть уверенным, вернется она назавтра, через месяц или через много лет. Реальностью оставался только ее уход. Казалось, она была уверена, что и для него это, в конце концов, только веселая игра, с поцелуями, объятиями, сумасшедшей ездой на мотоцикле. Игра, которая могла зайти как угодно далеко и все равно осталась бы лишь игрой.

Однажды, выведенная из себя его настойчивостью, она вскочила с постели и ушла. Было два часа ночи. Крылов оделся, схватил ее подарок – керамическую вазу с цветами, швырнул в мусоропровод и отправился гулять.

К рассвету он твердо установил для себя, что любовь – слабость, недостойная мужчины, радость работы выше и чище любых сердечных страданий. Земля электризуется от внеземных источников, у Лены толстые ноги, отношения полов сводятся к физиологии, он ничтожество, никому не интересен, она абсолютно права, он уедет, и она поймет, кого потеряла, женщин надо презирать.

Все, что было до сих пор, было цветочками. Только теперь он начал постигать, что значит настоящая работа, какие изнуряющие поиски скрыты за вроде бы беспечным трепом теоретиков. Группа работала с Даном уже несколько месяцев, Крылову пришлось догонять. Поспеть заходом мысли Дана было невозможно. Крылов то и дело застревал, спотыкаясь о сжатые до предела формулировки, Дан двигался огромными прыжками, и Крылов изнемогал, пытаясь

восстановить связь в его рассуждениях, и со стыдом чувствовал, как Дан терпеливо поджидает отстающих.

Время от времени они собирались в кабинете Дана обсудить состояние работ. Полтавский, молодой расчетчик, страшный формалист и при этом любящий шегольнуть цинизмом, неистовствовал: Крылов заставил его трижды пересчитывать результаты; оказалось, что расхождение получается из-за слабого экранирования.

– А откуда я знал? – огрызнулся Крылов. – От твоих уравнений можно ждать чего угодно.

Полтавский горестно обратился к Дану:

– Посмотрите на этого параноика. Он не признает математики. Она для него не существует. Если на то пошло, то я докажу, что он сам не существует.

– Когда вы с этим справитесь, подсчитайте тепловой баланс нового режима, – спокойно сказал Дан.

Нового режима! Это значит, придется перемонтировать всю установку. С высоты его Олимпа все старания Крылова над тем, чтобы впаять какую-нибудь медную трубку, не охлаждающая стекла, – жалкая возня.

– Сколько можно возиться с этой мурой? – искренне недоумевал Дан. – Неужели с самого начала нельзя было как следует заэкранировать приборы?

Новые экраны не помогли. Пришлось поставить безискровые моторы. Но затем стало не ясно, допустимо ли моделировать явления в таких масштабах. Дан подсчитал условия, при которых модель правомерна. Модель потребовала исследования на устойчивость процесса. Усилитель не справлялся с малыми сигналами. Заказали специальный усилитель радионститута, там попросили подробных технических условий, разрешения министра и права в любую минуту вызывать Дана на консультацию в течение ближайших десяти лет.

И вот наконец, когда все было переделано, отлажено, измерено, то обработка результатов показала, что для переноса одного иона требуется усилие примерно семидесяти пяти паровозов, что электрон занимает объем не меньше двухэтажного особняка и все живое на Земле должно чувствовать себя как человек, сунувший пальцы в электрический штепсель.

И снова они сидят в кабинете у Дана, устало издеваясь над итогами двухмесячной горячки. Исходные предпосылки неверны. Формулы нелепы. Теория абсурдна. Налаженная аппаратура – хлам. Все выбросить. Все сначала. Где начало? Нет ничего, голое место. Закон сохранения энергии. Тупик... Боги... А где гарантия?..

Дан невозмутимо рылся в таблицах, расспрашивал, как будто ничего особенного не произошло. Удрученные, они побрели обедать, оставив его одного, обсуждая дорогой, почему Маяковский застрелился.

Крылова вызвали из столовой к Дану.

– Вас к телефону, – сказал Дан. Крылов взял трубку.

– Сережа, ты что, болен? – услышал он голос Лены.

– Н-нет.

– Почему ж ты вторую неделю не звонишь? Не стыдно?

Невинность ее возмущения не вызвала сомнений. Крылов вспомнил, как она уходила, треск яростно натягиваемых чулок, голое плечо, блеснувшее у окна, и вздохнул.

– Я думал...

– Ты слишком много думаешь. И все о себе. Все твои слова – вранье.

– Понимаешь, сейчас...

– Я хочу тебя видеть.

– Я тоже.

– Пошли сегодня в Филармонию?

– Хорошо.

– Где встретимся?

Он беспомощно посмотрел на Дана.

– У входа.

Дан рассеянно сморщил переносицу, поднялся и пошел из кабинета.

– Ты что, с ума сошла! – закричал Крылов. – Ты знаешь, куда ты позвонила?

– Мне сказали, что ты у Дана. Я ему все объяснила, по-моему, он понял.

Дан стоял в коридоре и грыз карандаш. Крылов, опустив голову, хотел проскочить мимо, но Дан остановил его:

– Поздравляю!

– Простите меня...

– Нет, нет, это же прелестно! Абсурд – вот чего нам не хватало! Самое ценное в исследованиях – это найти абсурд. И мы нашли! Абсурд таит всегда принципиально новые вещи.

Приставив к груди Крылова мокрый конец карандаша, он принялся развивать способ «ущучивания» истины. В хаосе полученных нелепостей из тысяч, миллионов возможностей он учил искать тот единственный, решающий вопрос, который следовало поставить природе. Следить за его мыслью было удовольствие, но изнурительное.

Ничто не могло отвлечь его, заставить считаться с усталостью, неудачами, людские слабости проходили словно насквозь, не затрагивая его сущности. Он скорее удивлялся им, чем сочувствовал.

Чего бы не дал Крылов, чтобы стать таким же!

И все же тайное разочарование, крохотное пятнышко ржавчины появилось в его душе.

Бесспорно, Данкевич – гений, и гению разрешено многое, даже заблуждения, но в итоге-то у него все должно получаться красиво, эффектно и быстрее, чем это можно было бы ожидать.

Савушкин грозился бросить все к чертовой бабушке. Он не может позволить себе роскошь мучиться два-три года, чтобы получить отрицательные результаты. Ему нужно защитить диссертацию. У него семья, дети. Ему нужна тема-верняк. Крылов не возражал ему.

Требовательность Дана не знала предела. Поставить более тонкий эксперимент. Еще тоньше. Отделить влияние магнитного поля, влияние фотоэффекта, рентгеновского излучения...

По прошествии двух недель стало ясно, что подготовка методики займет не месяц, а полгода, затем Дан подбросит дополнительные условия, и тогда срок отодвинется лет на полтора. После чего, окончательно установив ошибку, Дан преподнесет следующий гениальный вариант.

Полтавский меланхолично смотрел в окно; на улице бушевало пыльное городское лето, с мороженым, газированной водой, стуком женских каблучков. Люди уезжали на дачи, лежали на пляже, покупали цветы, целовались, женились, рожали, и никому не было дела до того, что пять человек пропадали в лаборатории, не видя света белого.

– Неблагодарные скоты, – зывал к прохожим Полтавский с высоты третьего этажа. – Неужто вас не волнует природа электрического поля Земли? Мы же стараемся для вас, а вы, вместо того чтобы стоять толпами у подъезда и ждать результатов, отправляетесь ловить рыбу!

В конце июля газеты напечатали сообщения о работах академика Денисова по уничтожению грозы. Приводилось описание, как с помощью радиоактивных излучений управляли грозой.

Крылов с восторгом прочел заметку вслух.

– Денисов? – переспросил Полтавский. – Ну-ну.

– Что значит «ну-ну»?

– Междометие.

Крылов обеспокоенно подумал о Тулине, который занимается вопросами активного воздействия на грозу. Но тут же подумал, что тревожиться о Тулине нечего. Дела Тулина шли блестяще, и иначе они идти не могли. Тулин защитил диссертацию. Профессор Чистяков болел, и Тулин в своем НИИ фактически руководил работами отдела. Тулин публиковал научные работы (слишком часто, по мнению Дана); Тулин состоял членом какой-то комиссии. Тулина любили, хвалили, упоминали, сам Дан считал его одним из интереснейших молодых.

Посреди июля Дан объявил вместо отпуска неделю благородной праздности, и всем скопом они махнули на Рижское взморье. Крылов уговорил поехать с ними Лену. Они валялись на песке, купались и говорили о чем угодно, кроме физики. Дан оказался великолепным резчиком по дереву; из старых корней, валявшихся на пляже, он вырезал фантастических животных. Лене он подарил взлетающую по ветке лисицу. Вообще они с удивлением обнаружили, что Дан уважает гуманитарные науки и никак не разделяет их пренебрежения ко всяким эстетикам, этикам и прочим бесполезностям. Наоборот, он даже считал, им оставлено слишком малое место в жизни. Происходит то же, что с лесами: человечество бездумно вырубает леса, начинается эрозия почвы, остаются бесплодные камни, и никто не задумывается над пагубными последствиями насилия над природой только лишь потому, что последствия эти не оборачиваются против самих нарушителей, страдают потомки.

– Но я могу быть ученым и порядочным человеком, не слушая музыки, – возражал Полтавский.

– Вы – да, а общество – нет, – говорил Дан. – Что, по-вашему, отличает людей от животных? Атомная энергия? Телефон? А по-моему, нравственность, фантазия, идеалы. Оттого что мы с вами изучим электрическое поле Земли, души людей не улучшатся. Подумаешь, циклотрон! Ах, открыли еще элементарную частицу. Еще десять. Мир не может состоять из чисел. Не путайте бесполезное и ненужное. Бесполезные вещи часто самые нужные. Слышите, как заливаются эти птахи?

С ним не боялись спорить, он побивал умом, логикой, а не властью и авторитетом.

На третий день в центральной газете они прочли интервью Денисова. Академик заявлял, что вопросы управления грозой теоретически решены, первые же испытания прошли успешно, остается довести технические детали.

– Еще один блеф, – сказал Дан.

Он заметно расстроился и в тот же день собрался в Ленинград, за ним уехали остальные.

– Я свое догуляю, – сказал Крылов. – Шут с ним, с Денисовым, нас-то это не касается. Чего вы заполошились?

– Ну-ну, – сказал Полтавский. – Жил-был у бабушки серенький козлик.

Проводив ребят, они с Леной махнули автобусом в Эстонию. Утром на какой-то остановке Лена вдруг сказала: «Сойдем, а?» Они выпрыгнули из автобуса и очутились в спящем чистеньком игрушечном городке с башнями, крепостными стенами, поросшими акацией. На древней ратуше лениво били часы, по сырой, выложенной красными плитками мостовой ехали к рынку женщины на велосипедах.

Навсегда запомнилось нежное тепло этого утра, базар, полный цветов, скользкие голубоватые пласты холодной простокваши, которую они пили прямо из горшка, зеленый холм, откуда открылись островерхие, красной черепицы, крыши городка, и дальние мызы, сложенные из дикого камня, и озеро с вышкой, где на упругой доске высоко подпрыгивала загорелая девушка.

Для Лены незнакомый город был начинен неожиданностями. Волнуясь, загадывала она, что сейчас откроется за углом. Вдруг они выходили на площадь, и перед ними взметывались в небо сталагмиты огромной готической церкви из багрового кирпича. Внутри храма было холодно, светили цветные витражи высоких окон, гремел орган так, что вибрировало в груди.

Поздно вечером они, спохватившись, помчались в гостиницу. Там, конечно, все было занято. Тогда, не раздумывая, они забрались в городской парк и подле памятника какому-то местному ботанику составили скамейки. Они лежали, подложив друг другу руки под головы, и Лена, глядя на звезды, говорила о том, что лучше, чем сейчас, не будет, а если будет, то тоже не страшно, что вот это и есть счастье и ни к чему отодвигать его в будущее.

Имя Денисова Крылов слышал давно, в связи со многими проблемами, но на все распросы о том, что же сделано Денисовым, никто не мог ответить ничего внятного.

Шум нарастал, одна за другой появлялись статьи, восторженные, деловые, сенсационные: «Власть над молнией», «Укрошенная стихия», «Подвиг ученого».

В университете Денисов читал лекцию. Крылов поехал послушать. На кафедру поднялся маленький широкоплечий крепыш, составленный из частей, принадлежащих разным людям. У него был голый желтоватый череп, рыбий рот и нежно-розовый толстый подбородок. Несмотря на излишне крикливый голос, театральные жесты, он быстро завоевал аудиторию веселой уверенностью. Крылов слушал его с удовольствием. У Денисова все получалось заманчиво просто, дешево, быстро, и Крылов с тоской подумал о мучительно нудной, бесконечной требовательности Дана, лишенной скорых и ясных обещаний.

Несомненно, Денисов умел убеждать окружающих, можно было понять появление очерка известного писателя «Товарищ небо». Писатель взволнованно делился своим восхищением перед всепроникающим могуществом человеческого разума, дарующим людям власть над грозой. Существо научных работ его не занимало, зато он мастерски нарисовал картины бедствий – ревущие смерчи огня на нефтяных озерах, зажженных молниями, гибнущие в грозе самолеты. Он приводил древние гимны Ригvedы, где Индра своей громовой стрелой рассекает тучи, низводит на землю живительные потоки дождя и людям открывается солнечный свет.

«Извечный источник религиозного дурмана, унижительных страхов, крепость суеверий, символ человеческой беспомощности – все рухнуло, от бывшего могущества останутся развалины – безобидное учебное пособие школьников десятых классов. Гроза демонстрируется по заявкам районо».

Работу Денисова он образно связывал с мечтой народов о мире, о чистом и добром небе над нашей планетой.

Очерк возмутил Дана.

– Это особенно вредно, потому что талантливо.

Он решил выступить на совещании, созываемом Главным управлением совместно с министерствами специально по работам Денисова.

Накануне совещания в институт приехал Тулин. Впервые Крылов видел его таким мрачным и встревоженным. На все распросы о Денисове Тулин цедил сквозь зубы:

– Подонок!

Тулин провел в кабинете Дана час и выскочил оттуда красный. Молча он сбежал вниз, Крылов еле поспевал за ним. Они неслись по улице, расталкивая прохожих, словно куда-то опаздывая. Вдруг Тулин остановился между трамвайными путями.

– Я ведь о нем же заботился, и он меня еще упрекает! Лезет на ветряную мельницу! Да какое там, лезет на пушку со своим копьем!

– Чего ты боишься? – осторожно сказал Крылов. – Пусть они поспорят. Истина рождается в споре.

– Еще ты меня будешь учить! – со злостью выкрикнул Тулин. – Форменный детский сад! Неужто вы не понимаете, что Денисову сейчас нужен именно такой противник, как Дан? Чтобы утвердиться.

Они очутились в красном грохочущем железном коридоре встречных трамваев. Тулин что-то говорил. По бледному злому лицу его мелькали тени.

- ...так их распротак. Истина! Истина в споре чаще всего погибает!
- Ты уверен, что Денисов не прав?
- Твой Денисов – авантюрист! Ну и что из этого? Они вышли на тротуар.
- Почему ты сам тогда не выступишь? – спросил Крылов.
- Поссорилось яйцо с камнем... Кто я такой? Денисов – академик, а я кто?
- Раз Денисов заблуждается, надо ему разъяснить.
- Кроме того, я занимаюсь той же темой. Подумают, что я из-за конкуренции.
- Выяснится, что кто-то из вас не прав, вот и все.
- Даже Голицын, членкор, патриарх и прочая, прочая, не лезет на рожон. Он тоже говорит

Дану, что спор ненаучный и тратить силы на эту галиматью просто неприлично. Все равно что опровергать деревенскую знахарку.

Они остановились у витрины охотничьего магазина и молча разглядывали ружья, блестящие ремни ягдташей, ножи, высокие сапоги.

- Конечно, будь я на месте Дана, я бы вмешался, – сказал Тулин.
- Хм!

– А Дану нельзя. За пределами науки он не боец. Вы должны отговорить его. Денисову известно, что мы связаны с Даном. И все это отзовется на нашей работе.

- Поедем на охоту. Меня Аникеев звал.

– Я Дану высказал все. Пусть он считает меня перестраховщиком, пусть, потом сам поблагодарит. А впрочем, не нужно мне его благодарности.

– Не понимаю. Ты считаешь Денисова прожектером и хочешь, чтобы никто с ним не спорил. Где ж тут принципиальность? И вообще, что же получается? Что ты помогаешь Денисову?

- Да, помогаю. Никто не разоблачит Денисова быстрее, чем он сам. Чем хуже, тем лучше.

Тулин фактами доказывал, как Денисов выдавал желаемое за действительное. На единственный удачный опыт уничтожения грозы приходилось четыре неудачных. О них не упоминалось. Многие делались вслепую, эффект мог получиться любой – и уничтожение грозы, и ускорение ее, беда была в том, что никакой научной основы у Денисова не существовало. Удачные работы по борьбе с градобитием, которые шли на Кавказе, он беззастенчиво заимствовал, переносил на грозу. Процессы в грозовых облаках, механизм развития грозы, то, над чем бился Тулин, нисколько не интересовали Денисова.

- Почему же твой Чистяков не выступит и другие?

– Ты понятия не имеешь о нашей публике, – сказал Тулин. – Кому охота ссориться с Денисовым! Все равно он одолеет.

- Это еще почему?

– Беби! Культа нет, но служители еще остались. Трудно было, конечно, разобраться в хитросплетенных интересах множества людей, хорошо известных Тулину, связанных между собой давними отношениями, построенными на соревновании, заботе об учениках, заботе о собственном здоровье, интересами совместной работы, служебной зависимостью и т. п. Но и Крылов понимал, что ребятам, сидящим где-то на высокогорных станциях, нет ни возможности, ни времени бороться с Денисовым. Было ясно, что денисовская затея помешает многолетним серьезным работам разрозненных лабораторий и станций.

В конце дня Дан вызвал Крылова и попросил срочно подобрать материалы об активных воздействиях для своего выступления.

Крылов замялся, он поверил Тулину, и понимал Дана, и разрывался между ними.

У Дана сидел Голицын, седой, величественный; Крылов видел его впервые. Голицын вертел между ног палку с костяным набалдашником и заинтересованно разглядывал Крылова.

– Что вас смущает? – нервно допытывался Дан.

Крылов сослался на завтрашние испытания в камере. Кроме того, он не понимал, как это в ущерб собственной работе можно заниматься денисовскими делами; конечно, работы Дана связаны с атмосферным электричеством, с теорией грозы и затея Денисова нереальна, но все же это, так сказать, смежная область.

Под пронзительным взглядом Дана он начал путаться, однако Голицын выручил его.

– Слыхали? – обратился он к Дану, видимо продолжая старый спор. – Молодые и те норовят не связываться с Денисовым. Каверзнейшая личность. А вы, с вашим сердцем... Что он вам, конкурент? Будьте выше этого, разве в такой ситуации можно вести научный спор, тут не наука...

Дан сцепил тонкие пальцы.

– Бог ты мой, поймите, это ж не случай, это как инфекция: если не противиться, она расплзется по всему организму, доберется и до нас, и тогда будет поздно. Денисов вводит в заблуждение, мы обязаны сказать правду. Чего бояться? Всё еще живем памятью прежних страхов... – Он вдруг замолчал и затем сказал: – Эх вы, – с печальным гневом и сопровождая это взглядом, который Крылов впоследствии часто вспоминал, как будто Дан смотрел сквозь них, куда-то далеко, в их будущее.

Предсказания Тулина сбывались со зловещей точностью.

Дан выступил и, не снисходя к уровню слушателей, на том строго научном языке, каким он дискутировал на своих семинарах, произвел беспристрастный анализ и сообщил свой приговор. Кроме двух-трех специалистов, никто толком его не понял. Но что Дану до этого, разве Истина меняется оттого, что люди не различают ее?

Слушателей раздражало высокомерие этого аристократа науки, пытающегося опорочить Денисова, убедить своими формулами, что все они невежды и болваны.

Ни до кого не доходила его ирония: «Наконец-то мы услышали доклад, где ясно сформулированы научные основы, опубликованные за последние двадцать лет в разных учебниках», его разоблачения: «Раз пси равно шестнадцати, то любой найдет, что релаксация гаммы на два порядка выше», его выводы: «Следовательно, тяжелые ионы будут вести себя как диполи!»

В ответ Денисов благодушно улыбался.

– Жаль, дорогой коллега, – сказал он. – Оторвались вы от жизни. Вот рядовые инженеры всё оценили, а вы не смогли. А почему? Да потому, что они люди дела, с практическим складом ума. С диполями успеем разобраться, а вот сельскому хозяйству надо помогать немедленно. Какие убытки приносит градобитие! А гроза? Вы про нефтяников подумали? Нужды народные нельзя забывать. Немедленная эффективность – вот что решает.

Председатель вежливо спросил Данкевича, что реально он предлагает народному хозяйству.

– Пока ничего, – вызывающе сказал Данкевич. – Во-первых, необходимо закончить исследование по методике нахождения центров грозы, вероятно, тут могут встретиться...

Его «если», «возможно», «надо проверить» произвели тягостное впечатление.

– Вот видите, – с облегчением подытожил председатель, – конца и края не видно. А академик Денисов предлагает немедленные результаты. Как же мы можем отказаться от такой возможности?

Совещание приняло четкий план обширных работ по исследованиям академика Денисова, одобрило его начинание, рекомендовало сосредоточить в его распоряжении отпущенные средства.

Механика дальнейших событий была Тулину ясна, как падение камня.

С мстительным удовлетворением он показал Крылову статью про своего шефа Чистякова, появившуюся в журнале, куда Денисова назначили главным редактором. Статья брала под сомнение правомерность направления, избранного Чистяковым. Денисов энергично очи-

щал решающие участки от людей, мешающих ему; ученики его и приверженцы получали назначения на кафедры, в НИИ, в ученые советы. Доцент Лагунов был прислан к Данкевичу заместителем директора.

Тулин кружил по комнате, раздражительно высмеивал старенькую, облупленную этажерку, репродукцию Ренуара, он придирался ко всему, что попадало ему на глаза, его злило то, как Крылов сидит, как он встает, то, что нет водки, и то, что есть колбаса, злило молчание Крылова и его вопросы.

Встречаясь со взглядом Тулина, Крылов поспешно отводил глаза, как будто прикасаясь к высокому напряжению.

Тулин остановился перед зеркалом, поправил волосы и, глядя себе в глаза, сказал:

– Летел гусь в голове, а стал в хвосте. Не сегодня завтра мою тему прикроют.

– Кто прикроет?

Тулин с силой провел по щекам.

– Денисов? – спросил Крылов.

– Найдутся и без него.

– Что же делать?

Тулин обернулся, сунул руки в карманы.

– Что делать? Кто виноват? Любимые вопросы русской интеллигенции. – Он пружинисто прошелся, отшвырнул ногой стул. – Как идет работа у Дана?

Крылов рассказал. Неудача следовала за неудачей. Открылись новые сложности. Начальные предпосылки не оправдались. Кое-что удалось смоделировать, но в общем пока одни развалины. Правда, получены важные данные для понимания природы атмосферного электричества и разрядов в облаках, и если бы не Дан... Он не позволяет отвлекаться в сторону, гонит и гонит вперед.

Тулин сел на кушетку.

– Итак, в ближайшее время вы результатов не получите? Крылов пожал плечами:

– Где там! Обследователи навалились. Дана треплют, не дают покоя. И, как назло, у меня тоже ни черта не клеится. Меня все сносит на атмосферное электричество, я хотел с тобой посоветоваться: понимаешь, есть возможность и к механизму грозы подойти совсем с иного боку, чем вы, увязать в общую теорию, энергетически...

– Погоди. Значит, обследуют? Ну что ж, логично. Еще не то будет. Денисов его не оставит. Не оставит, пока не подомнет.

– Ты преувеличиваешь, – сказал Крылов. – Ведь Дан прав. А если и не прав... Нет, нет. В наше время так не бывает. Может быть, надо пойти куда-то, рассказать, я пойду.

– Уже ходили и говорили. Не такие, как ты, ходили. А им – пожалуйста, вот решение совещания. Так сказать, в открытом бою побит ваш Данкевич. А то, что критикуют его, ну что ж, нормально, науке нужна критика. И будь здоров. Приветик. Такая чертовщина, обалдеть можно.

Лицо его зябко съежилось, и Крылову стало не по себе не от слов Тулина, а оттого, что Тулин, его Тулин, может перед чем-то отступить.

– Твой Дан во всем виноват, – со злобой сказал Тулин. – Он все испортил. Зачем было их дразнить? Им только это и надо было. Они провоцируют, а он донкихотствует, губит нас, мостит им дорогу.

– Как ты можешь про Дана...

– Он глуп, глуп, – с каким-то исступленным злорадством повторял Тулин. – Краеугольный камень. Олимпиец. Кристаллическая решетка, а не человек.

Крылов страдальчески сморщился.

– Ну, это зря... Разве можно требовать от Дана какой-то дипломатии? Он мыслит другими категориями. А ты знаешь, как он мыслит. Это молния. Ему все можно простить.

– Кому нужна сейчас эта молния? Молнией задницы не согреешь. Все горит, пожар, а Дан наблюдает в телескоп...

– Не смей говорить о нем плохо! – закричал Крылов. Впервые он осмеливался кричать на Тулина, впервые он взбунтовался. – Как ты смеешь? Дан – святой человек, гений.

Тулин закинул ногу на ногу, успокоенно-холодно улыбнулся. – Да? Крылов оторопел.

– Что «да»?

– Барашек ты мой. Гении нынче получают после смерти, а мы его при жизни сделали гением. Он возомнил и решил, что все может.

– Ничего подобного. Все это вздор. Вздор! – бормотал Крылов.

– Мой совет – оставь его, пока не поздно. Ты сам говорил, что успех и не брезжит. Дан занесся и взялся за непосильную задачу, из-за него ухлопаешь лучшие годы впустую. И, кроме того, помяни мое слово: вам нормально работать не дадут.

Крылов мучительно потирал лоб.

– Нет, ты нарочно пугаешь меня. Только это все вздор.

– Зачем же мне пугать тебя? Ты уже убедился, что я прав.

– Если бы Дан позволил, – сказал Крылов, – я бы... Понимаешь, пользуясь дановской теорией поля, можно рассмотреть природу грозы...

Тулин скучливо отмахнулся – непрактично, уязвимо с точки зрения результатов.

– Такой темой можно заняться и лет через пять, – сказал он. – Держись-ка ты лучше за землю, парень.

И он так выразительно оглядел круглую, курносую физиономию Крылова, что тот покраснел.

– Я и не рассчитываю... Ну, не получится, зато как интересно! Кто-то ведь должен начать. – Крылов помолчал. – Тебе-то хорошо рассуждать.

– Мне хорошо, – сказал Тулин. – Между прочим, мой шеф решил сдать Денисову на милость.

Крылов поднял голову. Глаза Тулина были стеклянные.

– И я с ним, – сказал Тулин. – Бухнемся в ноженьки. Владейте нами. Мы перебежчики. Ему сейчас перебежчики нужны. Самый момент.

– Не юродствуй.

– Денисов, конечно, облобызает нас.

– Зачем вам это?

– Работу спасти надо. Работу, понятно? Мой шеф здраво рассуждает: хоть черту душу заложить, лишь бы дело делать. По-твоему, лучше слезы точить, жалобы писать? Нет, голубок, перед такими, как Денисов, нечего стесняться. С ними надо бороться их же методами. Нечего брезговать. Притвориться? Пожалуйста! Врать? Готов! На все готов. Потом успею руки помыть.

– Что ж это тебе даст?

– Поставлю условия. Дорогой владыка, я ничем вам мешать не буду, перекую мечи на орала, только не трогайте мою тему. Дайте мне доковыряться. Он, конечно, тоже поставит свои условия. Приму. От всего отрекусь. Чего кривишься? – Он вскочил, стиснул кулаки, глаза его словно разбились, сверкая острыми осколками. – Медуза ты интеллигентская! Всех бы вас, чистоплюев... Невинность! Благородство! А внутри-то – трусливый импотент!

– Ну-ну, – ошеломленный его гневом, пробормотал Крылов.

Тулин схватил с вешалки свой темно-серый плащ.

– А ты, вместо того чтобы поддержать меня... Думаешь, очень приятно залезать в это дерьмо? А я лезу... Разумеется, куда как красиво взойти на плаху! Но от этого, милый, работа над грозой не продвинется ни у тебя, ни у меня. Ведь Денисов-то сам ничего не сделает. У него все это афера. Пшик! Дан прав.

– Ага! Вот видишь. И я знаю, Дан – настоящий ученый. Он никогда не пойдет против своих убеждений. Он, как Галилей, будет твердить: а все-таки она вертится! Настоящий ученый иначе не может. Что бы ни было!

Они стояли друг против друга, взъерошенно-непреклонные, пряча сомнения и растерянность.

Первым заговорил Тулин. Нервная усмешка дергала его губы.

– Эх ты, грамотей грамотеевич! Известно тебе, что, несмотря на эту фразу, Галилей все-таки отрекся? Ради того, чтобы иметь возможность работать дальше. Он был деловой товарищ. И как известно, история его оправдала. История! А ты кто такой? Может, она, история, мне тоже памятник поставит. И тебе. Не волнуйся. Если уйдешь от Дана, обязательно памятник хлопочешь. Только мне на коне. А тебе, – он подмигнул, – тебе на мотоцикле.

Он снова был старшим. Как бы они ни ссорились, что бы Олег ни делал, в их дружбе, наверное уж навсегда, он останется старшим.

С внезапной детской нежностью Крылов взял Тулина за руку.

– Не ходи к Денисову. Я не верю, что ты к нему пойдешь. Тулин милостиво поинтересовался:

– Это почему?

– Если бы ты решил пойти, то зачем бы ты мне рассказывал. Ты бы сперва к нему отправился. А тебя совесть мучает. – Приободренный молчанием Тулина, он сказал убежденно: – Есть все же вещи сильнее всякой науки и логики.

Тулин молчал, улыбался, и Крылов сконфузился.

– Передо мной тоже проблема, все же мне охота... Тулин посмотрел на часы.

– Мне бы твои проблемы, я был бы счастливым человеком.

Крылов вернулся в комнату, включил чайник, открыл окно, нарезал хлеб, намазал бутерброды, выпил чаю. Из всех людей на земле ему нужна была сейчас Лена, одна она. Чтобы она пришла, села на подоконник, и он, не торопясь, поговорил бы с ней, рассказал бы ей все.

Всегда ему доставалась роль слушателя. Даже тогда, когда ему необходимо было посоветоваться, все равно как-то получалось так, что его перебивали и заставляли слушать. То, что говорили другие, всякий раз оказывалось важнее его личных забот. Никому почему-то не приходило в голову спрашивать его. И ни у кого не находилось времени выслушать его.

Он сидел за столом и мысленно звал Лену. Он внушал ей: ты должна прийти. В конце концов, существует же какое-то действие на расстоянии, какие-то биотоки, или телепатия, или еще какая-нибудь чертовщина. Нужно сильно захотеть – и Лена почувствует. Должен быть хоть один человек на свете, которому ты нужен.

В раскрытое окно вливался шум улицы. На фоне пунцово-закатного неба возникла фигура Лены. Она быстро скользнула по острым железным волнам крыш. Рама окна была рамой картины. Лена, запыхавшись, уселась на подоконник, отодвинула горшочек с кактусом и разгладила юбку.

– У меня масса времени, – сказала она. – Мы никуда не пойдём. Не удивляйся, можешь сидеть, рассказывать сколько влезет. Мне страшно хотелось узнать, что у тебя происходит.

– Нужно, чтобы был хоть один человек в мире, кто хочет тебя слушать, – сказал он. – Ты знаешь, раньше люди исповедовались, и им становилось легче. Иногда нужно просто, чтобы тебя кто-то слушал. Просто слушал бы и кивал головой. Человеку надо иногда открывать свою душу.

– Давай ближе к делу.

– Вот видишь...

– Ну не буду, не буду.

– Я бы построил специальные дворцы, посадил туда мудрых людей, чтобы к ним можно было прийти и поговорить. Никакой власти им не надо. Только бы они умели слушать.

– Районные исповедальни.

– Не смейся, это очень нужно. Бывает, ни с родным, ни с товарищем не хочется делиться. Олегу сейчас не до меня. Ему трудно. Но и мне тоже трудно. Я все больше чувствую себя тупицей, а Дан выходит из себя. Не знаю, как помочь ему. Боюсь, что не под силу нам... Забежали лет на десять вперед. Но разве его переспоришь?

– Это тебя Олег убедил?

– А что, Олег прав. Олег всегда оказывается прав. Если он вынужден отступить, то где уж мне!

– Не прибедняйся. Тебе не по душе все его доводы.

– Криво, косо, но он идет к своей цели. Во всяком случае, не мне судить его.

– Короче, ты разочаровался в Дане?

– Нет, как ты не понимаешь! Уж на что Эйнштейн двадцать с лишним лет бился над единой теорией поля, и все напрасно. Так и умер, ничего не добившись. Теперь-то ясно, что это была безнадежная, несвоевременная затея. Даже Эйнштейн мог так ошибаться.

– Что ж ты мучаешься? Уходи. Савушкин-то ушел.

– Не ушел, а сбежал. Запахло жареным, он и сбежал. Ты хочешь, чтоб меня считали трусом?

– Савушкин – трус потому, что он думал только о себе. А у тебя совсем другое. Поговори начистоту с Даном, он поймет.

– Я говорил ему, что хочу заняться атмосферным электричеством. Куда там! И слушать не стал. «После, после, сейчас рано». А чего ждать? Полтора года чикаемся, и даже не светит.

– Ему виднее.

– Что я такое для него? Козывка. Какие у меня могут быть страсти? Не имею права. Я должен жить лишь его идеей. Он и знать не желает, что у меня появилось свое. День и ночь меня грызет это, надо сесть, продумать, просчитать, посоветоваться с ним, а я ничего не в состоянии: он захватил мой мозг, выжимает все, до последней клетки, ни опомниться, ни передохнуть, тащит и тащит. Ведь мы выяснили потрясающую вещь: чтобы восстановить электричество в грозном облаке, нужно в тысячу раз больше зарядов, чем уходит в молнию. Скучный паек прежних теорий оказался недостаточным. В чем там дело? Что же там происходит? У меня десятки всяких соображений. Мелькнут – и пропали. Разобраться бы... Мимо, мимо! А я не хочу мимо! Я уже не могу без этого, как без тебя. Мне нужно заняться ими, иначе я засохну. Да, я понимаю, что я всем обязан Дану, даже своими мыслями, замыслами... Я люблю его, он был для меня всем, а ему никакой любви не нужно, ему ничего не нужно, кроме своей работы. Что мы для него?

– Гении жестоки.

– Может, ему так легче? Быть еще и человеком – значит что-то прощать, признавать чьи-то слабости. Он не может себе этого позволить. Вероятно, он вполне искренне не понимает, что какой-то там Крылов смеет чем-то увлекаться. С его высоты все мои проблемы – ерундистика.

– А как же остальные?

– Ребята – те просто пожертвовали собой. Они отказались от всего ради Дана, вернее – ради работы. Но у меня-то есть своя идея, свой детеныш; какой бы он ни был, я не могу отречься от него. У Дана нет ни снисхождения, ни жалости. Он фанатик. Возможно, иначе ничего великого в науке не создашь, но ведь это ужасно... Подожди, не уходи, мне еще нужно столько рассказать. Относительно процесса образования зарядов еще Френкель выдвинул любопытную гипотезу...

Небо быстро темнело, фигура Лены таяла в темноте, оставалось ее лицо со вспыхивающими глазами.

– Я тебе завидую, – сказала она. – Как бы тебе ни было плохо, это все же счастье.

– Счастье?.. Может, оно у каждого свое. Помнишь, я тебе передавал мой разговор с Савушкиным?

– Нет, не помню.

– Он сказал: «Творчество? Счастье? Мура! Какое может быть счастье и творчество на двенадцати квадратных метрах жилплощади с женой и ребенком? Счастье – это квартира из трех комнат. Даже двухкомнатная – уже счастье».

– Да, да, ты тогда расстроился, тебе казалось, что, может быть, он в чем-то прав.

– Значит, ты запомнила?

– Нет, нет, я была ужасно невнимательна. Прости меня.

– Хорошо, что ты здесь.

– Я буду всегда с тобой, как только ты захочешь. Голос ее доносился все глуше.

– Ты все-таки уходишь, – сказал Крылов. – Это безобразие. Я не желаю иметь дело с призраками.

– Толковый призрак – это тоже вещь. Пожалуйста, не швыряйся призраками. Чем я тебя не устраиваю?

– Тебя нельзя обнять. Он услышал ее смех.

– И только?

– Я хочу, чтобы ты живая была такой же.

– Живая, – повторила она задумчиво. – Может быть, это тоже призрак.

Она поставила кактус на место, фигура ее слилась с дымной синевой вечера, растворилась среди бледных фонарей.

На следующий день он поехал после работы на кинофабрику и долго ждал у проходной.

Из ворот с грохотом выкатила пулеметная тачанка, где, обнявшись, сидели махновцы и красноармейцы в буденновских шлемах.

Лена спрыгнула с тачанки и, подбежав к Крылову, расцеловала его в обе щеки.

Не спуская глаз с ее лица, он стиснул ее маленькую жесткую руку.

– Что с тобой? – удивилась Лена.

На ее круглом крепком лице не было никаких следов тоски ожидания, ни вчерашней готовности слушать.

– Что ты делала вечером вчера?

Она перечисляла: стирка, разучивала гимнастику йогов – хочешь, покажу?

– Ты думала обо мне?

– Сереженька, ты совсем как девушка.

– Скажи, зачем я тебе нужен?

– Начинается. Что у тебя за страсть – выяснять отношения?

– Хоть иногда ты скучаешь по мне?

– Так мы же часто видимся. Вот если бы мы надолго расстались. Ох и зануда! Ты сам не понимаешь: ты меня любишь потому, что тебе не хватает меня. Давай лучше поедem к итальянцам – чудные ребята.

Они поехали в гостиницу к итальянским артистам. Лена расспрашивала их про неореализм и маслины, и агитировала за колхозы, и читала стихи Заболоцкого. Потом они пошли гулять. Лена шепнула Крылову:

– Тихо-тихо умоаем, они мне надоели. Они юркнули в магазинчик.

Конфузаясь под взглядом продавщиц, Крылов купил стеклянные бусы. Лена тут же нацепила их и очень обрадовалась.

– Честное слово, индейцы были гораздо умнее белых, когда меняли золото на такие бусы! – заявила она.

Он с тоской подумал, как, в сущности, мало ей нужно. Ей ничего не было нужно. Ни от него, ни от кого другого. Ее устраивало вот это ситцевое платьице, бусы, вечерние прогулки, смешливая милая игра без прошлого и будущего.

Он с трудом удерживал накопленные упреки. Всякий раз он давал себе слово объясниться, предъявить ультиматум и всякий раз откладывал, чувствуя, что это ни к чему не приведет. Существовала какая-то невидимая граница, которую он не мог переступить. Может быть, следовало выждать, запастись терпением, но у него уже не хватало сил.

На ученом совете при обсуждении хода работ группы Данкевича присутствовали члены комиссии, молоденький журналист, какие-то представители и прочие любопытные. Заседание было обставлено весьма демократично, несмотря на то что Дан возмущался и требовал удалить посторонних: «У нас здесь не цирк». Это прозвучало оскорбительно. Своей излишней резкостью он восстанавливал против себя даже нейтральных.

Он не скрывал неутешительных результатов, принимая все удары на себя. На вопрос о хотя бы примерных сроках работ Дан сперва отказался отвечать, потом стал язвительно высмеивать спрашивающих: через десятки лет или завтра, а может быть, он вообще при жизни не успеет, что не вызывает у него никакого беспокойства, ибо он уверен, что к тому времени и члены комиссии уразумеют, что работать только на сегодняшний день, избегать рискованных работ, рассчитанных, может быть, на десятки лет, – типичное браконьерство. При таком подходе Циолковских не получится. Мы достаточно сильны, чтобы думать о будущем.

На вопрос о практическом значении исследований он заявил, что никаких полезных применений тема не имеет. Это была неправда. Можно было связать их исследования с радиотехникой, навигацией; сохраняя максимальную щепетильность, можно было раскрыть ценность теории, допустим, для того же атмосферного электричества. Но Данкевич шел напролом, не замечая расставленных ловушек, а может, он и замечал, но не желал снисходить до участия в этой схватке.

– Какой же смысл имеет ваше исследование? – спросил журналист и занес над блокнотом шикарное белое вечное перо.

– Мы добиваемся научных результатов.

– Что это даст нашей технике?

– Ничего не даст, ничего, – сказал Данкевич. – Вам нужно, чтобы мы увеличили выплавку чугуна, так мы этого не делаем. Просто интересная проблема. Интересная, и больше ничего.

За последнее время он еще больше исхудал, остался только профиль. «Не телосложение, а теловычитание», – как говорил Полтавский. Часто схватывало сердце, он злился не из-за неудач, а оттого, что его отрывают от дела. Вскинув огромную голову с седеющей шевелюрой, он нетерпеливо и презрительно пофыркивал, напоминая загнанного оленя, сильный и в то же время беспомощный, как рыцарь в латах перед пулеметом.

Журналист весело строчил в огромном блокноте.

– Вы отрицаете необходимость тесного переплетения науки с техникой? Вы за отвлеченную, чистую науку? Что же вы хотите получить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.